

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

**ОРДЕНА ТРУДОВОГО КРАСНОГО ЗНАМЕНИ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ**

КРАТКИЕ СООБЩЕНИЯ

121

**ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ
ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

А К А Д Е М И Я   Н А У К   С С С Р

О Р Д Е Н А Т Р У Д О В О Г О К Р А С Н О Г О   З Н А М Е Н И
И Н С Т И Т У Т   А Р Х Е О Л О Г И И

К Р А Т К И Е   С О О Б Щ Е Н И Я

121

П Р О Б Л Е М Ы   И З У Ч Е Н И Я
Ч Е Р Н Я Х О В С К О Й   К У Л Т У Р Ы

И З Д А Т Е Л Ь С Т В О   « Н А У К А »

М О С К В А   1 9 7 0

Сборник посвящен изучению истории племен, населявших лесостепные районы Украины и Молдавии в первой половине I тысячелетия н. э. Статьи сборника отражают историю исследований, итоги работ советских археологов и основные задачи в изучении племен черняховской культуры, в сборнике рассмотрены вопросы взаимосвязей с соседними племенами. Ряд статей посвящен анализу археологического материала, погребального обряда, вопросам хронологии памятников черняховской культуры, а также изучению гончарного ремесла, черной и цветной металлургии.

Редакционная коллегия:

Н. Н. Воронин, Н. Н. Гурина, Л. В. Кольцов (ответственный секретарь),
И. Т. Круликова (ответственный редактор), *К. Х. Кушнарера, А. Ф. Медведев,*
Н. Я. Мерперт, П. А. Раппопорт (зам. ответственного редактора),
Д. Б. Шелов, А. Л. Якобсон

ВВЕДЕНИЕ

Условным археологическим термином «черняховская культура» обозначается очень важное историческое явление в жизни народов Восточной Европы. Географически черняховская культура охватывает всю южнорусскую лесостепь от Прикарпатья до Днепра, а частично и до Северского Донца. Черняховская культура не затронула ни лесные племена, ни степных сарматов, хотя ряд крупных рек связывал черняховскую область с Причерноморьем (Днестр, Южный Буг, Днепр).

Многие лингвисты именно на территории черняховской культуры размещают «прародину» славян; в более позднее время здесь сложилось ядро государственности Киевской Руси.

Хронологически черняховская культура относится ко II—V вв. н. э. Эта эпоха характеризуется двумя историческими особенностями: возросшей подвижностью варварских дружин и максимальным расширением границ Римской империи.

При императоре Траяне в начале II в. н. э. римляне продвинулись в Причерноморье; к середине II столетия они овладели Ольвией, тесно связанной с Поднепровьем.

Примитивная зарубинецкая культура первых веков н. э. под активным воздействием греко-римских центров резко видоизменяется в несравненно более высокую черняховскую, где уже и встречается и плужное земледелие, и гончарный круг. В черняховской культуре бытует огромное количество римских монет II—IV вв. н. э. и изделий римских мастеров. Такое же быстрое преобразование облика культуры варварских племен наблюдается в римское время и у западных соседей черняховской культуры на Висле.

После трех веков расцвета, вызванного активными двусторонними связями с Римской империей, уже в пору упадка Рима и гуннских вторжений, исчезает и черняховская культура. Население Киевщины и Воыни возвращается к более примитивному уровню быта, создавая новые формы, вызванные условиями начавшихся переселений и колонизации Византии в VI—VII вв.

Черняховская культура изучается уже много десятилетий, но перед исследователями этого исключительно важного исторического комплекса стоит ряд существенных вопросов, получающих нередко разноречивые решения. Нет полной ясности в определении самой черняховской культуры как археологического целого, плохо выявлены локальные варианты культуры, недостаточно четко аргументированы хронологические рубежи как отдельных комплексов, так и культуры в целом.

Черняховская культура слабо изучена с точки зрения социальной истории ее носителей. Ведутся споры по поводу этнической принадлеж-

ности черняховской культуры. В основном противостоят друг другу две гипотезы — славянская и готская. Славянская гипотеза исходит из совпадения ареала черняховской культуры с прародиной славян и подкрепляется антропологическими данными о преемственной, генетической связи краниологических материалов скифского времени, черняховских и позднейших славянских (Т. И. Алексева). Готская гипотеза обычно декларируется без системы доказательств (М. И. Артамонов) или расширяет отдельные наблюдения над продвижением готов от Балтики к Черному морю на все пространство лесостепи в 900 км в широтном направлении. Однако некоторые сторонники последней не отрицают возможности славянского компонента в составе носителей черняховской культуры. Так, Ю. В. Кухаренко допускает, что в составе населения, переселившегося из Нижнего Повисленья в Северное Причерноморье, были не только готы, но и другие племенные группы, в том числе славяне. П. Н. Третьяков, рассматривающий зарубинецкую культуру как единственную в Восточной Европе славянскую, не исключает участия носителей этой культуры в генезисе северной части черняховской культуры.

Согласно точке зрения группы украинских археологов (М. Ю. Смишко, М. Ю. Брайчевский, Е. В. Махно и др.), к которым примыкает Э. А. Сымонович, черняховская культура была исключительно славянской. Это положение неоднократно высказывалось в печати. Впервые оно было выдвинуто еще в дореволюционное время в работах В. В. Хвойко. Одно время в литературе была популярна мысль о постепенной эволюции древностей черняховского облика в древнерусские. Однако новейшие открытия археологов показали, что прямая генетическая преемственность между черняховскими и древнерусскими древностями отсутствует. Впрочем, последний вывод не может быть использован для отрицания славянского элемента в составе носителей черняховской культуры. В настоящее время многие авторы полагают, что черняховская культура прекратила существование в основном в конце IV в. в результате гуннского нашествия. Для V в. можно говорить лишь об отдельных островках черняховского населения, не затронутого гуннским разорением. Не считаться с этим обстоятельством, говоря об отсутствии преемственности между славянскими древностями третьей четверти I тысячелетия н. э. и черняховскими, нельзя.

В последнее время исследователи отмечают присутствие сарматских и гето-фракийских элементов в периферийных областях черняховской культуры. Это вполне понятно, учитывая, что на рубеже нашей эры до сложения черняховской культуры значительные пространства ареала этой культуры занимали сарматские и гето-фракийские племена. И это население вместе со славянами, по-видимому, приняло участие в формировании черняховской культуры. Разноэтничный состав носителей черняховской культуры обнаруживается при анализе данных палеоантропологии. В частности, материалы Днепрового Левобережья выявляют скифо-сарматский компонент. Неславянские элементы есть и в некоторых черняховских могильниках Прутско-Днестровского междуречья.

Еще в 50-х годах Б. А. Рыбаков высказал мнение о готской принадлежности нижнеднепровских древностей III—IV вв. и о славянской принадлежности остальной части черняховской культуры. Против готской атрибуции черняховских памятников Нижнего Днепра возражает Э. А. Сымонович.

Ю. В. Кухаренко и М. А. Тиханова показали своеобразие волынской группы полей погребений и утверждают их в основном северо-западное (готско-гепидское) происхождение.

Актуальным и дискуссионным является вопрос о хронологии черняховской культуры в целом и проблема ее хронологической дифференциации. Этот вопрос, помимо источниковедческого значения, имеет прямое отношение к проблеме этнической атрибуции черняховских древностей.

Так, если черняховская культура существовала уже во II в. н. э., как утверждают отдельные исследователи, то готы не могли быть ее создателями, так как они появились в Северном Причерноморье столетием позже. С другой стороны, если черняховская культура продолжала существовать до VII в., как думает, например, Е. В. Махно, то трудно объяснить присутствие на той же территории славянских памятников VI—VII вв. пражского и пеньковского типов.

Из других тем по черняховской культуре наиболее существенными и первоочередными представляются вопросы о ее происхождении и взаимоотношении с зарубинецкой, пшеворской и другими археологическими культурами.

Все эти вопросы стали объектами исследования и научной дискуссии на Совещании, которое было организовано Институтом археологии АН СССР при участии археологов Москвы, Ленинграда, Киева, Львова, Кишинева, Черновиц и Каменец-Подольска во Львове с 12 по 16 декабря 1967 г. С момента первого совещания по проблемам черняховской культуры (Киев, 1957 г.)¹ прошло 10 лет, в течение которых в результате полевых изысканий большого отряда исследователей были накоплены новые материалы. Большое внимание было уделено исследованию черняховских поселений и деталей домостроительства. В этом отношении весьма существенны полевые работы В. Д. Барана в бассейне Западного Буга. Успешно начато изучение культовых древностей (святилище в с. Иванковцы и др.). Продолжались раскопки черняховских могильников (Журовка, Косаново, Будешты, Компанийцы, Раковцы и др.). Исследования последних, как правило, охватывают значительные площади, что очень важно для разработки их детальной хронологии и решения исторических тем. Важные работы произведены Э. А. Симоновичем на Черняховском могильнике, которые не только дополнили наши знания о памятнике, давшем название всей культуры, но и позволили проконтролировать и уточнить многие детали прежних раскопок В. В. Хвойко. Очень много внимания уделялось исследованиям периферийных районов черняховского ареала. В выявлении новых черняховских памятников, помимо археологов-специалистов, принимали участие краеведы. Кроме статей, помещенных в различных научных изданиях, за этот период было издано несколько сборников, специально посвященных черняховской тематике, где помимо публикации новейших данных были систематизированы и научно обработаны материалы довоенных и дореволюционных раскопок².

Издания черняховских древностей осуществляли также археологи Украины и Молдавии³. На основе собранных материалов в Институте археологии АН СССР запланировано издание шести выпусков «Свода археологических источников», посвященных черняховской культуре. Таким образом, в основе докладов и выступлений участников совещания имелись обширные материалы, позволившие подойти к решению некоторых тем.

Для темы славянского этногенезиса интересен доклад В. Д. Барана, в котором сделана попытка показать преемственность черняховских древностей междуречья Верхнего Днестра и Западного Буга со славянской культурой второй половины I тысячелетия н. э. Отдельные вопросы проблемы происхождения черняховской культуры анализировались в докладах И. С. Винокура, Н. М. Кравченко, Ю. В. Кухаренко и в выступлении М. А. Тихановой. Вопросам хронологии были посвящены доклады

¹ Л. А. Голубева. Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян. СА, 1957, № 4, стр. 274—277.

² МИА, № 82, 116 и 139.

³ «Материалы и исследования по археологии Юго-Запада СССР и Румынской Народной Республики». Кишинев, 1960; Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967.

В. В. Кропоткина, А. Т. Смиленко и М. Б. Щукина. Значительный интерес представляют доклады Э. А. Рикмана о фракийских элементах в западных областях черняховской культуры и В. И. Бидзиля о латенских традициях в этой культуре. Оживленную дискуссию вызвали выступления Е. В. Махно по поводу локального членения черняховской культуры и В. И. Довженка о роли черняховской культуры в истории Среднего Поднепровья. Кроме того, был заслушан доклад Г. Ф. Никитиной, посвященный анализу одной категории вещей — черняховским гребням, а также доклады Г. А. Вознесенской, А. А. Бобринского, Е. Н. Черных и Т. Б. Барцевой, построенные на новейших лабораторных исследованиях. Э. А. Симонович и М. Ю. Смишко посвятили свои доклады вопросам историографии.

Настоящий сборник имеет целью познакомить широкий круг ученых с докладами, прочитанными на совещании во Львове, и с дискуссией, развернувшейся по каждому из них⁴, и, таким образом, с состоянием проблемы изучения черняховской культуры.

---

⁴ Материалы дискуссии подготовлены к печати Э. А. Симоновичем на основании стенограмм конференции.

В. Д. БАРАН

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА
В МЕЖДУРЕЧЬЕ ВЕРХНЕГО ДНЕСТРА
И ЗАПАДНОГО БУГА
В СВЕТЕ НОВЕЙШИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В конце XIX—начале XX в. почти одновременно с В. В. Хвойко — первооткрывателем памятников черняховской культуры в Поднепровье К. Гадачеком начались исследования полей погребений второй четверти I тысячелетия н. э. в междуречье Западного Буга и Днестра¹. К. Гадачек обратил внимание на культурную близость этих памятников и подчеркнул их значение для решения важных вопросов ранней истории славян².

После полевых исследований К. Гадачека в Неслухове³, вплоть до 50-х годов, в междуречье Западного Буга и Днестра систематических раскопок памятников черняховского типа не производилось, хотя их количество все время увеличивалось за счет разведочных работ, особенно после Отечественной войны.

Отсутствие полноценных археологических источников создавало благоприятную почву для порождения ряда произвольных концепций, касающихся культурной и этнической принадлежности черняховских древностей исследуемого междуречья, хронологии, отношения их к более ранним и поздним культурам. До недавнего времени для поселений черняховского типа отрицалось даже существование углубленных жилищ и лепной посуды, которая якобы во второй четверти I тысячелетия была вытеснена гончарной керамикой⁴.

С 50-х годов в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга начинают систематические исследования памятников второй четверти I тысячелетия н. э. На ряде поселений проведены многолетние раскопки (Рипнев II, Бовшев II, Черепин, Незвиско, Ракобуты и др.). В больших масштабах осуществлялись также исследования на поселениях и могильниках второй четверти I тысячелетия н. э. в Поднепровье, на Воляни, на территории Молдавии⁵ и Румынии⁶. Очень важны для понимания чер-

¹ K. Hadaczek. Grabarka Niesuchowska. Teka konserwatorska, Roczn. II. Lwow, 1900.

² K. Hadaczek. Kultury dovezcza Dniestru. Materjaly antropologiczno-archeologiczne i etnograficzne, t. XII. Kraków, 1912, стр. 28.

³ Раскопки производились в течение трех полевых сезонов и охватили свыше одной трети площади селища. Встречавшееся в литературе (М. Ю. Брайчевский. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964, стр. 18) мнение об исследовании всех площадей памятника ошибочно.

⁴ М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднепровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, вып. 44, 1952, стр. 77.

⁵ Материалам черняховской культуры посвящены два выпуска МИА (№ 82, 1960; № 116, 1964), сборник «История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры». М., 1967; Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья. МИА, № 89, 1960, стр. 57—172 и др.

⁶ G. Diaconu. Tirgso. Bucuresti, 1965; R. Vulpe. Izvoare. Bucuresti, 1957; X. Моринц. Новый облик дакийской культуры в римскую эпоху. «Dacia», t. V,

няховской культуры открытия и исследования синхронных ей памятников типа Дитиничей-Тришина и более поздних (VI—VII вв.) славянских комплексов с лепной керамикой, которые заполняют хронологический разрыв между позднеримскими и раннесредневековыми древностями.

Полученный за последние 15 лет значительный материал позволяет по-новому подойти к решению ряда важнейших вопросов, связанных с изучением памятников черняховского времени.

Современное состояние изучения памятников второй четверти I тысячелетия н. э. лесостепной части Украины, Молдавии, Румынии, юго-восточной Польши, объединенных наличием единообразной гончарной посуды, изготовленной по провинциально-римским образцам, и многих единообразных металлических изделий, распространенных в римское время на большой территории, позволяет подразделить их на отдельные группы и выделить отдельные культуры.

Отчетливо выделяются памятники типа Дитиничей-Тришина, известные сейчас во многих районах Волинии (Лепесовка, Любомоль, Машев и др.), с которыми Ю. В. Кухаренко в основном правильно связывает так называемую волинскую группу памятников полей погребений⁷. Однако здесь надо считаться с существованием в южной части Волинии и чисто черняховских поселений, таких, например, как Костянец. Кроме того, наличие на волинских поселениях углубленных жилищ, несвойственных памятникам типа Дитиничей, позволяет полагать, что пришлые из Прибалтики и Нижнего Повисленья племена застали здесь местное население, которое, по-видимому, не покинуло полностью этой территории, а, восприняв элементы пришлой культуры, сохранило свои местные традиции, наиболее отчетливо выраженные в жилищном строительстве. Лепная керамика, характерная для памятников типа Дитиничей-Тришина, найдена сейчас в погребениях Поднепровья (Компанийцы)⁸, а также в Северной и Южной Подолии (Раковец Чесновский, Косаново)⁹.

В Прикарпатье хорошо выделяются памятники культуры карпатских курганов, во многом связанные своим происхождением с липицкой культурой. Довольно выразительны очертания своеобразной группы памятников на Нижнем Днепре, выделенной А. Т. Смиленко¹⁰.

Памятники черняховского типа Поднепровья по характеру материалов поселений в свою очередь подразделяются на две группы.

В верховьях Днестра и Западного Буга отдельную группу составляют хорошо исследованные поселения Рипнев II, Черепин, Бовшев II, Незвиско и др. Аналогичные поселения имеются и на прилегающей территории юго-восточной Польши¹¹. По Западному Бугу они заходят несколько ниже г. Бужска, по Днестру опускаются приблизительно до линии Незвиско (Городенковского района Ивано-Франковской области) — Верхний Ивачев на Серете, вблизи Тернополя.

1961; K. Horedt. *Santierul arheologie Moresti SCIV*, 1955, nr. 3—4; B. Mitrea. *Sapaturile de la Satu-Non. MCA*, t. VI. Bucuresti, 1959; он же. *Santierul Spautov. SCIV*, 1953, N 1—2 и др.

⁷ Ю. В. Кухаренко. Волинская группа полей погребений. *СА*, 1958, № 4, стр. 219—226.

⁸ Материалы Института археологии АН УССР (раскопки Е. В. Махно).

⁹ И. С. Винокур, М. И. Островский. Раковецкий могильник. История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. М., 1967, рис. 5, 4, 5, 7; рис. 10, 2; Н. М. Кравченко. Косановский могильник. История и археология... табл. 1, 4, 9, 13.

¹⁰ А. Т. Браичевська. Південна межа черняхівської культури на Дніпрі. *Археологія*, т. XI. Київ, 1957, стр. 8—13.

¹¹ J. Mariniek. *Przyczynki do zagadnienia ciaglosci osadnictwa na ziemiach Polski w swietle badan wykopaliskowych w Zlotej w pow. Sandomierskim*. WA, t. XVI, 1939, стр. 234—255; J. Reuman. *Problem ceramiki ciwej na kole toczonej na ile odkory c' w gornym dorzeczu Wisty*. WA, t. XIV, 1936, стр. 147—173.

Поселения располагались на южных склонах рек, ручьев и небольших водоемов, иногда на возвышенности в пойме реки. Характерный тип жилища — полуземлянка или землянка преимущественно четырехугольной или овальной формы с очагом, очень редко с печью, сложенной из глины или камня. Внутри некоторых углубленных построек нет очагов, возможно, их не использовали в летнее время, а пищу готовили на открытых очагах, вне жилищ. Керамические комплексы поселений состоят из лепной и гончарной посуды. Лепная посуда по количеству занимает такое же место, как и гончарная, а иногда даже преобладает над последней. Ведущей формой лепной посуды являются горшки с несколько отогнутым наружу венчиком, имеются также плошки, часто на поддоне.

Аналогичные поселения открыты в Поднепровье (Ломоватое, Журавка, Никольское). В последнее время они исследовались и на территории Румынии, например в Стреулешти¹².

Ниже по Днестру, в его средней части, располагается другая группа поселений черняховского типа, территориально примыкающая к памятникам Прутско-Днестровского междуречья. На этих поселениях имеется обычная для этого времени гончарная керамика, лепная посуда или отсутствует, или ее количество ничтожно. Знаменательно, что на поселениях этой группы памятников нет углубленных жилищ — все жилые постройки здесь наземные. К числу таких поселений относятся Сухостав, Островец, Новосилка Костокова, Голиграды, Максимовка. По культурному облику они близки к таким поселениям черняховской культуры Поднепровья, как Ягнятин, Жуковцы, Лески и др.

На основании данных, полученных при исследовании памятников черняховского времени в междуречье Западного Буга и Верхнего Днестра, нам известно, что лепная посуда имеется в значительном количестве лишь на тех поселениях черняховского типа, на которых вскрыты углубленные жилищные и хозяйственные постройки. На поселениях с наземными постройками лепной керамики нет или количество ее очень незначительно. Эти группы памятников в Поднепровье разделяются и территориально.

Мы полагаем, что памятники с лепной керамикой по ряду признаков могут генетически связываться с раннесредневековыми славянскими древностями той же территории. Верхняя хронологическая граница памятников черняховского типа в верховье Западного Буга и Днестра относится к концу IV—V вв. н. э. Она устанавливается на основе находок больших железных фибул с подвязным приемником в жилищах на поселении Рипнев II и фибул с лукообразной дужкой на том же поселении и поселении Бовшев II, которые бытовали до конца V в.¹³ По всей вероятности, к черняховскому слою рипневского поселения следует отнести и бронзовую ранневизантийскую фибулу с цельным приемником, имеющую близкую аналогию в погребении № 336 на острове Борнхольм в окрестностях Каникегарда. Рипневская фибула типологически более поздняя, чем находка на острове Борнхольм, и, судя по ширине приемника, несколько более ранняя, чем ранневизантийские фибулы из Подунавья, датирующиеся в пределах V—VII вв.¹⁴ Таким образом, наиболее вероятной датой фибулы из Рипнева является V век. Эту дату подтверждают данные археомагнитного анализа гончарной печи из Рипнева II¹⁵.

¹² M. Konstantiniu. Sapaturile de la Straulesti-Maicanești. Cercetași arheologice București, t. II. București, 1965, стр. 141—189 (русское резюме, стр. 227—228).

¹³ E. Meyer. Die Büdelknopffibul, Arbeits- und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege, Bd. 8. Leipzig, 1960, стр. 236—246.

¹⁴ D. Tudor. Sucidava. «Dacia», t. VII—VIII, 1937—1940, стр. 372—373.

¹⁵ С. П. Бурлацкая, Т. Б. Нечаева, Г. П. Петрова. Археомагнитное датирование керамических изделий. Доклады и сообщения археологов СССР. М., 1966, стр. 252.

Достоверно славянские памятники в Верхнем Поднестровье и на Волыни относятся к самому началу VI, а возможно, и к концу V в., что устанавливается хорошо датированными вещами, найденными на городище у с. Зимно Волинской области¹⁶. На раннеславянском поселении у с. Зеленый Гай Тернопольской области на Днестре нами найдено на полу жилищ и даже в печах по одному—по два фрагмента гончарных сосудов с шершавой поверхностью черняховского типа, которые никак нельзя исключить из данного комплекса. Выявленная на этом поселении лепная посуда кажется более ранней, чем посуда зимновского городища, что разрешает датировать его концом V—VI в. Эти данные позволяют полагать, что хронологический рубеж черняховских и достоверно славянских древностей приходится приблизительно на V в. Между этими культурами нет и, вопреки предположению М. И. Артамонова¹⁷, наверно и не будет еще какой-то третьей культуры, которая бы их разделяла. Трудно также думать, что районы Верхнего Днестра в середине I тысячелетия на какое-то время оставались пустынными.

Сопоставление черняховских и достоверно славянских памятников обнаруживает ряд общих черт.

Одинакова топография поселений, сходны жилища. Показательным в этом отношении является поселение Бовшев II, расположенное на небольшой возвышенности в пойме р. Гнилой Липы—левого притока Днестра. На этом поселении из девяти выявленных нами жилищ с материалами черняховского типа пять представляют полуземлянки (глубиной 0,7—1,2 м от современной поверхности) с открытыми очагами, а четыре—землянки глубиной больше полутора метров. На том же поселении в его верхнем слое открыты славянские жилища с лепной керамикой VI—VII вв. Все они полуземлянки. В двух из них были печи-каменки, в двух—открытые очаги. Все полуземлянки обоих слоев этого поселения имели одинаковую ориентировку и одинаковое расположение столбовых ям. Все же нельзя не отметить, что в целом тип жилища VI—VII вв. более устойчив и указывает на определенную унификацию приемов домостроительства и прогресс по сравнению с предыдущим периодом.

Лепная посуда памятников черняховского типа на исследуемой территории по ассортименту, формам, профилировке, а в большинстве случаев и по составу теста почти не отличается от лепной посуды раннесредневековых славянских памятников (рис. 1—3). Следует подчеркнуть и наличие одних и тех же приемов орнаментации—валика с косыми нарезками, однолинейной волны, пальцевых вдавлений. Орнамент и в тех, и в других комплексах встречается редко. Вместе с тем нельзя не отметить, что в группе лепной посуды черняховского типа имеются формы (плошки на поддоне), которые не встречаются в последующий период, и наоборот (сковороды появляются лишь в VI—VII вв.).

Наличие гончарной посуды в керамических комплексах черняховских слоев и ее отсутствие в комплексах третьей четверти I тысячелетия не может предрешать вопрос о соотношении этих памятников, поскольку изготовление гончарной керамики в первой половине I тысячелетия связано и с провинциально-римскими влияниями, и с контактами местного населения с населением римских провинций, которые прекращаются в середине I тысячелетия вместе с распадом Римской империи. Во второй четверти I тысячелетия н. э. большинство населения Юго-Восточной и Центральной Европы в равной мере пользовалось гончарной посудой, изготовленной по римским или провинциально-римским образцам.

¹⁶ В. В. Аулик. Металеві пряжки і прикраси з верхнього горизонту городища в с. Зимно Волинської області. МДАПВ, вип. 4. Київ, 1962, стр. 92—105.

¹⁷ М. И. Артамонов. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. Сб. «Проблемы всеобщей истории». Л., 1967, стр. 63.

Невозможно полностью согласиться с мнением некоторых исследователей о примитивности славянской культуры в VI—VII вв. На ряде славянских раннесредневековых поселений действительно основным инвентарем является лепная керамика; вещи из металла и другие изделия встречаются редко. Вместе с тем на городище VI—VII вв. у с. Зимно собрана очень большая коллекция изделий из металла (орудия труда, оружие, украшения), которые по своим техническим и художественным качествам не уступают изделиям более раннего периода.

Однако наличие типологической и, как нам кажется, этнической связи верхнеднестровской группы памятников черняховского типа со славянскими раннесредневековыми памятниками не решает проблемы этнической принадлежности черняховской культуры в целом. Речь может идти лишь о памятниках второй четверти I тысячелетия н. э. с углубленными жилищами и лепной посудой. Для всех остальных групп памятников второй четверти I тысячелетия типологические связи со славянскими древностями VI—VII вв. отсутствуют или прослеживаются слабо, что хорошо показано в работах Г. Б. Федорова, Э. А. Рикмана и И. А. Рафаловича¹⁸.

Таким образом, памятники черняховского времени не составляют единого целого, поэтому попытки связать их с какой-нибудь одной этнической группой (славянами или германцами) второй четверти I тысячелетия заранее были обречены на неудачу. Положения М. А. Тихановой о многоэтничности черняховской культуры и ее принадлежности скифо-сарматским племенам на востоке, гето-фракийским на западе в Поднестровье и славянским на северо-западе (имеется в виду Волянь) аргументированы слабо, а выделенные ею локальные варианты не находят подтверждения в материалах¹⁹.

Имеющийся в настоящее время материал позволяет сделать следующие заключения.

Памятники типа Дитиничей-Тришина, имеющие очень близкие аналогии среди синхронных материалов Прибалтики и Нижнего Повисленья, по всей вероятности, оставили германские племена гето-гепидов, продвигавшиеся к югу. С фракийским населением можно связать липицкую культуру и культуру карпатских курганов. Хорошо выделяются древности сармат, представленные на территории Верхнего Поднестровья могильником у с. Островец Ивано-Франковской области²⁰.

Верхнеднестровская группа поселений черняховского типа с углубленными жилищами и характерной лепной керамикой, а также аналогичные поселения в других районах распространения черняховской культуры, на наш взгляд, может быть связана со славянами.

Значительную часть памятников черняховской культуры (Сухостав, Костянец, Лески, Ягнятин, Жуковцы, Будешты, Черняхов и многие другие) трудно отнести к какой-нибудь из названных этнических групп населения, так как лепная керамика здесь отсутствует или имеется в очень ограниченном количестве, а гончарная посуда и металлические изделия не могут быть основанием для этнических построений. Соглашаясь с выводами Г. Б. Федорова и Э. А. Рикмана, что на территории Молдавии имеются дако-гетские и сарматские элементы (последние хорошо прослеживаются также в Днепровском Левобережье), нельзя не отметить, что

---

¹⁸ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья. МИА, № 89, 1960, стр. 159—162; Э. А. Рикман, И. А. Рафалович. К вопросу о соотношении черняховской и раннеславянской культур в Днестровско-Дунайском междуречье. КСИА, вып. 105, 1965, стр. 42—57.

¹⁹ М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 168—194.

²⁰ М. Ю. Смішко. Сарматські поховання біля с. Острівець Станіславської області. МДАПВ, вип. 4. Київ, 1962, стр. 54—70.

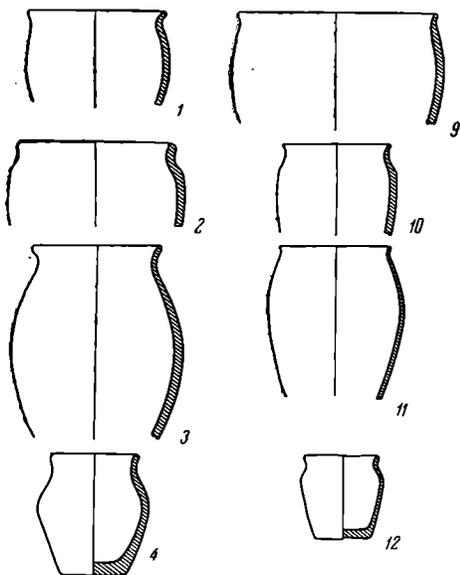

Рис. 1. Сравнительная таблица типов лепных горшков Верхнего Поднестровья черняховского времени (слева) и третьей четверти I тыс. н. э. (справа)

1-8 — посуда черняховского типа; 9-16 — славянская посуда VI-VII вв.

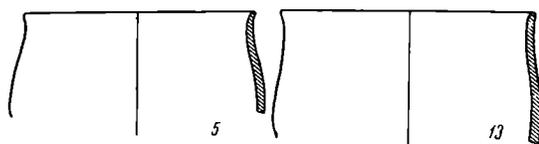

Рис. 2. Лепная посуда черняховского типа из поселения Бовшев II (1-12)

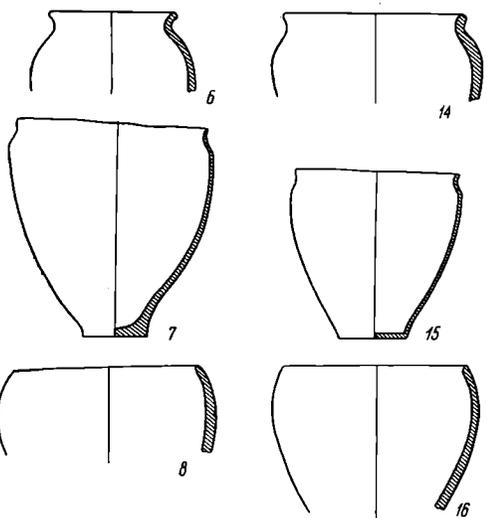

Рис. 3. Лепная посуда из поселения VI в. Зеленый Гай (1-11)

в других районах распространения черняховской культуры большее участие в ее сложении приняли, по-видимому, другие племена, в числе которых были славяне.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА В. Д. БАРАНА

М. Б. Щукин отметил, что так называемая ранняя византийская фибула из Рипнева, по всей вероятности, относится к черняховскому слою этого памятника. По паннонским аналогиям такие фибулы могут быть датированы III в. н. э. Вторая фибула с концентрическими кружочками на ножке, которую докладчик относит к V в., также принадлежит к типу не столь поздних. Последние характеризуются длинной ножкой, а

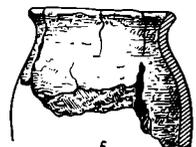
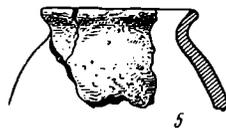
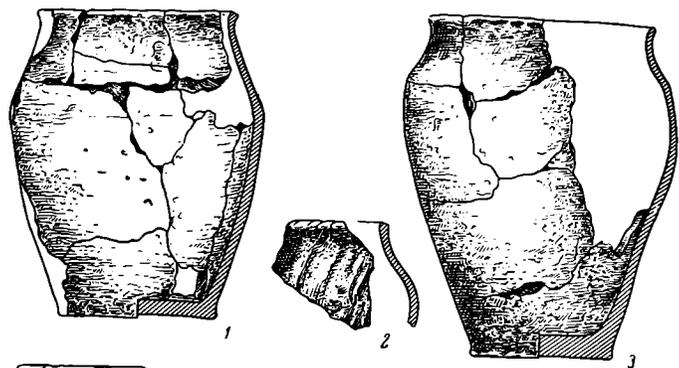
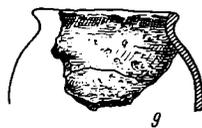
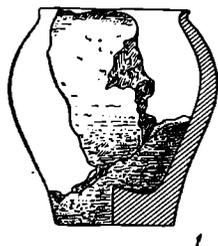

Рис. 2

0 5 CM

Рис. 3

0 3 CM

рипневская и бовшевская имеют параллели среди фибул с короткой ножкой, распространенных в III в.

Б. А. Рыбаков и Е. В. Махно согласились с предложенной В. Д. Бараном верхней датой черняховских памятников верховьев Западного Буга и Днестра V столетием.

И. А. Рафалович подчеркнул, что для решения вопроса о преемственности раннеславянских древностей с черняховскими недостаточно присутствия полуземляночных жилищ на тех и других памятниках. При сопоставлении жилищ необходимо анализировать все детали устройства жилищ, строения и расположения печей, систему расположения построек на поселениях и т. п.

Два замечания сделаны Э. А. Сымоновичем: 1) Косаново нельзя относить к памятникам типа Дитиничей. По беглым подсчетам, основанным на публикации этого могильника, дитиничских (и пшеворских) форм здесь имеется 8, а типично черняховских 76; 2) неосторожным является отнесение сосудов яйцевидной формы к германскому влиянию.

В. В. Крopotкин признал, что памятники III—IV вв. н. э. в западной части распространения черняховской культуры выделяются в особую группу. Однако, по всей вероятности, эта группа должна быть выделена из черняховской культуры. Поэтому пока можно ставить вопрос о преемственности не черняховской культуры, а памятников III—IV вв. верховьев Западного Буга и Днестра со славянскими древностями раннего средневековья.

В заключительном выступлении В. Д. Баран еще раз остановился на фактах, свидетельствующих в пользу датировки черняховских памятников анализируемой территории III—V вв. н. э.

Д. Т. БЕРЕЗОВЕЦ

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА И КУЛЬТУРА СЛАВЯНСКИХ ПЛЕМЕН VI—VIII вв.

В Среднем Поднепровье известны две особо интересные археологические культуры I тысячелетия н. э. Это культура полей погребений черняховского типа и культура Киевской Руси. Первая относится к первой половине I тысячелетия, вторая — к его концу.

Первооткрыватель черняховской культуры В. В. Хвойко считал ее славянской и видел в ней предшественницу культуры Киевской Руси. В дальнейшем часть исследователей этой культуры, следуя за В. В. Хвойко, стремились и стремятся еще и сейчас показать, что эти две культуры являются звеньями одной цепи исторического развития славянского населения Поднепровья.

Вопрос о территории, занятой черняховской культурой, сейчас разрешен быть не может, так как у исследователей нет единого мнения даже о том, что такое черняховская культура, какие специфические черты отличают ее от синхронных культур Восточной и Центральной Европы. Материальная культура черняховского населения имеет очень много черт, привнесенных в нее провинциально-римской культурой, особенно в керамике и в украшениях. Некоторые исследователи принимают эти явления за этнокультурное единство, что, с нашей точки зрения, неверно.

На территории Среднего Поднепровья черняховская культура исчезает где-то к V в., возможно, сохраняясь несколько дольше в более западных районах (Рипнев). Событие это связывается с гуннским нашествием. Гунны частично уничтожили население лесостепи, частично заставили его уйти со своих насиженных мест. На какое-то время население Поднепровья становится очень редким. На территории, ранее густо заселенной племенами черняховской культуры, создается своеобразный вакуум, частично заполненный передвижением населения из более северных районов. В этих условиях исчезает внутренний рынок, прекращается внешняя торговля, перестает поступать римская монета, исчезают ремесла, прекращается производство гончарной посуды.

Исчезновение ремесла вовсе не означает, что люди разучились выплавлять железо и ковать из него серпы и ножи. Речь идет об исчезновении ремесленного производства, производства не для своих нужд, а на рынок, о полной натурализации хозяйства. В новых условиях многие технические навыки стали неприменимыми. В условиях полностью натурального хозяйства гончару для своего личного хозяйства нет смысла делать хорошую гончарную керамику. Производство это очень трудоемкое (подготовка специальной керамической массы, изготовление горна для обжига и т. д.) и имеет смысл только при массовом выпуске изделий. Для своего личного потребления проще изготавливать лепную посуду. Оказывается, что даже

в хорошие времена гончары пользовались в быту лепной посудой. Как сообщила нам А. Т. Смиленко, при ее раскопках в балке Канцерке, в жилище гончара, изготовлявшего серолощенные кувшины, в домашнем обиходе была только лепная керамика.

При таком положении вещей у мастеров не может быть преемников, он лишен возможности передавать свои знания. Навыки и достижения, накопленные ремесленниками, бесследно исчезают. В VIII в., когда в Среднем Поднепровье вновь возрождается гончарная керамика, мастера заново овладевают ее техникой. Между мастерством черняховских гончаров и мастерством гончаров VIII в. преемственности нет.

Начавшиеся вскоре после крушения черняховской культуры балканские войны привели к передвижению на запад, в пределы Византийской империи многие славянские племена. Значительные перемещения населения привели к смещению его и образованию целого ряда новых этнокультурных объединений, известных нам по летописям. По-видимому, именно в это время (VI—VII вв.) происходит окончательное становление восточнославянского мира в том виде, в каком он известен по летописям.

Археологические памятники VI—VIII вв. очень хорошо это иллюстрируют. Все известные поселения этого времени свидетельствуют о сравнительно редком заселении Поднепровья. Для примера можно привести поселения VI—VIII вв. у с. Пеньковка¹, на которых одновременно существовало по 3—6 жилищ. На этих поселениях по существу нет культурного слоя, культурные остатки находятся только непосредственно у жилищ или в заполнениях их ям. Поселения не только малолюдны, но и очень недолговечны. Такая же картина наблюдается и на поселениях, раскопанных на берегах Южного Буга², в Луке-Райковецкой³.

Раскопанные нами могильники в районе пеньковских поселений — небольшие, с малым количеством погребений — полностью соответствуют характеру поселений.

Поселения находятся в низких местах, в поймах рек на останцах или на низких берегах. Такая топография их, по-видимому, объясняется тем, что сельскохозяйственная техника не позволяла обрабатывать земли, расположенные на плато, фактически в условиях степи. Для борьбы со степными травами нужен был плуг, оборачивающий пласт, а такого орудия у них не было. Своими ралами обитатели поселений VI—VIII вв. могли обрабатывать только легкие почвы, поблизости от которых они и селились.

В VI—VIII вв. радикально меняется и тип жилищ. Если в черняховское время существуют только наземные жилища с глинобитными печами⁴, то сейчас бытуют только полуземлянки с печами-каменками. Значительно изменяются и размеры их. Вместо 25 м² и больше площадь их в эти века редко превышает 12 м². Совершенно исчезают жилища со стенами, плетеными из лозы. Появляются жилища, характерные для лесной зоны, со стенами, рубленными из бревен.

Если мы будем рассматривать погребальный обряд, то тут он иной, чем на черняховских памятниках. Совершенно исчезают труположения; погребения с трупосожжением теряют многие черты, свойственные черняховским памятникам. Могильники VII—VIII вв., исследованные нами,

---

¹ Д. Т. Березовец. Поселения улицей на р. Тясмине. МИА, № 108, 1963, стр. 145—208.

² П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, № 108, 1963, стр. 320—350.

³ В. К. Гончаров. Лука-Райковецкая. МИА, № 108, 1963, стр. 283—315.

⁴ Для черняховской культуры известны и несколько углубленных в землю жилищ, но их очень мало и не они определяют массовый тип черняховских жилищ. См.: М. Ю. Брайтчевський. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964, стр. 189.

характеризуются захоронениями остатков кремации, в цилиндрических ямках, иногда прикрытых перевернутым сосудом. В погребениях конца VII—VIII в. наряду с ямками появляются захоронения в урнах. В отличие от черняховских урны не закапываются в ямы, а ставятся на дневную поверхность и засыпаются землей. Этот обряд одинаков для Правобережья и Левобережья.

Если для черняховской культуры характерны большое единообразие ее, хорошо выработанные формы керамики, однотипность бытовых вещей и предметов личного убора, то для памятников второй половины I тысячелетия характерно отсутствие такого однообразия. В керамике, например, существует так много форм, что практически нет возможности выделить какие-то ведущие. То же можно сказать и о технологии. Если черняховская керамика во всем Поднепровье изготовлялась из глины одного состава, то керамика VI—VIII вв. даже на одном поселении изготавливается из глины с самыми различными примесями (дресва, песок, шамот). Нет единства и в орнаментации керамики.

Весь характер памятников второй половины I тысячелетия говорит о том, что эти памятники оставлены не тем населением, которое создало черняховскую культуру. Если какая-то часть этого населения и осталась тут, то после бурных событий середины I тысячелетия оно не могло сохранить своих традиций и своей культуры. Искать связи между черняховской и древнерусской культурами дело совершенно безнадежное. Истоки культуры Киевской Руси лежат в племенных культурах, не имеющих прямого отношения к черняховской.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Д. Т. БЕРЕЗОВЦА

Е. В. Махно утверждает, что племена, оставившие памятники типа Пеньковки, во многом продолжают развитие черняховской культуры. Черняховская культура не была уничтожена гуннами. Нет фактов, подтверждающих одновременность разрушения черняховских поселений на Среднем Днестре. Этнос пеньковских поселений не вполне пока ясен, так как наряду со славянскими здесь есть и чужеродные формы керамики. Возможна не только прямая преемственность с черняховской культурой, но и сосуществование памятников.

И. С. Винокур возражал против положения Д. Т. Березовца об отсутствии какой-либо связи землянок черняховского времени с жилищами последующих веков. На черняховских памятниках встречаются как наземные, так и углубленные в землю жилища, при этом полуземлянки встречаются не только на Верхнем Днестре, но и на Среднем Днестре, на Волыни и на Подолии. Нет сомнений, что конструктивные особенности черняховских построек и жилищ третьей четверти I тысячелетия н. э. во многом близки. Вещи черняховского периода в ряде случаев могут быть сравниваемы со славянскими находками VI—VII вв. н. э. Основной район формирования черняховской культуры — Днестро-Днепровское междуречье. В процессе формирования к основному компоненту примешиваются другие, о чем свидетельствуют раскопки Э. А. Рикмана в Молдавии, работы Ю. В. Кухаренко в северо-западных районах. Ю. В. Кухаренко правильно наметил продвижение германцев с севера. Гото-гепидские элементы были принесены ими. В основном же памятники черняховской культуры Волыни и других областей славянские.

В. И. БИДЗИЛЯ

ЛАТЕНСКИЕ ТРАДИЦИИ В ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ

(тезисы доклада)

1. **Латенская культура** сыграла выдающуюся роль в исторических судьбах племен и народов древности, создав единый экономический рынок во всей Центральной Европе и обогатив многие культуры высоким уровнем технического мастерства, отголоски которого ощутимы еще и в разнородных культурах позднего средневековья и последующего времени.

2. **Влияние латенской культуры** на территории Восточной Европы прослеживается с рубежа III—II вв. до н. э. В это время в составе восточноевропейских культур появляются отдельные вещи латенского производства (монеты, ювелирные изделия, металлическая посуда, гончарная расписная, сероглиняная и графитированная керамика, предметы вооружения). Подобного рода находки встречаются вплоть до среднего течения Днепра включительно.

3. **Связи зарубинецкой и латенской культур** прослеживаются в основных отраслях ремесленного производства — в черной металлургии, металлообработке, ювелирном деле и гончарном производстве.

Зарубинецкая металлургия железа целиком относится к латенскому времени. Основным типом сыродутных горнов в зарубинецкой культуре, как и в латенской, является глинобитный наземный горн, изредка немного углубленный в землю. Общими являются технические и технологические приемы.

Связь металлообработки зарубинецкой культуры с латенской прослеживается в некоторых формах железных орудий труда (втульчатые топоры, косы с железными кольцами и др.).

Распространение бронзовых и железных фибул средне- и позднелатенских типов зарубинецких памятников послужило основным прототипом собственно зарубинецких фибул. Среди других изделий латенского ювелирного ремесла в зарубинецкой культуре нашли распространение бронзовые поясные цепочки и некоторые типы бородавчатых браслетов.

Зарубинецкая столовая посуда, по мнению части исследователей (П. Н. Третьяков, Ю. В. Кухаренко), испытала на себе латенское влияние. На наш взгляд, общими в керамике обеих культур являются технология обработки поверхности черным и серым лощением, наличие на корпусе сосудов небольших горизонтальных валиков и некоторых форм мисок.

4. **Липицкая культура** испытала на себе значительно большее влияние латена. Кроме латенских ювелирных изделий, оружия, металлических сосудов и орудий труда, встречающихся в зарубинецкой и липицкой культурах, в последней имеется значительный процент гончарной латенской

керамики, а развитие гончарного ремесла здесь протекало при непосредственном влиянии латена.

5. После упадка латенской культуры в Средней Европе в северо-восточной части Карпатского бассейна продолжается развитие всех основных отраслей хозяйства на латенской основе. На поселениях широкое распространение получает сероглиняная гончарная керамика, генетически связанная с позднелатенскими комплексами. Как и в предшествующее время, она имеет циркулярный узор из мелких кружочков, желобчатый и валиковый орнаменты. Сравнительно редкий в латенское время мотив орнаментации штампованной розеткой с начала н. э. получает широкое распространение в северо-восточной части Карпатского бассейна. На территории Закарпатья такая керамика встречена на Галлиш-Ловачке, в Ужгороде, Берегове, Ново-Клинове, Клячанове и других пунктах.

6. Гончарная керамика первых веков н. э., распространенная на памятниках Закарпатья и Восточной Словакии, проникает в культуру карпатских курганов.

7. Черняховская металлургия железа, известная нынче более чем в 40 пунктах Украины и Молдавии, представлена шахтными глинобитными горнами. Оба типа горнов, подобно зарубинецким, генетически связаны с позднелатенской металлургией.

Металлообработка черняховской культуры без существенных видоизменений продолжает традиции зарубинецких кузнечных мастерских. Технологические приемы обработки железа в зарубинецкое и черняховское время близки между собой, и их первооснова усматривается в латенских древностях.

Наследие латена в черняховской культуре более отчетливо прослеживается в гончарном производстве. При посредничестве липицкой культуры и культуры карпатских курганов носителями черняховской культуры могли быть заимствованы техника гончарного круга и производство типов сероглиняной столовой керамики. На один из таких наиболее вероятных путей заимствования гончарной техники указывает и некоторая общность орнаментальных мотивов, что уже отмечалось в литературе (Э. А. Сымонович). Распространение циркулярного орнамента на керамике и металлических изделиях латена позже отмечено и в черняховской культуре. То же самое относится и к штампованному розеточному узору, а также к некоторым типам рельефного и пунктирного орнаментов.

Три ведущие отрасли ремесла черняховской культуры — черная металлургия, металлообработка и гончарство — генетически могут быть увязаны с латенской культурой. К моменту расцвета черняховской культуры они значительно видоизменились под воздействием местной среды и влиянием античной цивилизации.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА В. И. БИДЗИЛЯ

Э. А. Сымонович отметил своевременность и большой интерес доклада. При передаче позднелатенских традиций в черняховскую зону следует учесть население Нижнего Днестра, с которым бок о бок жили черняховцы какой-то период времени. Теперь установлено определенное наличие следов проникновения черняховских племен и к берегам Черного моря. Показателями взаимообщения позднескифского и черняховского населения являются находки керамики культуры полей погребений на позднескифских городищах и наличие могил типа найденных в Николаевке — Казацком. Учет латенских традиций важен еще в одном аспекте. То же направление культурных связей прослеживается и в зарубинецкой и липицкой культурах, что должно быть признано сближающими эти культуры моментами.

А. А. БОБРИНСКИЙ

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ФОРМОВОЧНОЙ ТЕХНОЛОГИИ КЕРАМИКИ ИЗ ПАМЯТНИКОВ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

При изучении керамических коллекций из памятников черняховской культуры внимание привлекли особенности строения глинистой массы в изломах днищ лепной и круговой посуды. Путем моделирования различных способов формовки керамики в лабораторных условиях выяснилось, что возникновение тех или иных особенностей структуры глинистой массы, отмечаемых в изломах днищ, связано, как правило, с особенностями ведения формовки сосудов на первой ступени¹.

Наибольшей стабильностью в системе навыков формовки, какие мы можем наблюдать при изучении современного и древнего гончарства, отличаются навыки, используемые на первой ступени.

В течение жизни одного или нескольких поколений могут измениться или не измениться формы и ассортимент изделий. Но до тех пор, пока техническое развитие гончарного дела не затронуло существенным образом ручные навыки изготовления полого тела, они сохраняют свое старое содержание, уживаясь не только с новыми формами керамики, но и с новыми приемами ведения формовки на третьей или второй ступени.

Сохранение таких технологических анахронизмов в системе навыков труда гончара — явление чрезвычайно важное для историка, так как широко распространенный и в наши дни у различных народов способ передачи навыков гончарства в среде родственного населения позволяет подойти к исследованию навыков ведения первой ступени формовки как к способу установления связей, существовавших между различными группами современного и древнего населения.

Первую часть работы над полым телом будущего сосуда современные деревенские гончары (русские) иногда называют «начинном». Для удобства в дальнейшем я тоже буду пользоваться этим термином, понимая под ним первые операции, связанные с непосредственным созданием сосуда.

На основании моделирования и этнографических наблюдений выделено несколько различных способов начина, применявшихся черняховскими гончарами при изготовлении лепной и круговой посуды. Ниже даны предварительная классификация начиннов из черняховских памятников, краткое описание способов их изготовления и признаков, которыми характеризуется керамика, изготовленная с применением того или иного начина.

---

¹ Напомню, что весь процесс формовки керамики может быть расчленен на три ступени: 1 — создание полого тела будущего сосуда, 2 — создание емкости, 3 — создание внешнего контура емкости.

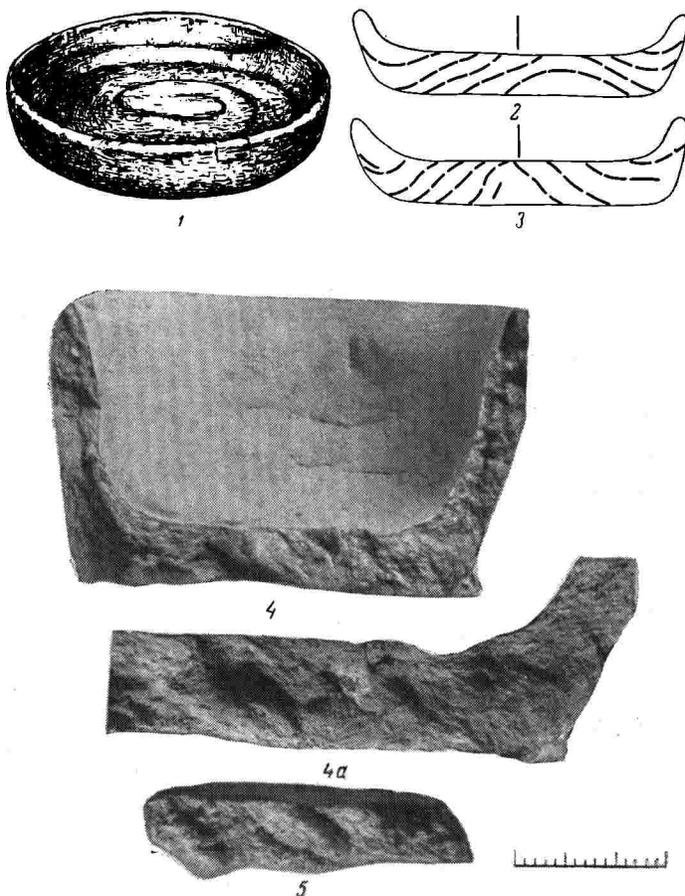

Рис. 4. Спиральновитые донные части сосудов (первый способ ведения начина)

1 — схематическое изображение начина чашевидной модели (общий вид); 2 — схематическое изображение спиральновитого днаща в изломе, изготовленного в руках; 3 — схематическое изображение спиральновитого днаща в изломе, изготовленного на плоскости; 4 — общий вид экспериментального образца керамики в изломе с началом чашевидной модели, изготовленной в руках; 4а — тот же образец, излом увеличен; 5 — образец керамики со спиральновитой донной частью из поселения черняховской культуры

Ягятин (раскопки 1947 г. Е. В. Махно)

По общим особенностям приемов труда начинья разделены на спиральные и монолитные типы, а по общей направленности приемов труда — на емкостные и донные группы начинья, в каждой из которых выделены по особенностям формы модели начинья.

I. Спиральные типы начинья

Группа донных начинья	Группа емкостных начинья
Модель А — колпаковидный (?)	Модель В — круглодонный
Модель Б — чашевидный	Модель Г — конусовидный

II. Монолитные типы начинья

Группа донных начинья	Группа емкостных начинья
Модель Д — мелкий (?) станковидный	— не выявлена.

Способ первый (модели А, Б). Изготовление сосуда начиналось с днища. Для его создания гончар вначале делал из глины жгут, а затем на ладони или плоскости стола или же круга навивал его по спирали, расплющивая круглый жгут в ленту, в результате чего образовывались чашевидное дно и начало стенок сосуда (рис. 4).

Первая разновидность начина: днище, свитое в руках. В этом случае, как правило, образуются однородные особенности течения глинистой массы в изломе в виде смещенной с центра «волны» (участка с дуговидным течением массы, представляющей начальную часть жгута в изломе). До центральной части днища при расколе его по диаметру обычно наблюдается диагональное течение массы, направленное в одну сторону от центра (рис. 4, 2, 4, 4а).

Вторая разновидность начина: днище свитое на плоскости. Использование стола или круга выявить легче всего по днищам, расколовшимся по диаметру. Как и у сосудов, имеющих дно, свитое в руках, и в этом случае наблюдается некоторое, хотя и меньшее смещение начала жгута с центра. Но, как правило, возникает несколько иное течение глинистой массы при навивании жгута. В силу общих особенностей давления при таком навивании между каждым новым витком спирально накладываемого жгута, который при этом расплющивается под пальцами в ленту, и предыдущим образуется лучевидное направление течения глинистой массы: ближе к внутренней плоскости дна оно уже, а к плоскости основания — шире (рис. 4, 3).

Способ второй (модель Д). Формовка сосуда тоже начинается с днища, но делают его не из жгута, а из комка глины, который разбивают в лепешку нужной толщины, после чего выдавливают пальцами начало стенок (рис. 5).

Первая разновидность начина: днище с невысокими стенками. Использование этого способа ведет к образованию параллельного течения глинистой массы в изломе. С наибольшей четкостью этот способ фиксируется по днищам, расколовшимся по диаметру (рис. 5, 1, 2). При моделировании случая изготовления днища вторым способом, но без бортиков и наращивании стенок спиральным или кольцевым налепом (с наложением первого витка по торцу дна) в изломе наблюдалось в некоторых образцах образование диагонального течения массы у края дна. Возникновение его связано с некоторым проседанием сосуда при дальнейшей формовке, в результате чего первоначальный диаметр дна немного увеличивается.

Способ третий (модели В, Г). В отличие от двух предыдущих изготовление сосуда начинается не с донной части, а с корпуса сосуда. Вначале гончар делает жгуты, а затем по спирали начинает наращивать тело сосуда (рис. 6). Образованная заготовка обращена будущим дном кверху и имеет шаровидное или колпаковидное очертание со скругленной верхней частью. Причем когда гончар завершает работу над корпусом, то оставшийся незакрытым на самой вершине участок он нередко закрывает концом жгута, вкладывая его в отверстие в центре будущего дна, не сплющивая. В результате этот конец жгута в изломе дает почти перпендикулярное по отношению к самим плоскостям днища течение глинистой массы, а на участках, удаленных от центра, — лучевидное (рис. 6, 3, 4, 5).

Первая разновидность начина (модель В): спиральновитое днище без признаков вытягивания. Заключение об использовании такого способа формовки можно делать по днищам, расколовшимся по диаметру. Но надежную информацию дают в ряде случаев и обломки днищ секторальной и сегментовидной формы. Замечено, что использование третьего способа ведет к значительно более крутым лучевидным особенностям течения массы по краю.

Вторая разновидность начина (модель Г). Эта разновидность фор-

Рис. 5. Донные части сосудов, изготовленные из одного комка глины (второй способ ведения начина)

1 — схематическое изображение донного монолитного начина в изломе; 2 — образец керамики с донной частью, изготовленной из одного комка глины из поселения черняховской культуры в Лепесовке (раскопки М. А. Тихановой)

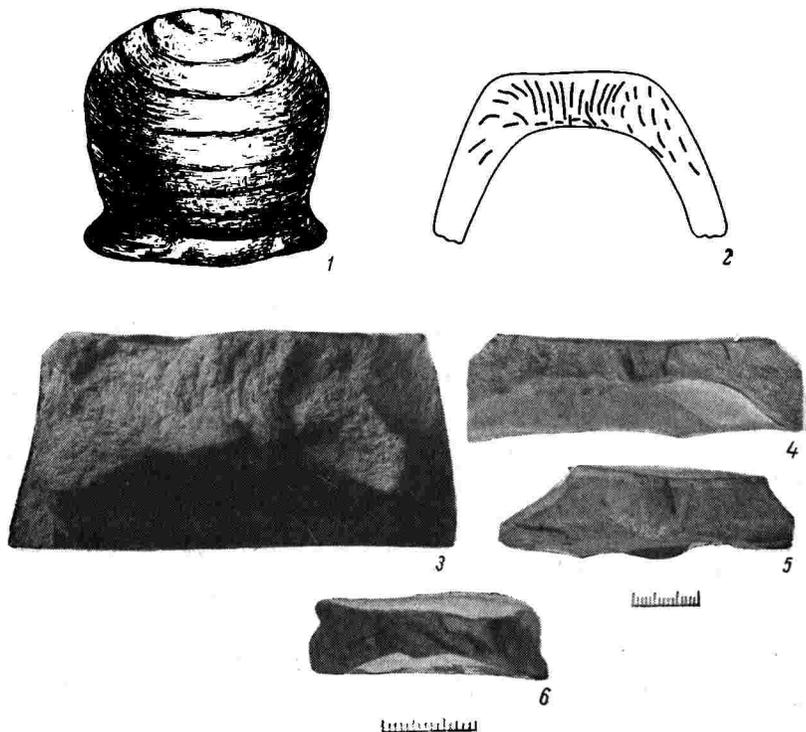
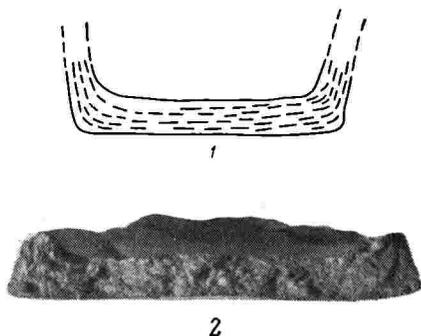

Рис. 6. Донные части сосудов, изготовленных путем спирального виття корпуса и дна (третий способ ведения начина)

1 — схематическое изображение спиральновитого корпуса и дна (общий вид); 2 — схематическое изображение донной части сосуда, изготовленного таким же образом, в изломе; 3, 4, 5 — образцы керамики с признаками ведения начина третьим способом (первая разновидность) из поселений черняховской культуры в Журавке (3), Лепесовке (4), Ягнятине (5); 6 — образец керамики с признаками ведения начина третьим способом (вторая разновидность) из поселения черняховской культуры в Лепесовке

мовки, кажется, связана преимущественно с иной системой построения нижней части сосуда: не путем ее спирального наращивания, а путем полного или частичного вытягивания на круге. В результате у конусовидного окончания заготовки будущего дна получалось несколько иное направление течения глинистой массы — под давлением пальцев глина закручивалась спирально, что обычно фиксируется в изломе (рис. 6, б).

Если суммировать наблюдения за этими особенностями начинов и картографировать их распространение в черняховских памятниках, то можно заметить несколько важных деталей (рис. 7). Во-первых, почти повсеместно встречается керамика, изготовленная путем спирального

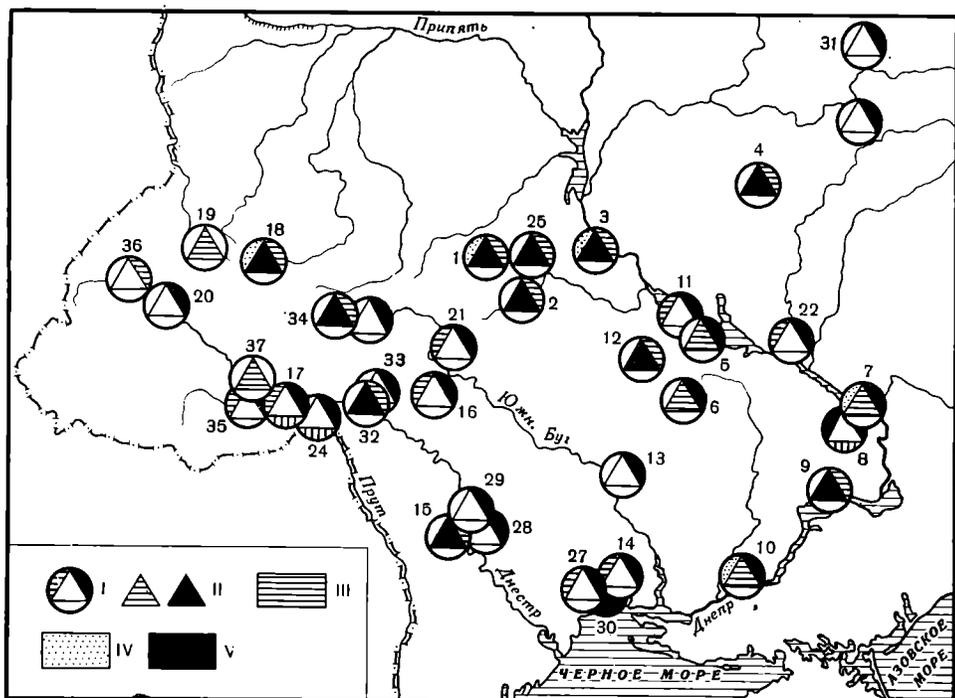

Рис. 7. Карта расположения памятников черняховской культуры с выявленными способами ведения начина

1 — Пражев, пос.; 2 — Ягнятин, пос.; 3 — Жуковцы, пос.; 4 — Лохвица, мог., пос. (?); 5 — Лески, пос.; 6 — Турня, пос.; 7 — Никольское, пос.; 8 — Башмачка, пос.; 9 — Капуловка, пос. (?); 10 — Берислав, пос.; 11 — Ново-Липесовское, пос.; 12 — Журавка, мог., пос.; 13 — Грушевка, пос.; 14 — Викторівка II, пос.; 15 — Будешты, мог.; 16 — Комаров, пос.; 17 — Неваиско, пос.; 18 — Лепесовка, пос.; 19 — Рипнев, пос.; 20 — Бовшев, пос.; 21 — Косапово, мог.; 22 — Компанийцы, мог.; 23 — Ружичаны, мог.; 24 — Малвешты, мог.; 25 — Черняхов, мог.; 26 — Сумы, мог.; 27 — Кисёлово, пос.; 28 — Васильевка, пос.; 29 — Фрунзевка, пос.; 30 — Коблево, пос.; 31 — Авдеево, пос.; 32 — Григоровское, пос.; 33 — Вилы Яругские, мог.; 34 — Раковцы, мог.; 35 — Новоселка-Костюкова, пос.; 36 — Черепин, пос.; 37 — Белки, пос.

I — случаи невыясненного преобладания того или иного способа ведения начина в памятнике; II — в треугольнике отмечаются способы ведения начина, преобладающие в памятнике; III — использование первого способа ведения начина; IV — использование второго способа ведения начина; V — использование третьего способа ведения начина

витья днища и спирального витя корпуса. Эти два способа ведения начина в большом количестве представлены в черняховских памятниках. Во-вторых, изготовление донной части из одного комка глины отмечено лишь в некоторых памятниках, и количественно керамика, изготовленная таким способом, находится, как правило, в меньшинстве по отношению к двум другим.

Первым способом (модели А и Б) изготовлена керамика как круговая, так и лепная. Случаи использования второго способа (модель Д) тоже преимущественно отмечены для керамики, относимой обычно к лепной, хотя справедливость такого отнесения оказывается спорной. Использование третьего (модели В и Г) способа почти исключительно связано с изготовлением обычной для черняховских памятников круговой посуды.

В славянских памятниках VI—VIII вв., открытых за последние десятилетия на территории Молдавской и Украинской ССР, выявлен в основном один способ начина — способ изготовления спиральновитого днища с началом стенок. Лишь в некоторых поселениях типа Корчака представлена, хотя и не в массовом количестве, керамика, изготовленная с применением второго способа начина. Ни в одном славянском памятнике этого времени третьего способа начина не зафиксировано.

Третий способ начина, кажется, наиболее широко представлен в археологических памятниках Северного Причерноморья. Здесь он известен (модель Г) уже в первых греческих поселениях (например, в материалах с о. Березань) и в памятниках более позднего времени (например, в Ольвии). Однако связывать этот способ начина с какой-либо одной этнической группой населения затруднительно из-за неизученности местной лепной керамики. Кроме того, наиболее архаичная разновидность третьего способа (спиральновитый корпус и днище — модель В) отмечены и в догреческих памятниках Северного Кавказа (например, в материалах майкопской культуры). По-видимому, черняховское население, сохранявшее традиции использования третьего способа формовки, может быть не все, а часть его, было тесно связано с античным миром и прямого отношения к славянскому кругу технических традиций не имело. Показательно в этом отношении отсутствие керамики, изготовленной с применением третьего способа формовки, начина, в славянских памятниках VI—VIII вв. и в более поздних. Первый способ начина (модель А и Б) оставался господствующим в домонгольское время. Его широкое использование отмечено при знакомстве с керамическими материалами из раскопок в Киеве, Воинской Гребле, Щучинке, Плеснеске и других древнерусских памятников с территории Украинской ССР. В более северных древнерусских городах, например в Минске, Пскове, Новгороде, первый способ также известен в домонгольское время, не являясь, правда, единственным.

Совершенно иная картина наблюдается в материалах днепродвинской культуры и культуры штрихованой керамики, оставленных группой балтского населения. Здесь господствовали иные навыки начальной формовки сосудов. Особенно резкие различия прослеживаются по материалам культуры штрихованой керамики. Наиболее распространенным в памятниках этой культуры был способ изготовления начина в виде трубчатого полого тела (без днища) при помощи кольцевого налепа и частичного выдавливания его.

На связь первого способа изготовления начина с группой славянского населения указывают и этнографические данные.

В среде современного сельского населения европейской части СССР и Кавказа к настоящему времени выявлено более десяти устойчивых технологических разновидностей выполнения начина. Но модели А и Б донных спиральных начинов зафиксированы почти исключительно в среде русского деревенского населения на территории Архангельской, Ленинградской, Псковской, Новгородской, Вологодской, Костромской, Калужской, Рязанской, Брянской, Кировской и Пермской областей. Использование их до 1920-х годов отмечено и в некоторых сельских местностях Украинской ССР (например, в с. Громы Уманского района Черкасской области), где их использование местные гончары связывают с русскими гончарами, выходцами из России².

Таким образом, прослеживаемая по археологическим и этнографическим данным связь одного из способов начина со славянским населением Восточной Европы, кажется, вполне определенно указывает на присутствие в среде черняховцев населения, родственного населению, оставшему славянские памятники VI—VIII вв.

Если в VI—VIII вв. и происходило расселение славянских племен в пределах Восточной Европы (историческая ситуация, возникшая в степи и лесостепи после разгрома «державы» Германариха, допускает это), то

---

² Данные об особенностях ведения начальной ступени формовки в среде современного сельского населения Восточной Европы были собраны автором в 1958—1963 гг. в основном путем опроса сельского населения РСФСР через сельские и поселковые Советы депутатов трудящихся. Сведения о знакомстве украинских гончаров с этими способами ведения формовки собраны в результате работ Комплексного отряда по изучению гончарства в 1963, 1964, 1968 гг. Работами отряда руководил автор.

в пределах Украины и в южной части Белоруссии оно не было первоначальным. Существование в Восточной Европе значительной группы населения с теми же традициями ведения первой ступени формовки сосудов обнаруживается и в памятниках зарубинецкой культуры.

Заметное преобладание в украинских памятниках I тысячелетия н. э. спиралевидных донных начинов, может быть, в дальнейшем правильнее будет связывать с какой-то большой (условно южной) группой родственных племен, а не рассматривать в качестве единственной особенности славянского гончарства вообще.

Изложенные в этой статье наблюдения и выводы относительно древнейшего пласта технических традиций в гончарстве народов Восточной Европы не являются результатом изучения всех археологических материалов I—II тысячелетий н. э. В ней изложены лишь начальные итоги изучения керамики в этом направлении. Несомненно, что дальнейшие работы позволят внести множество дополнений и уточнений в вырисовывающуюся сейчас картину древних связей, существовавших между отдельными группами населения Восточной Европы. Но уже сегодня, на основании проделанной работы становится очевидной ошибочность взгляда исследователей, которые отрицают полностью славянский элемент в черняховской культуре.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА А. А. БОБРИНСКОГО

Е. В. Махно отметила, что технологическое изучение керамики может дать надежные выводы, хотя некоторые выводы, основанные на ее личных наблюдениях по черняховской керамике, отличаются от заключений А. А. Бобринского.

М. А. Тиханова считает выводы докладчика преждевременными. Исследователи не раз говорили о кельтских традициях в черняховской культуре. Без рассмотрения вопроса о приемах изготовления посуды у кельтов к определенным выводам прийти нельзя. Совпадение технологических приемов в разных культурах, возможно, объясняется более ранней традицией, но не позволяет еще делать выводы этнического порядка.

Ю. В. Кухаренко признал метод докладчика неправильным, а выводы неприемлемыми.

Э. А. Сымонович приветствовал новые аспекты подхода к изучению черняховской посуды.

Б. А. Рыбаков отметил, что работа новая и только начата. Если в работе и есть уязвимое место, то не в сущности и выводах докладчика и не в его методе, а только в пока недостаточно широком пространстве, охваченном исследователем. Это в вину А. А. Бобринскому ставить нельзя. По-видимому, за предложенным методом будущее и он не единственный, доказывающий существование связей зарубинецкой и черняховской культур. Весьма интересно, что при изготовлении лепной керамики преобладала спиральная техника лепки, тогда как с появлением гончарного круга резко повышается роль типичных для юга приемов изготовления посуды. После освоения круга прослежен возврат к первому типу начина при изготовлении сосудов. В докладе ощущается исторический подход к явлениям, связанным с изучаемым периодом.

И. С. ВИНОКУР

ВОЛЫНО-ПОДОЛЬСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ —
ОДИН ИЗ РАЙОНОВ ФОРМИРОВАНИЯ
ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Волыно-Подольское пограничье дает в распоряжение исследователей материалы, позволяющие проследить формирование черняховских древностей. Археологические исследования, проведенные на Правобережной Украине, обнаружили наличие зарубинецкой и пшеворской основ формирования черняховской культуры¹. Хорошо это прослеживается на Волини. Генетическая связь памятников Волини с зарубинецкими и пшеворскими древностями наблюдается в материалах домостроительства, погребальных памятников, керамических комплексах.

Домостроительство на памятниках Волини II—V вв. н. э. представлено наземными и полуземляночными постройками (поселения Пряжев 1, Пряжев 2, Слободище, Маркуши, Иванковцы, Викнины Великие, Костянец и др.). Для этих селищ характерны наземные жилища средних размеров (6 × 7 м; 5 × 6 м; 4 × 5 м) и несколько меньшие — полуземлянки (2,5 × 3,5 м; 2,2 × 3 м). По конструктивным особенностям наземные постройки близки наземным жилищам пшеворской и зарубинецкой культур. На поселении в Незвиске в 1956—1957 гг. исследовано два наземных жилища пшеворской культуры. Площадь жилищ в среднем составляла 20 м². Стены этих построек, так же как и на Волини, возведены на деревянной основе и обмазаны глиной². Польские археологи открыли в 50-х годах в м. Городок на Западном Буге остатки наземного жилища культуры полей погребений III—IV вв. н. э. Интересно, что на месте этой постройки, как и на поселении вообще, керамика представлена образцами, включающими элементы местной пшеворской и черняховской культур³.

Остатки близких волинским наземных жилищ известны на зарубинецких поселениях киевского Приднепровья. На селище у с. Великие Дмитровичи, например, обнаружены остатки подпрямоугольных наземных построек. Причем характерно, что полом в жилищах служили хорошо утрамбованные земляные площадки (как и на Волини в памятниках II—V вв. н. э.). Такие же наземные жилища обнаружены на зарубинецком поселении на Пилипенковой горе близ г. Канева⁴.

¹ Э. А. Сымонович. К вопросу о раннечерняховских поселениях культуры полей погребений. СА, 1958, № 1, стр. 252; он же. Об единстве и различиях памятников черняховской культуры. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 106.

² Г. И. Смирнова. Поселение у с. Незвиско в первые века новой эры. МИА, № 116, 1964, стр. 206—207.

³ T. Liana i T. Pietka. Osada z okresu wplywow rzymskich w Grodku Nadbuznym. WA, t. XXV, sec. 4, 1958, стр. 373—382.

⁴ Е. В. Махно. Раскопки зарубинецких поселений в киевском Приднепровье в 1950 г. МИА, № 70, 1959, стр. 96—99; В. А. Богусевич и Н. В. Линка.

Наземные постройки со столбовой конструкцией стен исследованы также на зарубинецком Чаплинском городище в Белоруссии. Эти жилища имеют прямоугольную форму и занимают относительно небольшую площадь. Так, жилище № 8 Чаплинского городища имело размеры $5,5 \times 4$ м; остатки наземного жилища № 9 занимали площадь 4×4 м. Пол в этих помещениях был земляным. Любопытно, что в очаге жилища № 9 вместе с другой лепной керамикой было найдено два обломка серого гончарного лощеного кувшина черняховской культуры, который датирует жилище не раньше II—III вв. н. э.⁵

На черняховских памятниках Волыни, как отмечалось, известны полуземлянки (Пряжев). Их площадь в среднем $12—15$ м². Пряжеским полуземлянкам близки землянки из черняховского горизонта многослойного поселения в Незвиске площадью в 10 м², а также полуземлянка с поселения Рипнев 2 (бассейн Западного Буга). Площадь рипневских жилищ⁶ $15—20$ м².

Полуземлянки небольшой площади ($10—12$ м²) наряду с наземными жилищами известны на Чаплинском городище, на селище у с. Великие Дмитровичи. На поселениях пшеворской культуры, где преобладают наземные жилища, бытуют и углубленные в землю помещения в основном четырехугольной формы⁷.

Аналогии обнаруженным на Волыни печам и очагам в жилищах II—V вв. н. э. мы находим в зарубинецких и пшеворских поселениях. Правда, конструкции печей пшеворских и зарубинецких поселений отличаются архаичностью, что, возможно, объясняется их одновременностью с черняховскими.

Таким образом, в домостроительстве селищ Волыни наблюдаются традиции зарубинецкой и пшеворской культур. Значительную роль в этом процессе сыграли и тесные контакты населения Волыни II—V в. н. э. с Поднепровьем и Поднестровьем.

В материалах черняховских могильников и отдельных погребений на Волыни также четко прослеживается связь с зарубинецкими и пшеворскими древностями. На могильнике в с. Деревянном было открыто четыре захоронения. Все — трупосожжения. В одном погребении — сожжение неполное. В могильнике имеется лепная и гончарная керамика. В лепной четко улавливается связь с пшеворскими древностями. Могильник датируется по фибулам III—IV вв. н. э.⁸ На Раковецком могильнике (южная Волынь) исследовано 18 захоронений с двумя обрядами — трупосожжением и трупоположением. Инвентарь из трупосожжений этого некрополя очень близок пшеворскому и зарубинецкому⁹. Лепная керамика черняховских селищ и могильников Волыни также близка зарубинецкой и пшеворской (рис. 8). Гончарная посуда частично подражает лепным зарубинецким и пшеворским формам, а в основном находится под влиянием римской провинциальной керамики первых веков н. э., как и в других районах распространения черняховских памятников.

Зарубинецкое поселение на Пилипенковой горе близ г. Канева. МИА, № 70, 1959, стр. 114—115.

⁵ П. Н. Третьяков. Чаплинское городище. МИА, № 70, 1959, стр. 124.

⁶ Г. И. Смирнова. Поселение у с. Незвиско в первые века новой эры. МИА, № 116, 1964, стр. 202; В. Д. Баран. Памятники черняховской культуры бассейна Западного Буга. МИА, № 116, 1964, стр. 215, рис. 2.

⁷ J. Kostrzewski. Od mezolitu do okresu wczesnego zlozyska ludow. Krakow, 1948, стр. 350—353.

⁸ Z. Leski. Prace archeologiczne na Wolyniu. ZOW, X, 1936, z. 4—5, стр. 60—62.

⁹ И. С. Винокур, М. И. Островский. Раковецкий могильник. История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры. МИА, № 139, 1967, стр. 150, рис. 8.

Рис. 8. Керамика памятников
II—V вв. н. э. на Волыни

1, 2, 3, 5 — Прижев; 4 — Слободище;
6, 8, 9, 11 — Деревянное; 10 — Иван-
ковцы (лепные сосуды); 7 — Прижев
(гончарный сосуд)

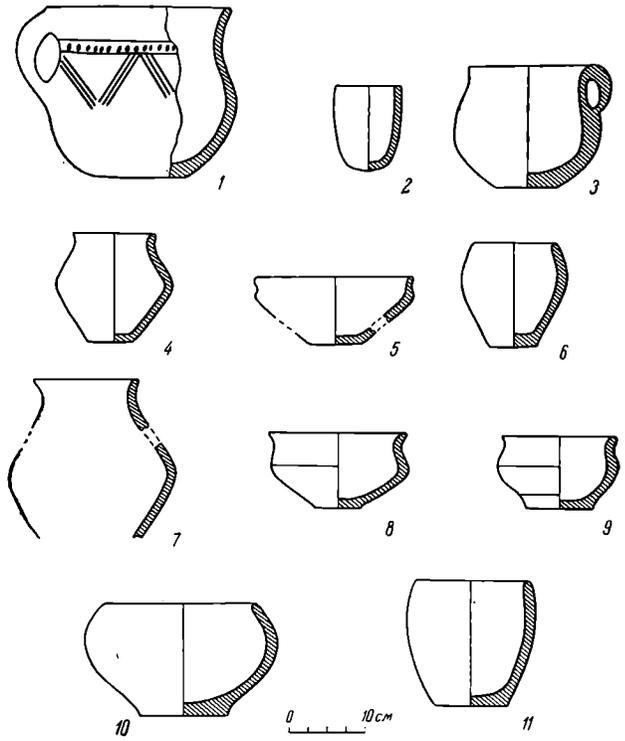

Рис. 9. Вещи с поселения за-
рубинецкой культуры в с. Круг-
лик

1 — обломок амфоры с астиновым
клеймом; 2, 3, 4, 5, 9, 10 — лепная ке-
рамика; 6 — железный псадий; 7 —
железный нож; 8 — пряслице из че-
репка амфоры

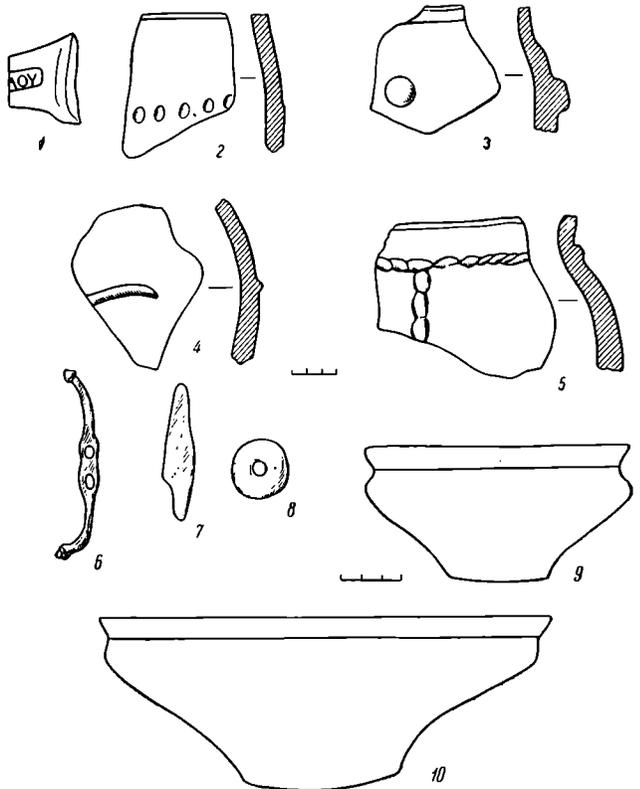
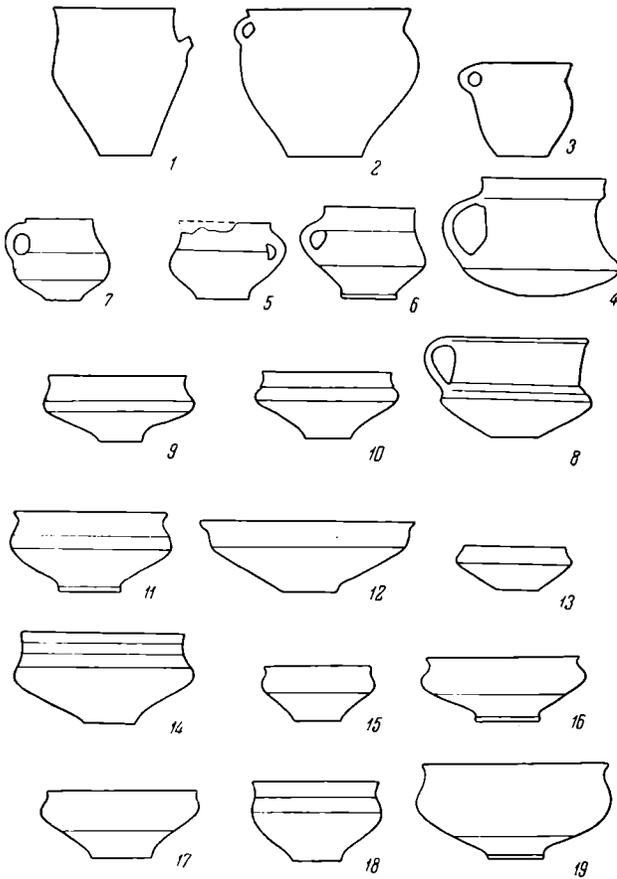

Рис. 10. Лепные (1—3) и гончарные (4—19) глиняные сосуды из черняховского могильника (по В. П. Петрову)

ном из селищ этого типа в Бережанке в одном культурном слое с материалами зарубинецкой культуры обнаружена и раннечерняховская керамика. Материалы поселения позволяют проследить на зарубинецкой основе развитие черняховского гончарного производства. Такое же явление на массовом керамическом материале Черняховского могильника заметил В. П. Петров (рис. 10)¹¹.

На Бережанском поселении найден клад вещей, который находился в лепном горшке зарубинецкой культуры. Он состоит из золотых трубчатых шейных гривн (одной целой и обломка второй), нескольких бронзовых браслетов и колец с «шишечками», серебряной подвески, бронзового амулета в виде птицы-утки, набора разнообразных бус и т. п. Аналогии вещам Бережанскогоклада имеются в отдельных районах Центральной и Юго-Восточной Европы. Они представлены в древностях центрально-европейского кельтского мира на рубеже н. э.¹², в памятниках первых веков и середины I тысячелетия н. э. на территории Венгрии¹³. Отдельные предметы из клада (браслеты и кольца) фигурируют и в аналогичных вещах сарматского круга¹⁴.

¹⁰ Б. А. Тимошук, И. С. Винокур. Памятники эпохи полей погребений на Буковине. КСИА, вып. 90, 1962, стр. 73—74.

¹¹ В. П. Петров. Черняховский могильник. МИА, № 116, 1964, стр. 86—88.

¹² Я. Филип. Кельтская цивилизация и ее наследие. Прага, 1961, стр. 144.

¹³ J. Hampe l. Alterthümer des Frühen mittelalters in Ungarn. Atlas, Bd. III. Braunschweig, 1905, tabl. 28.

¹⁴ А. Є. Вірлич. Сарматське поховання в Білозерському районі Херсонської області. Археологія, т. XIX. Київ, 1965, стр. 177, рис. 1.

Комплекс предметов из клада и их аналогии, остатки лепного сосуда зарубинецкой культуры, в котором был найден клад, и керамика Бережанского селища позволяют считать, что клад был зарыт на рубеже II—III вв. н. э. Территориальное размещение клада дает возможность делать центральноевропейские, сарматские и гето-фракийские типологические и историко-культурные сопоставления. Однако решающую роль при определении клада должна играть массовая керамика поселения, на котором он обнаружен, и в частности тип горшка, где находился клад. Бережанский клад, включающий разные по происхождению вещи, является принадлежностью местных племен, в материальной культуре которых наблюдается сочетание зарубинецких и черняховских древностей.

В Поднестровье, на юге территории Вольно-Подольского пограничья, в археологических памятниках первых веков н. э. присутствуют элементы сарматской культуры. Это прослеживается как на «чистых» сарматских памятниках, так и на черняховских памятниках, воспринявших элементы сарматской культуры. Сарматский могильник I—II вв. н. э., исследованный в с. Киселев Черновицкой области¹⁵, по обряду и вещам аналогичен сарматским памятникам Дона и степной Украины. Могильники с типичным набором сарматских вещей открыты в с. Островец Ивано-Франковской области¹⁶ и на Среднем Днестре в с. Ленковцы Черновицкой области¹⁷. На черняховских могильниках, которые стали известны в самое последнее время на территории Подолии, также присутствуют элементы сарматской культуры¹⁸.

Видимо, в период сложения черняховской культуры в районе Поднестровья, как отмечал Г. Б. Федоров, имело место проникновение отдельных групп сарматских племен¹⁹, которые были ассимилированы местным земледельческим населением. Основные формы керамики черняховских памятников Поднестровья сложились на базе зарубинецкой культуры. Это хорошо прослеживается на материалах Ружичанского могильника, где найдена одна из наиболее ранних фибул конца II в. н. э. (рис. 11).

Формирование черняховской культуры в районе Вольно-Подольского пограничья, как полагает Ю. В. Кухаренко²⁰, связано с продвижением из северо-западных районов в среду местного земледельческого населения струи гото-гепидских племен (по материалам Брест-Тришина, Дитиничей). Это продвижение, однако, ощутимого следа в материальной культуре черняховских племен не оставило.

Таким образом, суммируя имеющийся археологический материал первой половины I тысячелетия н. э. из района Вольно-Подольского пограничья, можно констатировать:

1. На Вольни в материалах черняховской культуры присутствуют элементы зарубинецкой и пшеворской культур, которые составляли генетическую основу формирования черняховских племен.

2. В районе Подолия, в Поднестровье в формировании черняховской культуры, кроме зарубинецкой и частично пшеворской основы, наблюдается

¹⁵ И. С. Винокур, Л. В. Вакуленко. Киселевский могильник I—II вв. н. э. КСИА, вып. 112, 1967, стр. 126—132.

¹⁶ М. Ю. Смішко. Сарматські поховання біля с. Острівець. МДАПВ, вип. 4, 1962, стр. 56—58.

¹⁷ А. И. Мелюкова. Памятники скифского времени на Среднем Днестре. КСИИМК, вып. 51, 1953.

¹⁸ Могильники в селах Ружичанка и Ридкодубы Хмельницкой области. Раскопки И. С. Винокура.

¹⁹ Г. Б. Федоров. О двух обрядах погребения в черняховской культуре. СА. 1958, № 3.

²⁰ Ю. В. Кухаренко. Могильник Брест-Тришин. КСИА, вып. 100, 1965; М. Ю. Смішко, І. К. Свешніков. Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі Ровенської області. МДАПВ, вип. 3, 1961, стр. 89—114.

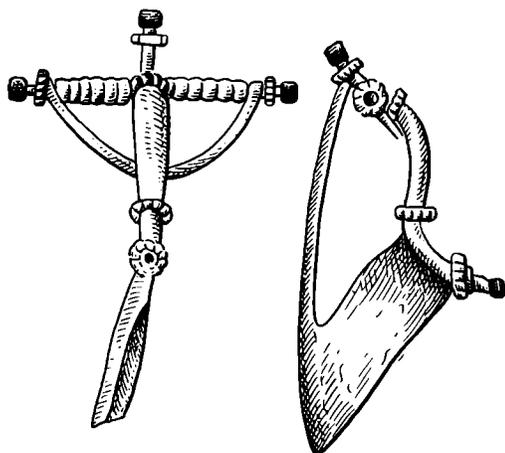

Рис. 11. Бронзовая фибула конца II века н. э. из черняховского могильника у с. Ружичанка (натуральная величина)

влияние гето-фракийского окружения и инфильтрации отдельных групп сарматских племен, ассимилированных местным земледельческим населением.

3. Гото-гепидское продвижение не оставило ощутимого следа в материальной культуре черняховского земледельческого населения Волыно-Подольского пограничья.

4. Волыно-Подольское пограничье можно считать одним из важнейших районов, в котором протекал процесс формирования черняховской культуры.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА И. С. ВИНОКУРА

М. А. Тиханова утверждает, что Бережанский клад датирован неправильно. Нельзя определять его дату на том основании, что селище, на котором он найден, относится к II—III вв. н. э.

В. И. Бидзиля говорил о недоказанности связи зарубинецкой и черняховской культур. Он отмечает, что трупосожжения были и у германских племен.

Э. А. Сымонович сказал, что клад из Бережанки интересен не только с точки зрения его датировки. Кольца с выступами и так называемые браслеты — это вещи магического значения, судя по находкам на позднескифских памятниках. Датировка клада И. С. Винокуром в общем правильная. Противопоставление зарубинецкой и черняховской культур только на основании того, что в одной группе культур полей погребений господствует лепная посуда, а в другой гончарная — невозможно.

И. С. Винокур неправ, когда говорит о появлении погребений с трупоположениями в черняховских могильниках под сарматским влиянием. Переход к грунтовым несожженным захоронениям был присущ в этот период в областях Восточной Европы многим народам.

М. Б. Щукин считает, что И. С. Винокур, пытаясь доказать преемственность зарубинецкой и черняховской культур, пошел по неправильному пути. Когда ему задали вопрос, какие зарубинецкие памятники он знает на Волини, И. С. Винокур сослался на статью Ю. В. Кухаренко в МИА № 70, где к зарубинецким древностям на Волини необоснованно отнесен ряд пунктов. В действительности зарубинецких памятников на Волини нет, и, следовательно, происхождение черняховской культуры из зарубинецкой волинскими материалами обосновать нельзя. Что же касается таких памятников, как Круглик, то между ними и черняховскими существует хронологический разрыв.

Е. В. Махно выразила несогласие с докладчиком в том, что можно говорить о происхождении волынского варианта культуры полей погребений из зарубинецко-пшеворской культуры. Последний термин, по ее мнению, неправилен. М. Б. Щукин прав, что чисто зарубинецкой культуры на Волыни нет. Датировка памятников Волыни черняховского типа первыми веками н. э. правильна, но эта волынская группа — не основная черняховская, поскольку в тот же период последняя уже сформировалась и выступала как единая культура.

В заключительном выступлении И. С. Винокур отстаивал датировку Бережанского клада II—III вв. н. э. Хотя аналогии вещам из этого клада можно найти в разных по времени памятниках, но надо учитывать сосуд зарубинецкого типа, в котором клад был найден. Сочетание же керамики зарубинецкого и черняховского типов на поселении подкрепляют его дату.

Г. А. ВОЗНЕСЕНСКАЯ

ОБРАБОТКА ЖЕЛЕЗА У ПЛЕМЕН ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Основным и почти единственным источником для изучения кузнечного дела черняховской культуры является его готовая продукция. Пока в раскопках еще не обнаружено ни одной кузницы, а кузнечные инструменты известны в таком незначительном количестве, что не могут в достаточной степени характеризовать производство. Уже при первом ознакомлении с железными изделиями черняховских памятников становится ясно, что кузнецы практически обеспечивали спрос населения на предметы производства и быта. Без металлографических исследований нельзя определить качество металла, способы его обработки, конструкцию изделий и технологию их изготовления; установить трудоемкость операций и картину всего производства в целом. Наиболее целесообразно в этих случаях макро- и микроструктурное изучение древних изделий. Методика такого изучения разработана и широко применяется в работах советских и зарубежных исследователей.

Предлагаемая статья основана на результатах металлографического изучения 140 железных изделий из археологических памятников черняховской культуры Среднего и Нижнего Поднепровья (поселения и могильники в Журавке Ольшанской, Жуковцах, Компанийцах, Лесках, Ягнятине, Каменке, Успенке, у овчарни совхоза «Приднепровского» и Нерушае), Левобережного Днепра (Ново-Липовское, Максимовка), Побужья (могильник Косаново), Молдавии (поселение и могильник в Будештах, Деланеу, Собари, Зернештах).

В настоящее время отсутствуют образцы из черняховских памятников Волини, и так как в нашем распоряжении была коллекция, представляющая не все районы распространения черняховской культуры, и отбор образцов с каждого памятника был весьма неравномерный, то это затруднило и ограничило возможности сопоставления результатов исследования кузнечных изделий с разных памятников. Однако имеющийся материал позволяет представить общий уровень развития кузнечной техники и ремесла на поселениях черняховской культуры.

Структурное изучение кузнечной продукции показало, что кузнецы не только в совершенстве овладели пластической обработкой железа в горячем виде, но и знали способы получения и разнообразных приемы обработки стали. Сырьем служили кричное железо и сырцовая сталь, получаемые непосредственно во время сыродутного процесса в металлургическом горне. Кроме того, с уверенностью можно говорить об использовании кузнецами специально приготовленной стали, которую получали путем цементации железных брусков в герметически закрытых огнеупорных муфелях.

Одну из главных особенностей черняховских кузнечных изделий составляет высокое качество металла, из которого они откованы. Это относится как к железу, так и в еще большей степени к стали. Структурно это выражается прежде всего в чистоте металла, почти не содержащего включений шлака, обязательных для сыродутного железа, в однородности строения металла, его мелком и равномерном зерне, полном отсутствии следов перегрева при пластической или термической обработке. В свою очередь металл, обладающий такой характеристикой, имеет повышенные механические свойства. Эти признаки присущи подавляющему большинству изученных нами изделий. Такое высокое качество металла зависит не только от качества исходного полуфабриката, но в значительной степени и от опыта и мастерства кузнеца. Ковка железа и стали в горячем состоянии требует знания известных приемов и техники работы кузнечным молотом, а также правильного соблюдения температурного режимаковки. Овладеть всеми приемами кузнечнойковки можно было, лишь имея большую практику и наследуя необходимые знания и технические навыки предшествующих поколений. Вероятно, развитие техники кузнечного дела в период существования черняховской культуры шло еще по линии совершенствования пластической обработки в горячую, в чем кузнецы нередко достигали настоящей виртуозности.

Несмотря на исключительно высокое мастерство в области пластической обработки железа и стали, конструктивно изделия черняховских кузнецов еще очень просты. Несомненно, существовал уже сознательный дифференцированный подход кузнеца к выбору сырья. Как правило, сталь особенно высокого качества идет на изготовление наиболее ответственных поковок, где это технологически целесообразно. Различные мелкие поковки, если они не требуют в ходе их эксплуатации каких-либо особенных качеств, отковывались целиком либо из чистого железа, либо из мягкой сырцовоы стали, иногда не очень тщательно обработанных.

Обычной техникой повышения качества изделия была локальная цементация, т. е. создание на поверхности рабочей части железного предмета стального слоя. Часто встречаются предметы, откованные из так называемого пакетного металла. Заготовка, из которой кузнец ковал такие предметы, была предварительно сварена из нескольких полос металла либо только железных, либо железных и стальных вместе. Пакетный металл мог быть получен также многократным перегибанием одной и той же пластины при ковке. Изделия из такого металла отличаются повышенной гибкостью, эластичностью, повышенным сопротивлением удару. Из пакетного металла откованы несколько изделий из Журавки, меч из Ягнятина, нож из погребения 15 в Компанийцах, серп из Делакеу, встречается этот металл и в Ново-Липовском, и Лесках.

Кузнечная сварка железа и стали как основа технологической схемы изделия была известна в то время, но на черняховских памятниках встречается очень редко. Такой техникой были изготовлены четыре предмета из всех исследованных: два ножа из поселения в Журавке и один из могильника в Каменке имеют стальные лезвия, наваренные на железный клинок; топор из погребения № 86 в Компанийцах имеет лезвие, сваренное из двух полос — железной и стальной. Подобную технику в эту эпоху можно рассматривать лишь как смелый первоначальный опыт.

Практическое овладение сталью заключалось также в термической обработке готовой продукции. Известно, что закалка становится обычным явлением в латенский период; отпуск и дифференцированная термообработка — в эпоху раннего средневековья¹. Большинство стальных изделий черняховской культуры было термически обработано: им придана

¹ R. P l e i n e r. Staré evropské hovarství. Praha, 1962, стр. 242.

дополнительная твердость в результате закалки, т. е. быстрого охлаждения раскаленного до определенной температуры предмета. Иногда в стали наблюдается вместо твердой и хрупкой структуры мартенсита закалки более вязкая, но тоже достаточно твердая структура сорбита. В этом случае можно предположить или отпуск закаленного изделия, или мягкую закалку.

Наряду с термообработанными стальными изделиями довольно часто встречаются стальные изделия в отожженном состоянии. Но нужно учесть, что многие предметы, особенно из могильников, попадали в погребальный костер, а это уничтожало в структуре стального изделия следы предшествовавшей термической обработки. Кроме того, многие предметы откованы из очень мягкой стали с содержанием 0,1—0,2% углерода, и она практически не принимает закалки. Во всяком случае кажется, что термическая обработка, если не была обязательной операцией для всех стальных изделий, то была обычной и широко применявшейся.

Имеющийся в нашем распоряжении материал не дает возможности установить какую-либо закономерность в использовании определенных технологических приемов в изделиях одного вида. Также не представляется возможным хронологически разделить использование в кузнечном деле этих технологических приемов. На данном этапе исследования очень сложно выделить группы памятников, которые отличались бы по качеству металла и технологическим особенностям кузнечной продукции. Скорее можно отметить обратное: глубокого различия в качестве металла и конструкциях изделий среди рассмотренных нами археологических памятников нет.

С помощью технологического исследования нередко удается определить материалы из многослойных памятников или позднейшие предметы, случайно попавшие в ранний комплекс, а иногда и вещи неопределенного происхождения. При работе над железными предметами из раскопок на поселении Жуковцы удалось выделить несколько ножей с типично древнерусской технологией изготовления; качество железа и стали этих ножей также резко отличается от черняховского металла на этом поселении. По этим же признакам (т. е. по технологии и качеству металла) несколько предметов из смешанного памятника в Бериславле тоже четко выделяются из общей группы и, по-видимому, не принадлежат к изделиям черняховских кузнецов.

При обобщении результатов исследования кузнечной продукции привлекают внимание следующие факты, которые могут в какой-то степени характеризовать кузнечное ремесло. Во-первых, техника обработки металла почти всех видов изделий в большинстве случаев настолько высока, настолько виртуозна и даже ювелирна, что требует от кузнеца при изготовлении каждой вещи максимального умения, тщательности и внимания. Во-вторых, наблюдается полнейшее отсутствие стандарта, каких-либо определенных технологических схем в изготовлении изделий одного вида и в то же время использование незначительного количества одних и тех же простых конструктивных решений в изделиях различного назначения. При наличии таких условий можно предположить, что работал в это время кузнец-универсал. Производительность его труда была небольшой, он мог работать в основном на заказ, а не на рынок, и сбыт его продукции был соответственно довольно ограничен. Кузнец, вероятнее всего, обслуживал только свою общину.

Благодаря массовому металлографическому изучению кузнечной продукции римского времени в Польше, которое проводит историк техники Е. Пясковский, и Чехословакии, где над историей металлургии и металлообработки работает Р. Плейнер, мы имеем возможность сравнить кузнечную технику племен черняховской культуры с техникой синхронных по времени и соседних по территории культур. Как известно, в римское

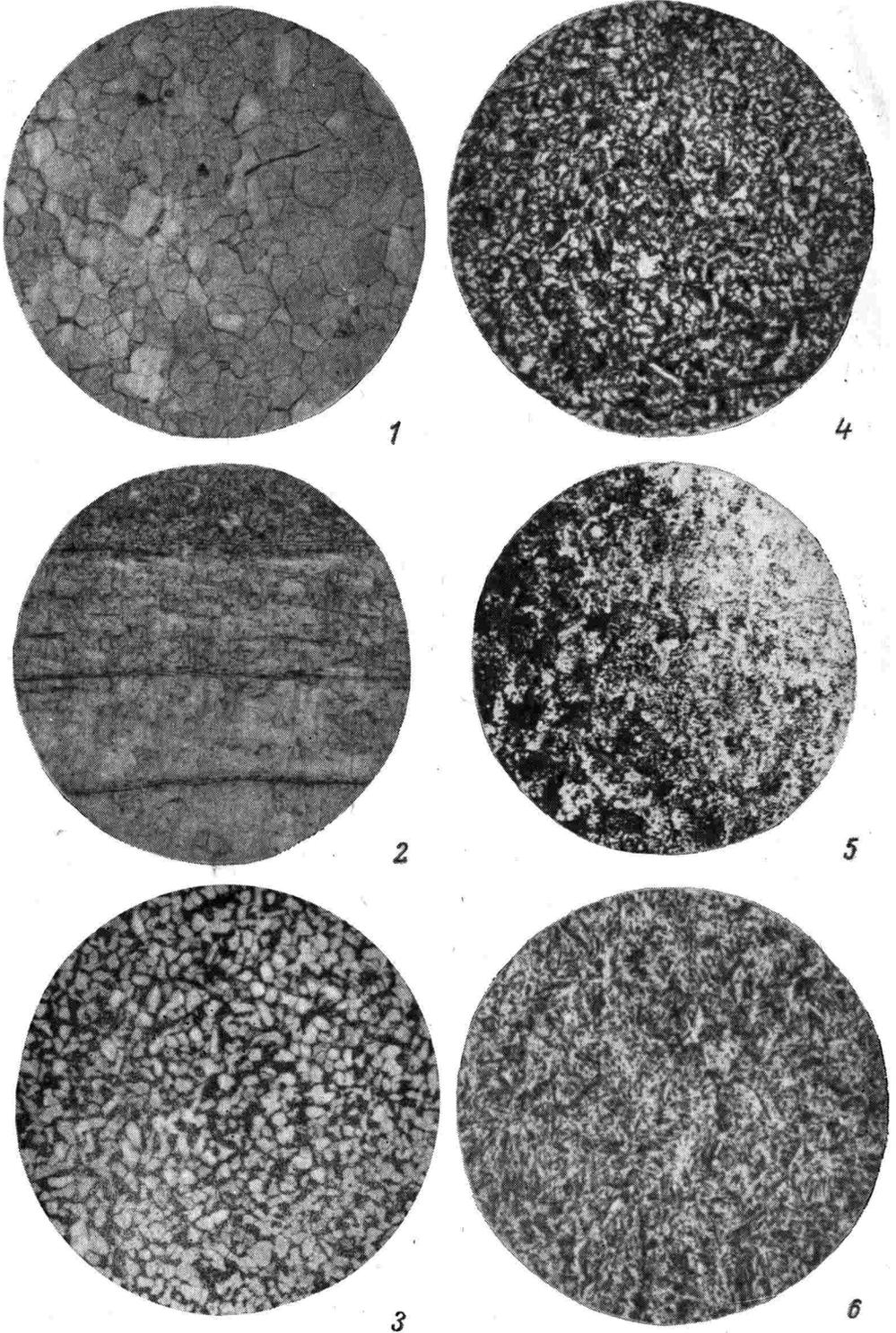

Рис. 12. Таблица микроструктур

1 — феррит и включения нитридов. Копье, мог. Компанийцы, ув. 70; 2 — „пакетное“ железо. Нож, пос., Журавка, ув. 70; 3 — феррит и перлит. Меч, мог. Компанийцы, ув. 70; 4 — феррит и сорбитообразный перлит. Нож-скрамасакс, пос. Ягнтин, ув. 200; 5 — микроструктура цементированного лезвия сошника, пос. Журавка, ув. 70; 6 — мартенсит. Нож, Журавка, ув. 340

время во многих местах Польши существовали производственные центры по выплавке и обработке железа. Из них район Свентокшиских гор занимает исключительное место. Основным методом обработки железа в этом районе была пластическая обработка в горячую. Известна была и тепловая обработка. Результаты исследований показывают, что в этом производственном центре и почти во всех других, кроме того, который существовал в окрестностях Кракова и Новой Гуты, кузнецы не знали ни процесса цементации, ни сварки железа со сталью². Кузнецы в окрестностях Кракова, возможно, уже знали способ упрочения изделий путем цементации, предполагается, что они умели сваривать железо и сталь. Эти технические навыки Е. Пясковский связывает с влиянием кельтских племен, которые занимали часть польских земель в районе современного Кракова. А те единичные находки изделий римского времени в Польше, которые представляют технологию сварки железа и стали в одном изделии, автор считает импортом с территории Чехии³, где в римский период древние кельтские традиции яснее всего проявлялись в металлургии и обработке железа. Сравнивая данные зарубежных исследователей с полученными результатами исследования черняховской кузнечной продукции, нетрудно заметить, что техническая культура черняховского кузнечного ремесла близка к кузнечному ремеслу памятников римского времени на территории Чехии, Моравии, Южной Польши, где широко используется замечательное наследие кельтской кузнечной техники. Тем не менее, конечно, нельзя утверждать непосредственное заимствование или продолжение традиций кельтских мастеров в черняховской кузнечной технике. Скорее всего в сложном процессе приобретения знаний, опыта и формирования традиций в обработке черного металла у племен черняховской культуры определяющее значение имело скифо-сарматское влияние. Как известно, кузнечное ремесло скифских племен стояло на высоком уровне, и скифские мастера не только умели добывать кричное железо и хорошую сталь, но и знали различные способы их обработки, в том числе использовали сложные конструктивные схемы с применением сварки железа и стали в одном изделии⁴.

Проведенная работа дала только самые предварительные наблюдения. Для дальнейшего изучения многих вопросов, связанных с историей кузнечного ремесла черняховской культуры, необходимо дальнейшее массовое металлографическое исследование кузнечной продукции.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Г. А. ВОЗНЕСЕНСКОЙ

Ю. В. Кухаренко и М. А. Тиханова выступили с одобрением доклада. Докладчик подходит к своей теме осторожно, не впадая в крайности в выводах, констатируя объективные факты.

---

² Jerzy Piaskowski. Technologia zelaza na ziemiach Polski w okresie od I do V wieku naszej ery. «Wiadomosci Hutnicze», N 12, 1963.

³ Там же, стр. 305.

⁴ Б. А. Шрамко, Л. А. Солнцев, Л. Д. Фомин. Техника обработки железа в лесостепной и степной Скифии. СА, 1963, № 4.

В. И. ДОВЖЕНОК

ЧЕРНЯХОВСКАЯ КУЛЬТУРА В ИСТОРИИ НАСЕЛЕНИЯ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

(тезисы доклада)

1. В изучении черняховской культуры археологи в последнее время добились значительных успехов: открыто и зарегистрировано значительное число новых памятников, уточнены сведения о характере культуры, выяснены основные черты хозяйства и общественной жизни населения, создавшего черняховскую культуру, вышло значительное число публикаций и итоговых работ, посвященных черняховской культуре. Но все эти достижения не приостановили споров об историческом значении черняховской культуры. Этническая ее принадлежность, место и значение в истории страны остаются спорными вопросами. В решении этих вопросов нельзя ограничиваться накоплением и изучением археологических фактов самих по себе. Последнее должно сочетаться с теоретической разработкой накопленных материалов. Историческая истина — это не сами факты, а система, построенная на фактах. При этом важное значение приобретают историко-социологические построения, недооценкой которых грешат многие археологи. Нередко всякую попытку толковать археологический материал, исходя из уже известных исторических явлений и закономерностей, археологи считают своего рода грехом.

2. Черняховскую культуру нужно рассматривать в исторической перспективе: что ей предшествовало, что последовало за ней. Образование Киевской Руси явилось к концу I тысячелетия н. э. итогом исторического развития населения Восточной Европы. В какой мере принимала в этом участие черняховская культура?

Теперь не спорят по поводу высокого уровня развития Киевской Руси в экономическом, социальном и культурном отношениях. Разумеется, что такое высокоразвитое общество, если оно создавалось на месте и местными силами, не могло появиться вдруг. Оно должно было быть подготовлено длительным предшествующим развитием местного населения, и прежде всего населением в Среднем Поднепровье, ставшим ядром Киевской Руси.

3. Среди археологов распространены взгляды, согласно которым черняховская культура не признается славянской и исключается из исторического процесса, подготовившего Киевскую Русь. Заметим, что подобные взгляды распространены в последнее время и на зарубинецкую культуру. Только памятники второй половины I тысячелетия н. э. типа Корчака, Луки-Райковецкой, Пеньковки и другие признаются пока бесспорно славянскими. Если следовать этим взглядам, то нужно тогда признать, что история славян в Среднем Поднепровье начинается не ранее VI в. н. э., что славяне здесь являются поздними пришельцами и что Киевская Русь

не имеет глубоких исторических корней в местном обществе. Такая точка зрения несостоятельна теоретически и противоречит фактам.

4. Если славяне появились в Среднем Поднепровье не ранее VI в. вместе с культурой типа Корчака и Пеньковки, то где-то должна быть их первичная территория, откуда они пришли. Такую территорию нельзя указать, ибо аналогичные близкие Корчаку и Пеньковке памятники появляются почти одновременно на всей территории славянского мира. Появление их в Среднем Поднепровье не было результатом проникновения сюда славян с иной территории.

5. Такая точка зрения означает, что со времени появления славян в Среднем Поднепровье до образования Киевской Руси прошло всего три столетия, что явно недостаточно для того, чтобы новому населению на новой территории создать необходимые предпосылки для образования Киевской Руси. Нельзя предположить, чтобы славяне, появившиеся неизвестно откуда, за три столетия успели освоить новые земли, в новых условиях организовать хозяйство, выработать производственные навыки и обычаи, соответствующие новым условиям, изменить общественный строй, создать предпосылки феодального общества и могущественного государства.

6. Вызывает возражение и гипотеза П. Н. Третьякова, являющаяся попыткой найти более глубокие корни славянской культуры в Среднем Поднепровье, минуя черняховскую культуру. Автор признает зарубинецкую культуру славянской. По его мнению, племена зарубинецкой культуры во II в. н. э. были вытеснены из Среднего Поднепровья пришлым неславянским населением с черняховской культурой. Под натиском пришлого черняховского населения племена зарубинецкой культуры продвинулись на север и заняли территорию Верхнего Поднепровья и Волго-Окского междуречья. В середине тысячелетия Среднее Поднепровье было оставлено населением черняховской культуры и сюда на свободные земли пришло население с севера — потомки зарубинецких племен. Этому населению принадлежат памятники пеньковского типа, сохранившие в себе традиции зарубинецкой культуры. Автор не указывает и не может указать ту территорию, откуда появилось во II в. н. э. в Среднем Поднепровье это «воинственное» население с черняховской культурой. Он не указывает и не может указать, куда девалось это «воинственное» население в середине I тысячелетия. Гипотеза о насильственном вытеснении племен зарубинецкой культуры населением черняховской культуры не находит подтверждения и в конкретном археологическом материале. Известно, что памятники зарубинецкой культуры не содержат каких-то признаков насилия, а памятники черняховской культуры имеют ярко выраженный мирный характер. Добровольно же оставлять плодородные земли Среднего Поднепровья у зарубинецких племен не было причин.

7. При выяснении места черняховской культуры в истории восточных славян нужно учитывать и письменные источники. Они могут быть полезны не только тогда, когда сообщают определенные сведения, но и когда молчат. Ничего не говорят они о продвижении населения во II в. н. э. в Среднее Поднепровье, в результате которого появилась бы черняховская культура, покрывающая огромную территорию и принадлежащая несомненно многочисленному, оседлому и мирному населению. Красноречиво отсутствие в письменных источниках свидетельств о продвижении на Средний Днепр в середине I тысячелетия славян, которые могли бы принести сюда памятники типа Корчака и Пеньковки. Между тем такое явление, если бы оно имело место, не могло бы не быть отмеченным в «Повести временных лет», где нашли отражение менее значительные и менее важные для истории страны события третьей четверти I тысячелетия н. э. — движение аваров, тюрко-болгар и белых угров. Летописный же рассказ о расселении славян из прародины, которым

автор «Повести» начинает историю славян вообще, к этому периоду явно не может быть приурочен.

8. Между черняховской культурой и славянской культурой второй половины I тысячелетия н. э. во многих отношениях преемственность не прослеживается. Это является основным аргументом тех, кто черняховскую культуру не признает этапом исторического развития восточных славян. Несомненно, что славянское общество в Среднем Поднепровье в середине I тысячелетия н. э. пережило важные события, изменившие исторический процесс. Результатом этих событий и было исчезновение черняховской культуры и появление культуры иного облика. Этими событиями были великое переселение народов и падение Римской империи. В свете этих событий становятся объяснимыми такие явления, как сокращение числа поселений в Среднем Поднепровье, гибель многих черняховских поселений в огне, сосредоточение поселений в иных топографических условиях, изменения в характере домостроительства, исчезновение римского импорта и характерной лощеной посуды, сокращение или прекращение производства гончарной посуды.

Явления эти несомненно указывают на определенный упадок культуры. Поэтому грешат против исторической истины те ученые, которые рассматривают исторический процесс в Среднем Поднепровье в I тысячелетии н. э. как прямолинейное прогрессивное развитие. Подобная историческая ситуация повторилась в Среднем Поднепровье в XIII в. в результате татарского нашествия, когда также сократилось число поселений, примитивнее стала материальная культура и прекратились некоторые виды производства.

Однако в середине I тысячелетия н. э., как и в XIII в., не был прерван исторический процесс в Среднем Поднепровье и не была нарушена всякая культурная преемственность.

9. В культуре второй половины I тысячелетия в Среднем Поднепровье сохранились многие черты черняховской культуры, а многие получили дальнейшее развитие. И что особенно важно, дальнейшее преемственное развитие прослеживается в тех сторонах культуры, которые имели определяющее значение в общественной жизни.

Земледельческих орудий найдено черняховских и второй половины I тысячелетия в таких соотношениях:

На черняховских поселениях		На поселениях второй половины I тысячелетия н. э.
Наральников	8	12
Мотыг	?	6
Серпов и кос	9	Более 40

Типологически и функционально наральники второй половины I тысячелетия н. э. более совершенны. Из черняховских восьми наральников только два относятся к типу широколезвийных, из 12 наральников второй половины I тысячелетия широколезвийных не менее девяти.

Остатки металлургического производства найдены на черняховских поселениях в 29 пунктах, на поселениях второй половины I тысячелетия в 5 пунктах. Но центры металлургического производства второй половины I тысячелетия отличаются более крупными размерами, что отражает более высокий уровень концентрации ремесленного производства и общественного разделения труда.

10. Нет основания считать, что славяне в Среднем Поднепровье во второй половине I тысячелетия находились на более низком уровне социальных отношений по сравнению с населением черняховской культуры.

Археологические материалы, в частности характер планировки поселений, указывают, что у населения первой и второй половин I тысячелетия господствующим было индивидуальное хозяйство парной семьи. Такое хозяйство предполагает имущественное неравенство, что также отражают археологические материалы: в черняховской культуре — это богатые и бедные погребения, клады и отдельные находки римских монет, в культуре второй половины I тысячелетия — это отдельные находки и клады ювелирных изделий, импортные предметы, находки монет.

11. К началу второй половины I тысячелетия в Среднем Поднепровье были подготовлены условия для образования политических объединений государственного типа. Таким объединением явилось Киевское княжество с князем Кием во главе. Возникновение его, согласно исследованиям Б. А. Рыбакова, относится к середине VI в. Летопись характеризует Кия как видного деятеля, вступившего в дипломатические отношения с византийским императором. Само собой разумеется, что история славянского населения в Среднем Поднепровье не могла начинаться с образования значительного политического объединения, каким было Киевское княжество. Вернее считать его итогом длительного исторического развития славян на этой территории.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА В. И. ДОВЖЕНКА

И. П. Русанова высказала пожелание большего использования и привлечения фактического материала при построении подобных докладов. Для доказательства преемственности черняховской культуры и ранне-средневековой сельскохозяйственные орудия не годятся, и становится очевидным, что черняховская культура и культура пражского типа не имеют ничего общего между собой.

Э. А. Сымонович возразил, что сама И. П. Русанова отмечала сходство ряда основных форм лепной керамики типа Пеньковки и черняховского этапа развития, что установлено на основе исследований В. Д. Барана, А. Т. Смиленко и Э. А. Сымоновича.

Б. А. Рыбаков подтвердил справедливость трактовки значения черняховской культуры для Поднепровья. Автор доклада правильно сделал, что попытался посмотреть на древности культуры полей погребений в историческом аспекте. Однако доклад несколько преждевременный по причине того, что еще не закончено формальное изучение всех сторон черняховской культуры, нет ее определения, а если не ясно понятие культуры, то не ясно ее историческое место.

А. Т. Смиленко, отводя упреки по адресу В. И. Довженка в недостаточном использовании им фактического черняховского материала, говорила о том, что она разделяет в принципе предложенный докладчиком подход к проблеме. Замечания ее касаются понимания того, что называть «высоким» или «низким» уровнем развития культуры и «мирным характером культуры полей погребений».

В. И. Бидзиля поддерживает мнение, что для убедительности исторических построений археологический материал следует привести в систему (нет типологии черняховской керамики и т. д.). По его мнению, находки отдельных обломков черняховской керамики на поселениях третьей четверти I тысячелетия н. э. еще ничего не говорят о преемственности культур. Также вызывает сомнение, может ли сходство наральных подкреплять заключение о взаимной связанности культур. Орудия труда, по мнению В. И. Бидзили, нельзя увязывать с этническими группами.

В. В. Кропоткин критиковал доклад В. И. Довженка за неиспользование в достаточном объеме фактических данных, характеризующих черняховскую культуру. Поэтому гипотезы остаются гипотезами. Заметна

разная степень насыщенности областей черняховскими и раннеславянскими памятниками. По мнению В. В. Кротова, это может свидетельствовать о колоссальных исторических потрясениях и бегстве населения из отдельных ранее заселенных земель. Необъяснимым остается вопрос о денежном обращении: массовость находок в римское время и единичные византийские монеты в раннеславянский период. То же самое относится к ввозу амфор. Ведь Римская империя — Византия продолжала свое существование. Видимо, значение гуннского нашествия особенно велико было для степных областей, но считать его всеобъемлющим для лесостепи невозможно. Именно там и надо сравнивать черняховские памятники с раннеславянскими.

И. С. Винокур, поддерживая необходимость широкого исторического объяснения явлений, которое предложил В. И. Довженко, заметил, что не всегда отсутствие прямой типологической преемственности горшков III—IV и VI—VII вв. н. э. может говорить об отсутствии исторических связей. Могут быть другие связующие звенья, доказывающие преемственность культур.

Н. М. КРАВЧЕНКО

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ НЕКОТОРЫХ ТИПОВ ОБРЯДА ТРУПОСОЖЖЕНИЯ НА ЧЕРНЯХОВСКИХ МОГИЛЬНИКАХ

Проблема происхождения и эволюции погребального обряда черняховской культуры представляет неоспоримый интерес для изучения культуры в целом, определения ее этнической принадлежности.

Наша задача — рассмотрение одной из групп погребальных памятников — погребений с сожжением.

К теме погребального обряда обращались многие исследователи черняховской культуры. Не останавливаясь на точке зрения каждого автора, изложим основные результаты этих исследований¹.

1. Эволюция погребального обряда рассматривается как единый процесс в рамках всей культуры, основные этапы которого определяются: а) вытеснением сожжений труположениями с северной ориентацией (ранний этап); б) вытеснением труположений с северной ориентацией труположениями с западной ориентацией (поздний этап). Согласно этой концепции, которая в наиболее законченном виде была сформулирована Э. А. Симоновичем и разделяется другими исследователями (В. П. Петров, Г. Б. Федоров), сожжения являлись наиболее ранней формой погребального обряда, который постепенно, длительно сосуществуя, заменялся обрядом труположения.

2. Изучение черняховских погребальных памятников в географически обособленных районах (Молдавия, Румыния) позволило сделать ряд частных заключений. А именно: в обряде трупосожжений молдавских могильников наблюдаются черты, сближающие их с обрядом сожжения более раннего времени (могильники типа Лукашевки—Поянешти)², что позволило Г. Б. Федорову связать этот обряд с местным гето-дакийским населением³. Вместе с тем на соседней территории СРР, в Добрудже и

¹ Е. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. Археологія, IV. Київ, 1950, стр. 65, 71; В. П. Петров. Черняховський могильник (по матеріалам раскопок В. В. Хвойко в 1900—1901 гг.). МИА, № 116, 1964, стр. 53—83; Э. А. Симонович. Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 62—70; он же. Памятники черняховской культуры Степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 306—311; Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья. МИА, № 89, 1960, стр. 86—100; Э. А. Рикман. Будешты. Кишинев, 1967.

² При существующих в настоящее время датировках памятников данного типа имеется существенный хронологический разрыв между ними и памятниками черняховской культуры. Однако в настоящее время никакие промежуточные памятники не известны. Этот разрыв может быть ликвидирован только за счет открытия последних или уточнения верхней границы памятников типа Лукашевки—Поянешти. Все это, на наш взгляд, не может служить препятствием для сравнения их с памятниками черняховской культуры, хронологически наиболее близкой.

³ При этом остается неясным, как оценивает автор данной концепции черняховские памятники, и в частности сожжения, на других территориях.

Мунтени, в погребениях с сожжением выразительно выступают черты, характерные для пшеворской культуры (наличие керамики, вторично обожженной), что для Г. Диакону, исследовавшего эти памятники, послужило основанием считать появление такого обряда в Подунавье результатом продвижения северо-западных племен (тайфалов) на юг и связывать это событие с появлением памятников черняховской культуры⁴.

3. Этническая интерпретация черняховских сожжений Г. Б. Федоровым, так же как и Г. Диакону, противоречит распространенной в отечественной литературе точке зрения о сожжениях, как обряде автохтонного славянского населения, автором которой является В. В. Хвойко.

4. Изучение новых материалов, полученных в последние годы, позволило выделить особый тип черняховских погребальных памятников (Косановский могильник и др.), характеризующихся преобладанием определенных типов сожжений и относящихся вместе с тем к позднему этапу черняховской культуры. Это внесло известное противоречие в концепцию о едином процессе в развитии черняховского погребального обряда и несколько изменило наши представления о его позднем этапе.

В настоящем докладе делается попытка определить особенности черняховского погребального обряда сожжения, проследить пути его развития и истоки.

Источники. В нашем распоряжении в настоящее время имеется более 150 погребальных памятников черняховской культуры, могильников и единичных погребений. К сожалению, степень их исследованности, сохранности и документации различна. Из общего числа могильников Украины, Молдавии и Румынии только семь исследованы относительно полно, т. е. на каждом вскрыто сто и более погребений. Но и в этой группе ряд памятников не имеет удовлетворительной документации или материалы их не опубликованы и малодоступны. К группе достаточно полно исследованных источников могут быть отнесены следующие могильники: Журавка, Маслово, Гавриловка, Компанийцы, Косаново, Будешты, Тыргшор. Большие раскопки В. В. Хвойко в Черняхове документированы неудовлетворительно. Материалы Журавского и Компанийцевского могильников еще не опубликованы, но по отчетным данным Э. А. Сымоновича известно, что большая часть захоронений с сожжениями Журавского могильника уничтожена размывом верхних слоев почвы.

К следующей группе источников отнесены могильники, на которых раскрыто не менее 20 погребений. Таких памятников известно 11: Лохвица, Рыжевка (материалы последнего не опубликованы), Переяслав-Хмельницкий (документация неполная), Привольное, Раковцы, Извоаре, Сынтана-де-Муреш, Балцаты, Спанцов, Ольтени, Индепенденца.

Третья группа памятников — могильники, на которых исследовано до десяти комплексов: Каменка, Ромашки, Дедовщина, Данилова Балка, Кантемировка, Завадовка, Деревянное, Ново-Александровка, Волошское и некоторые другие памятники Надпорожья и Среднего Поднестровья. Следует отметить, что отдельные районы распространения черняховской культуры (географически обособленные) в настоящее время не имеют полноценно исследованных могильников. Так, на Вольни и в Поднестровье до сих пор памятники мало исследованы, что затрудняет определение характерных особенностей археологической культуры этих районов.

По внешнему облику черняховские могильники не отличаются от полей погребения предшествующих эпох. Но в отличие от более ранних полей погребений, где основной формой погребения были сожжения, на черняховских могильниках сочетаются два обряда: труположения и труполо-

---

⁴ На могильнике в Тыргшоре автором раскопок выделены участки с чистыми гето-дакийскими погребениями и сарматскими, датируемыми им III—началом IV в. н. э.

сожжения. (Именно это было одним из обстоятельств, послуживших основанием связывать сожжения с наиболее ранним этапом черняховской культуры.) Полагаем, что такое сочетание является обычным для черняховских могильников. На всех могильниках, относящихся к первой группе источников, сожжения выступают в сочетании с трупоположениями. Хотя на могильниках, относящихся ко второй группе источников, трупосожжения не известны (Балцаты, Тыргу-Муреш, Сынтана-де-Муреш, Извоаре), это, вероятно, отражает всего лишь характер открытой части памятника. Еще больше это относится к могильникам третьей группы источников (Данилова Балка, Дедовщина).

К особой группе принадлежат могильники, на которых трупосожжения резко преобладают (составляя не менее $2/3$ всех погребений). Эти могильники стали известны совсем недавно, и их немного. Два из них относятся к первой группе источников: Косаново и Компанийцы, два — ко второй группе: Рыжевка, Ольтени. Понятно, что могильники третьей группы для подобных сопоставлений мало пригодны. Однако Каменка могла бы дополнить наш список могильников, на которых значительно преобладают сожжения.

Биритуальные могильники, таким образом, характерны для черняховской культуры. Отметим, что обряд трупоположения в известной степени уже встречается в зарубицецкой и пшеворской культурах. Однако здесь этот обряд является исключением. Впервые в предшествующее время и на соседней территории — Поднестровье — погребения с трупоположением, близкие по типу черняховским (северная ориентация), встречены на смешанных могильниках липицкой культуры в Звенигороде и Болотном, где прослеживаются одновременно и пшеворские особенности обряда. Они относятся к I—III вв. н. э. Здесь эти трупоположения выступают с сожжениями, особенности которых имеют для нас особое значение. К сожалению, памятники типа Звенигорода и Болотного изучены крайне недостаточно.

В настоящее время не известны черняховские могильники, содержащие только сожжения.

Второе замечание общего характера относится к размещению погребений различных обрядов по отношению друг к другу на территории могильника. Как правило, исследователи отмечают, что погребения обеих групп располагаются вперемежку, без соблюдения какой-либо закономерности. Отметим, однако, что на некоторых могильниках (первая группа источников), таких, как Косановский, Компанийцевский, Гавриловский, удается установить известный порядок в размещении погребений с трупосожжениями и трупоположениями. В частности, на Косановском могильнике погребения с сожжением концентрируются на центральном и южном участках и полностью отсутствуют на северном.

Большой интерес представляет расположение погребений на могильнике в Тыргшоре. Здесь трупосожжения гето-дакийского типа занимают северо-восточную часть территории могильника, где они выступают без трупоположений. В то же время трупоположения сарматского типа занимают северо-западную часть могильника и так же, как и первые, не смешаны с сожжениями; и только центральную часть могильника в Тыргшоре занимают трупосожжения и трупоположения вперемежку, которые Г. Диакону считает собственно черняховскими.

Стратиграфия черняховских могильников пока не дает сколько-нибудь твердых оснований для выделения хронологических групп погребений, связанных с одним из обрядов. Случаи перекрываний погребений с трупосожжениями погребениями с трупоположениями крайне редки (Гавриловка, Тыргшор), хотя наряду с этим имеются случаи перекрывания трупоположений трупосожжениями (Тыргшор, погребения № 134—139, 73—67, и т. д.).

Из всего числа черняховских погребальных памятников, открытых на территории Украины, Молдавии и Румынии, нами учтено 26 могильников, содержащих более 500 сожжений. Сожжения типологически очень разнообразны. Признаки, характеризующие погребальный обряд, выступают в самых различных сочетаниях, закономерности которых ускользают при визуальном изучении. Большую трудность создает отсутствие унифицированных описаний.

Предлагаемая классификация преследует цель установить устойчивые сочетания признаков, характеризующих погребальный обряд. Попутно делается попытка уточнить терминологию.

В основу классификации положены признаки, характеризующие погребальный обряд: способ погребения остатков сожжения, погребальное устройство, обрядовый инвентарь (рис. 14).

Все сожжения черняховских могильников по обрядовым признакам можно разделить на два больших отдела: в урне и без урны. В свою очередь в пределах каждого отдела сожжения подразделяются на группы по характерным признакам устройства погребения: I. В урне открытой; II. В урне закрытой; III. В урне, лежащей на боку; IV. В урне, перевернутой вверх дном; V. В яме малой (остатки сожжения лежат компактно в виде кучки небольших размеров — 20—40 см в диаметре); VI. В обширной яме (остатки сожжения лежат рассредоточенно в диаметре 2 м и более); VII. В яме средних размеров (до 1 м в диаметре), открытой; VIII. В яме средних размеров, закрытой; IX. Под каменной вымосткой; X. На специально сооруженной глинобитной площадке.

В группе I две подгруппы: а) остатки сожжения в двух урнах; б) урна в другом сосуде. Каждая группа сожжений в свою очередь делится на типы по инвентарю: X — отсутствие обрядового инвентаря; А — наличие сосудов-приношений; Б — разбитый сосуд; В — обломки различных сосудов.

Всего выделено 28 типов, отличающихся друг от друга не менее чем одним признаком из общего числа признаков, характеризующих обрядовые особенности сожжений.

В данной классификации не нашло отражения сожжение в деревянном ларце (Косановский могильник, случай единичный).

Каждый могильник характеризуется определенным сочетанием типов. Обращает внимание неравномерное распределение типов внутри групп. Процентное соотношение типов в группах показано на рис. 14.

Сожжения типов II А и VII А, для которых характерно наличие сосудов-приношений, на рассматриваемой территории были распространены и в предшествующее время, в частности в зарубинецкой культуре, что было уже замечено Э. А. Сымоновичем⁵.

На карте черняховской культуры сожжения с зарубинецкими признаками занимают северную часть черняховской территории, на востоке доходя до междуречья Сейма и Удая (Сулы), на западе — до верховьев Горыни. Поэтому нет ничего удивительного в том, что В. В. Хвойко не видел существенной разницы между сожжениями черняховских и зарубинецких могильников.

Отсутствие обрядового инвентаря (признак X) — наиболее характерно для II и VIII групп (урна закрытая, яма закрытая). На карте черняховской культуры сожжения этого типа в основном концентрируются в юго-западной части черняховской территории (Молдавия и СРР), но изредка встречаются и на Левобережье.

⁵ Э. А. Сымонович. О единстве и различиях памятников черняховской культуры. СА, XXIX—XXX, 1959, стр. 88.

По основным признакам погребения этих типов сходны с гето-дакийскими сожжениями, восходящими к латенской эпохе на территории Молдавии и Румынии. Они также характеризуются отсутствием обрядового инвентаря и закрытыми ямами или урнами. Любопытной является эволюция такого обряда, наблюдаемая на могильнике Тыргшор. Сожжения типов 1 (I X) и 20 (VIII X) занимают здесь юго-западную часть могильника (где не встречаются погребения с труположениями). На центральной части могильника (где вперемежку выступают оба обряда) наблюдаются другие типы сожжений — 2 (I V) и 21 (VIII V), характеризующиеся новым признаком — наличием ритуально разбитых сосудов, что, согласно Г. Диакону, характерно для пшеворского обряда. Те же явления наблюдаются и в Малаештах.

Представляет интерес наличие гето-дакийских признаков сожжений на Масловском могильнике, несмотря на то, что территориально он ближе к Черняхову, чем к Подунавью.

Если сожжения с зарубинецкими признаками в черняховском могильнике легко согласуются с территориальным положением последнего, так же как и гето-дакийские признаки выступают на могильниках Молдавии и Румынии, то значительно труднее объяснить появление последних в Среднем Поднепровье.

Новые черты, создавшие, по мнению Г. Диакону, новый тип сожжений в Тыргшоре, т. е. обрядовый инвентарь (фрагменты керамики, вторично обожженные, находящиеся в заполнении ям или в ямах, вырытых рядом с погребениями), — характерная черта пшеворской культуры. На территории черняховской культуры сожжения с пшеворскими чертами (признаки Б и В, согласно принятым нами обозначениям) встречаются повсеместно (см. карту-схему). Характерными для пшевова являются сожжения, сопровождающиеся фрагментами керамики, вторично обожженной и поддающейся реконструкции⁶, известные в Завадовке и Компанийцах (район Среднего Поднепровья).

Сожжения в урнах, вторично обожженных, сопровождающиеся фрагментами ритуально разбитых сосудов (признак В), характерны для Волины и Подолии (Раковецкий и Косановский могильники).

Особое внимание обращают на себя могильники, на которых преобладает обряд сожжения, составляя не менее 2/3 всех погребений. В настоящее время известно три таких памятника: Косаново, Компанийцы, Ольтени. Для всех трех могильников наиболее массовым типом являются сожжения типа 14 (VI V) — в обширной яме, где остатки сожжения лежат рассредоточенно, вперемежку с землей, и сопровождаются фрагментами ритуально разбитых сосудов (как правило, вторично обожженных). Погребения типа 14 в небольшом количестве встречаются в первых веках н. э. в Повисленье и Белорусском Полесье. Более широкое распространение они находят на могильниках пшеворской культуры в IV—V вв. н. э. В добродзеньской культуре, сложившейся на территории и, возможно, на базе пшеворской культуры, сожжения такого типа являются преобладающими.

Некоторые исследователи считают, что этот обряд на территории Повисленья имеет восточные корни. Вопрос о его происхождении привлекает особое внимание, так как сожжения, типологически подобные описываемым, распространяются, по данным Кишваси-Комши, во второй половине I тысячелетия в Восточной Европе и связываются ею с расселением славян.

Отметим в связи с этим, что все названные могильники — Косановский, Компанийцевский и Ольтени — относятся к позднему этапу черняховской культуры.

⁶ Сосуды, собираемые из отдельных фрагментов, найденных в погребении, можно рассматривать как сосуды, ритуально разбитые.

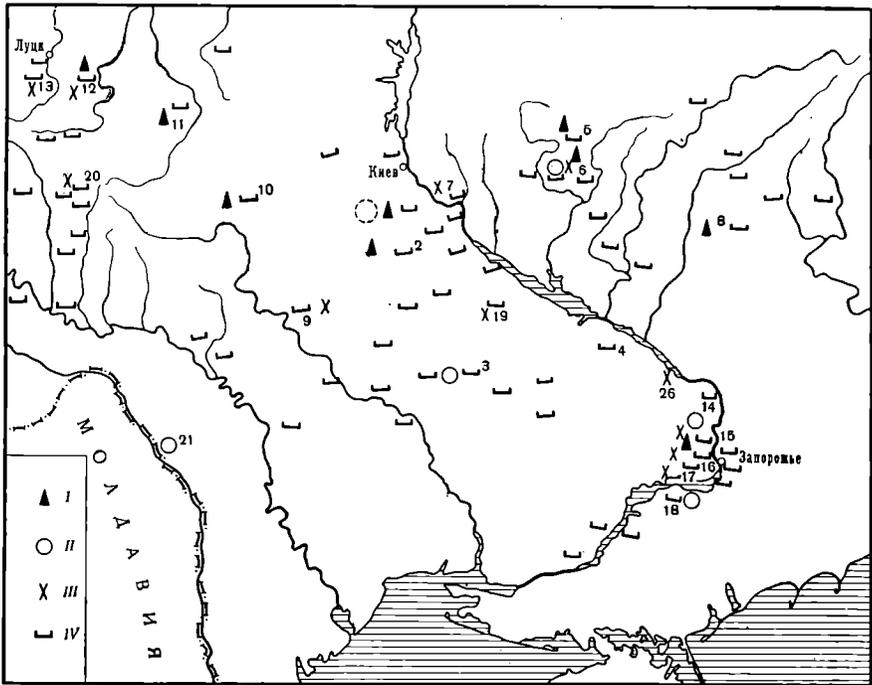

Рис. 15. Карта-схема распространения основных типов сожжений черняховской культуры

I — „зарубинецкие“ типы; II — „гето-дакийские“ типы; III — „пшеворские“ типы; IV — черняховские могильники.
 1 — Черняхов; 2 — Ромашки; 3 — Маслово; 4 — Стецовка; 5 — Гурбицы; 6 — Лохвица; 7 — Переяслав-Хмельницкий; 8 — Кантемировка; 9 — Косаново; 10 — Вилы Яругские; 11 — Кутки; 12 — Деревяное; 13 — Горка Полонка; 14 — Волошское; 15 — Гавриловка; 16 — Августиновка; 17 — Привольное; 18 — Каменка; 19 — Завадовка; 20 — Раковцы; 21 — Малаешты; 22—26 — Компанийцы

Итак, с одной стороны, самое разнообразное проявление пшеворских черт обряда на черняховских могильниках (типы 2, 9, 10, 12, 14, 17, 19), с другой — сохранение этих признаков в самых поздних памятниках.

Черты пшеворского обряда в черняховских сожжениях широко распространены на всей территории черняховской культуры (см. карту-схему). Если судить по обряду сожжения, роль пшеворской культуры значительна, а наличие пшеворских типов в обряде погребения должно оцениваться как наличие общего этнического компонента в черняховской и пшеворской культурах.

Предположительно можно высказать точку зрения, что 14 тип сожжений (в обширных ямах), широко распространившийся в Восточной Европе, имеет не столько этническую подоснову, сколько социальную. Например, можно выделить погребения ремесленников (гончаров или металлургов, Косаново), относительно богатые погребения с сожжениями часто принадлежат воинам (Завадовка, Малаешты, Компанийцы).

Основные выводы:

1. Особенности черняховских погребений с сожжениями свидетельствуют о различных этнокультурных корнях и позволяют говорить по крайней мере о трех основах, на которых сложился черняховский обряд сожжений: зарубинецкой, пшеворской и в какой-то мере гето-дакийской.

2. Распространение зарубинецких и гето-дакийских признаков связывается в основном с территорией, на которой названные типы обрядов бытовали в предшествующую эпоху (см. карту-схему). Пшеворские типы распространены по всей территории и не являются локальным явлением.

3. Изучение черняховских сожжений показало, что нельзя этот обряд считать отмирающим на черняховских могильниках, нельзя его рассматривать как обряд, свойственный только раннему этапу существования культуры. В настоящее время имеется много фактов, подтверждающих тенденцию в развитии обряда сожжения и позволяющих связывать определенные типы сожжений (тип 14 нашей классификации) с позднейшим этапом в существовании культуры (Косаново, Компанийцы, Ольтени).

Изучение черняховских сожжений подтверждает, что черняховская культура — явление очень сложное в этническом отношении.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Н. М. КРАВЧЕНКО

Э. А. Сымонович и Е. В. Максимов согласились с наблюдениями Н. М. Кравченко о том, что черняховские погребения с трупосожжением носят определенные черты зарубинецкого обряда погребения. Участие зарубинецкого населения в процессе создания черняховской культуры представляется возможным.

В. В. КРОПОТКИН

ХРОНОЛОГИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ
И РИМСКО-ВИЗАНТИЙСКИЕ ИМПОРТНЫЕ ВЕЩИ
В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ

Хронология черняховской культуры в общих чертах была установлена еще в начале XX в. (В. В. Хвойко, Н. Ф. Беляшевским, П. Райнеке), но в связи с накоплением нового археологического материала были сделаны попытки уточнить (расширить или сузить) хронологические пределы этой культуры. Дискуссия в связи с уточнением датировки черняховской культуры в советской археологической литературе не завершена до сих пор¹.

Общепризнано, что римские монеты и импортные греко-римские вещи, обнаруженные на поселениях или в могилах, являются основными вехами для установления абсолютной датировки черняховской культуры. Датировка кладов и отдельных монет, как правило, не вызывает каких-либо сомнений, но использование нумизматического материала в работах некоторых археологов и историков производилась без учета истории денежного обращения в Восточной Европе в I тысячелетии н. э.

Изучение многочисленных кладов римских монет в степной и лесостепной полосе Восточной Европы показывает, что интенсивный приток римского денария начался со второй половины II в. н. э., точнее — не ранее 180 г. н. э.² Находки на памятниках черняховской культуры более ранних монет (от Нерона до Марка Аврелия) не имеют датирующего значения. Римские денарии I и первой половины II в. н. э. были завезены в Восточную Европу значительно позже времени своей чеканки вместе с монетами Коммода, Пертинакса, Клодия Альбина, Юлии Домны, Септимия Севера и других императоров конца II и первой трети III в. н. э.

Попытки некоторых археологов доказать существование черняховской культуры в V—VII вв. н. э. на основании нумизматического материала также нельзя признать обоснованными. По мнению М. Ю. Брайчевского, денежное обращение в Восточной Европе отличалось удивительным постоянством своего состава. Римские денарии I—II вв. н. э. находились во внутреннем обращении не только в III—IV вв. н. э., но и значительно позже, вплоть до появления куфических монет в Восточной Европе, о чем свидетельствуют клады X в. с единичными римскими монетами в своем составе.

Многовековое замкнутое обращение римского денария в Восточной Европе не дает возможности, по мнению М. Ю. Брайчевского, устанавли-

¹ М. Б. Щукин. О трех датировках черняховской культуры. КСИА, вып. 112, 1967, стр. 8 сл.

² В. В. Кропоткин. Экономические связи Восточной Европы в I тысячелетии нашей эры. М., 1967, стр. 38 сл., табл. 3.

вать дату зарытия клада по младшей монете, как это принято в нумизматике, и различать по составу монетные клады III, IV, V, VI и VII вв. н. э. По сути дела исторические построения М. Ю. Брайчевского ведут к полному отрицанию датирующего значения не только единичных монетных находок, но и кладов³. В других случаях М. Ю. Брайчевский поступает проще: находка византийской монеты Маврикия Тиверия (582—602 гг.) в слое черняховского поселения у с. Черепин Черкасской области позволяет ему уверенно датировать этот памятник VI—VII вв. н. э.⁴ Э. А. Симонович на основании находки бронзовой монеты-подвески Констанция II (337—361 гг.) датировал одно из погребений могильника у с. Данилова Балка Кировоградской области V—VI вв. н. э.⁵

Изучение многочисленных импортных изделий, обнаруженных на памятниках черняховской культуры (амфоры, краснолаковая и стеклянная посуда, бронзовые подвески, бусы и другие вещи), свидетельствуют о том, что эти привозные предметы датируются в пределах III—IV вв. н. э.

В последние годы особенно хорошо разработаны типология и хронология светлоглиняных узкогорлых амфор по материалам Танаиса и его периферии⁶. Среди целых амфор, обнаруженных на памятниках черняховского типа, преобладают светлоглиняные узкогорлые амфоры с удлиненным коническим реберчатым туловом, датирующиеся второй половиной III и IV в. н. э.⁷ Светлоглиняные узкогорлые амфоры с коротким туловом и профилированными ручками типа Беседовки-Олонешты встречаются на поселениях черняховского типа значительно реже⁸. Некоторые амфоры этого типа снабжены греческими клеймами, которые позволяют уточнить время их бытования⁹. Греческие клейма обнаружены на амфорах из с. Олонешты Молдавской ССР, у с. Роксоланы Одесской области, на поселениях у сел Старопокровка и Безуварово Николаевской области, Южное и Константиновка Одесской области. Амфоры этого типа хорошо датируются первой половиной и серединой III в. н. э.

Большие красноглиняные амфоры с реберчатым туловом и сужающимся кверху горлом, обнаруженные на некоторых поселениях черняховского типа (Делакеу, Комаров, Турия и др.), хорошо датируются IV в. н. э.¹⁰ Небольшие красноглиняные амфоры, найденные в погребениях (Малаешты, Фрунзовка) и на поселениях черняховского типа (Комаров, Кринички, Рипнев, Ягнятин), аналогичны амфорам III—IV вв. н. э. из городов Северного Причерноморья и дунайских провинций Римской империи. С особенным упорством сторонники широкой датировки (Е. В. Махно, М. Ю. Брайчевский) отстаивали раннесредневековую принадлежность красноглиняной реберчатой амфоры, обнаруженной на дне жилища черняховского типа у с. Ягнятин Житомирской области. Недавно в статье М. Б. Щукина приведены убедительные аналогии ягнятинской амфоре из могильника в Инкерманской долине (совхоз 10, по-

³ М. Ю. Брайчевський. Нумізматика в темах давньої історії східнослов'янських племен. Зб. «Історичні джерела та їх використання». Київ, 1964, стр. 141 и сл.: он же. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964, стр. 224 и сл.

⁴ М. Ю. Брайчевський. Походження Русі. Київ, 1968, стр. 44—45.

⁵ Э. А. Симонович. Погребения V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952, стр. 62 и сл.

⁶ И. С. Каменецкий. Светлоглиняные амфоры Нижне-Гниловского городища. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 29—36; он же. Опыт изучения массового керамического материала из Танаиса. Сб. «Античные древности Подолия и Приазовья». М., 1969, стр. 136 и сл.

⁷ И. Б. Зеест. Керамическая тара Боспора. МИА, № 83, 1960, стр. 121 сл., табл. XLI, 104—105.

⁸ Там же, стр. 117 сл., табл. XXXVII, 91—93.

⁹ В. В. Кропоткин. Указ. соч., стр. 65 сл., табл. 12.

¹⁰ И. Б. Зеест. Указ. соч., стр. 120, табл. XXXIX, 100.

гребение № 46) и на Афинской агоре¹¹. Эти аналогии позволяют датировать амфору из с. Ягнятин второй половиной III—IV в. н. э.

Краснолаковая керамика сравнительно часто встречается на поселениях и в могильниках Восточной Европы I в. до н. э.—II в. н. э. Находки краснолаковых сосудов известны на поселениях Нижнего Поднепровья и Ольвийской периферии, в сарматских погребениях, на поселениях зарубинецкой и пшеворской культур. Греческие и латинские клейма, встречающиеся на краснолаковых сосудах малоазиатского, италийского и галльского производства, позволяют уточнить их дату и место изготовления.

На поселениях и в могильниках черняховской культуры краснолаковую керамику находят сравнительно редко. Все известные нам сосуды типа *terra sigillata* (Черняхов, Комаров, Лепесовка, Коблево, Викторовка, Ранжевое, Будешты и др.) можно отнести к III—IV вв. н. э., но датировка краснолаковой керамики этого времени разработана еще недостаточно. Серия краснолаковых сосудов, хранящаяся в Белоцерковском краеведческом музее, происходит, по всей вероятности, из частной коллекции местного краеведа С. С. Дроздова и не имеет отношения к могильнику черняховского типа в с. Ромашки Киевской области¹². В этой коллекции находятся разновременные сосуды I—V вв. н. э., в частности раннеримская миска с клеймом в виде ступни и ранневизантийское блюдо с крестом на дне. Поздняя группа краснолаковых мисок с клеймами на дне в виде креста, фигурок «добротого пастыря», дельфина, павлина, петуха, голубя и зайца датируются V—началом VII в. н. э.; она встречается в Херсонесе и других городах Северного Причерноморья, которые возродились после гуннского нашествия¹³. На памятниках черняховской культуры краснолаковые сосуды этого типа не встречены ни разу.

Изучение многочисленной стеклянной посуды, обнаруженной на памятниках черняховской культуры, позволяет уточнить место производства и датировку этой категории импортных изделий. Ввоз стеклянной посуды в Поднепровье и Поднестровье начался еще в I в. н. э., о чем свидетельствуют находки сосудов или их обломков на поселениях (Лукашевка, Лютеж, Золотая Балка, Козырка и др.) и в сарматских погребениях (Боканы, Негурены, Олонешты, Первомайск, Шабалат и др.). В последующие столетия ввоз стеклянной посуды резко увеличивается. Стеклянные кубки и чаши, найденные на памятниках черняховской культуры, изготавливались не только в римских провинциях и Северном Причерноморье, но и в стеклоделательных мастерских на варварских землях в Подунавье и Поднестровье (Комаров). Датировка полуовальных и конических кубков, украшенных напаянными ребрами, нитями из разноцветного стекла, эмали, зашлифованными плоскостями и овалами, кругами, хорошо разработаны в западноевропейской археологии в исследованиях А. Кизы, Ф. Фремерсдорфа, Д. Хардена, Г. Экхольма, Г. Айсингса, Х. Эггерса и других ученых. В советской литературе некоторые разногласия вызвало хронологическое определение стеклянного кубка из погребения у с. Городница Ивано-Франковской области и стеклянного конического кубка из могильника у с. Данилова Балка Кировоградской области¹⁴. Э. А. Симо-

¹¹ М. Б. Щукин. Вопросы хронологии черняховской культуры и находки амфор. СА, 1968, № 2, стр. 43 сл., рис. 1—3; H. Robinson. Pottery of the Roman Period. The Athenian Agora, v. V. Princeton, 1959, Tabl. 29, N 273.

¹² А. Т. Брайтчевська. Деякі археологічні дані про торгівлю древніх слов'ян з кримськими містами. Археологія, т. X. Київ, 1957, стр. 114 сл., табл. 1, рис. 3.

¹³ С. А. Беляев. Краснолаковая керамика Херсонеса IV—VI вв. Сб. «Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья». К 100-летию со дня рождения акад. С. А. Жебелева. Л., 1968, стр. 31 сл., рис. 1—3.

¹⁴ М. Ю. Брайтчевский. Основные вопросы археологического изучения антов. Доклады VI научной конференции ИА АН УССР. Киев, 1953, стр. 63; Э. А. Сымонюк и в. ч. Указ. соч., стр. 68, рис. 20, 1; М. А. Тиханова. Из материалов Дубоссарского отряда Молдавской экспедиции. КСИИМК, вып. 57, 1955, стр. 94, прим. 1.

нович пытался сопоставить конический кубок из Даниловой Балки с кубками из меровингских могил V—VI вв. н. э., а М. Ю. Брайчевский относил кубок из Городницы к VI в. н. э.

Погребения гуннского времени, обнаруженные в Подонье (Синявка), на Левобережье Днепра (Большой Камень, бывш. Обоянский уезд), в Нижнем Поднепровье (Новая Маячка, Раденск) и Подунавье (Унтерзибенбрунн), дали несколько характерных стеклянных сосудов, которые типологически отличаются от посуды предшествующего времени. Конечно, памятники гуннского времени содержат сравнительно мало стеклянной посуды, но тем не менее эти находки позволяют уточнить верхнюю хронологическую границу черняховской культуры и отнести ее к рубежу IV—V вв. н. э.

Глиняная и стеклянная посуда греко-римского производства имеет первостепенное значение для датировки черняховских поселений и могильников. Среди импортных изделий глиняная и стеклянная посуда являются наиболее массовым материалом; к тому же она сравнительно быстро выходила из употребления.

Некоторое значение для уточнения хронологии черняховской культуры имеют и другие римские и ранневизантийские импортные изделия (серебряные и бронзовые сосуды, оружие, бронзовые статуэтки, бронзовые и глиняные свистильники, фибулы, резные камни и т. п.), но эти вещи встречаются сравнительно редко. Дорогие импортные изделия, например серебряные сосуды, иногда попадали в сокровища, передавались по наследству и попадали в землю спустя несколько веков после их изготовления (блюдо Патерна из погребения у с. Малое Перещепино Полтавской области и др.).

Глиняные сосуды, изготовлявшиеся черняховскими гончарами, подражали иногда формам серебряной и бронзовой посуды римско-византийского производства. Интересной формой, характерной для конечной фазы существования черняховской культуры, являются глиняные кувшины с ребристым туловом и узким высоким горлом, снабженным выпуклым валиком (Тыршор, Чистилов). Эти кувшины находят близкие аналогии в таких ранневизантийских металлических изделиях, как кувшины из Концешт, Суджанского и Борочицкого кладов и других находок конца IV—начала V в. н. э.¹⁵

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА В. В. КРОПОТКИНА

Б. А. Рыбаков сказал, что как трудолюбивый исследователь и знаток привозных античных вещей В. В. Кропоткин собрал большие материалы. В докладе перечисляются монеты и вещевые находки, но живых людей, которые за ними стоят, их взаимоотношений, товарно-экономических связей племен черняховской культуры нет. Для того чтобы доклад дал что-то для датировки именно черняховских памятников, следовало составить сводные таблицы, выделить вещи, связанные с комплексами находок. Многие датировки должны решаться с помощью импортных находок, но импортные вещи более многогранны, чем предложенные датировки. Неожиданно прозвучало в докладе, будто бы В. В. Кропоткин всегда писал о том, что римские монеты имели хождение в тех землях, в которых они найдены. Казалось, что именно против этого тезиса М. Ю. Брайчевского докладчик всегда выступал. Видимо, теперь он признал выводы М. Ю. Брайчевского правильными.

М. А. Тиханова сказала, что было бы лучше, если бы докладчик точнее и полнее проанализировал импортные материалы, встречающиеся на территории черняховской культуры, в частности ответил бы на вопросы: где, когда, какой разрыв существовал между изготовлением и бытованием

¹⁵ Этот тезис подробно анализируется в помещаемой в настоящем выпуске заметке.

того или иного античного изделия на южных землях лесостепной и степной зоны Восточной Европы. В настоящее время и поляки, и словаки, и венгры пользуются работой Г. Эггерса с поправками. Если бы были учтены все поправки, доклад прозвучал бы иначе и по датировкам не было бы столько споров.

Э. А. Сымонович говорит о том, что римский импорт важен прежде всего для обоснования ранних дат существования культуры полей погребений черняховского типа. Основные монетные находки, как следует из доклада, относятся ко времени Антонина Пия, т. е. к середине II в. н. э., но это период, предшествующий появлению готов в южнорусских пространствах. Если даже принять положение, что большинство кладов зарыто в землю около 180 г. н. э., то для того, чтоб их накопить, конечно, потребовалось немалое время. Ю. В. Кухаренко даже была высказана мысль о том, что клады, собственно говоря, не связаны с готами, а были зарыты жившими до них племенами в период военной угрозы, надвигавшейся с севера. Поразительным моментом в выступлении прозвучало отрицание датирующей роли монет вопреки установившимся традициям в мировой науке. Монеты могли долго обращаться, но появление их на соседних землях не могло отставать на длительный период от времени их чеканки. Попытки суживать даты ряда привозных вещей, в том числе амфор, не всегда у В. В. Кропоткина и других исследователей достаточно оправданны. Наличие вещей на поселениях черняховской культуры I—II и IV—V вв. н. э., а иногда и более поздних чрезвычайно важно для установления датировок всей культуры. Однако факт изобилия монет II в. н. э. в кладах или отдельных находок чрезвычайно показателен для установления времени существования ранних черняховских памятников. Поздние периоды существования черняховских памятников основаны на материалах типа находок в Журавке Ольшанской, Максимовке, Компанийцах и пр. При этом находки вещей V в. н. э. безусловны. Два слова о красном лаке, который почему-то при датировке Ромашковского могильника не учитывается. Краснолаковая посуда встречается как в ранний, так и в поздний период существования черняховских памятников. На поздних памятниках Крыма, выходящих далеко за рамки IV в. н. э., хорошо известны находки красноглиняной и краснолаковой посуды.

Стеклянные кубки с синими глазками, по нашим наблюдениям, скорее всего могут быть датированы не только IV в. н. э., но и второй половиной или концом III в. н. э.

Ю. В. КУХАРЕНКО

ВОЛЫНСКАЯ ГРУППА ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ И ПРОБЛЕМА ТАК НАЗЫВАЕМОЙ ГОТСКО-ГЕПИДСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(тезисы доклада)

1. Памятники так называемой волынской группы полей погребений относятся к периоду со второй половины II до конца IV в. н. э.; они распространены в западных районах Полесья, на Волыни и Подолии, представлены поселениями, могильниками, кладами и находками отдельных вещей. В настоящее время в группе насчитывается около сотни памятников. Наиболее полно исследованными из них являются поселения Лепесовка, Викнины Великие, Костянец и Пряжев и могильники Брест-Тришин, Любомиль, Баев, Дитиничи, Раковец и Косаново.

2. На неукрепленных поселениях, т. е. селищах, вскрыты остатки жилищ, в большинстве случаев наземных. Среди них имеются и большие прямоугольные в плане двухчастные постройки, совмещающие жилое помещение и хлев (Лепесовка). На некоторых поселениях известны и жилища, углубленные в землю.

Курганные погребения, по-видимому, были лишь на могильниках в Колках, Забороле и Шепетовке. Основным видом захоронений являются ямные трупосожжения. На многих могильниках наряду с трупосожжениями встречаются и погребения с трупоположениями. Последние иногда находятся в каменных ящиках (Глещева, Увисла, Ладычин, Городница). Известны также погребения с трупосожжениями, обставленные камнями (Брест-Тришин, Кутки), а на некоторых могильниках между погребениями находились особые каменные вымостки. Кроме рядовых могильников, в группе известно и одиночное очень богатое княжеское погребение в Рудке около Кременца. В погребениях, вскрытых на могильниках, довольно много глиняных сосудов и различных предметов украшений и быта, сделанных из железа, бронзы, серебра и кости. Встречаются также стеклянные и янтарные поделки. Предметы вооружения в погребениях отсутствуют.

3. Вещи, найденные на могильниках и поселениях, представлены в основном нижневисленскими типами. Таковы лепные сосуды, фибулы, браслеты, булавки, предметы поясного набора, гребни. Среди керамики, найденной на южных памятниках группы, много форм, характерных для черняховской культуры, а на западных памятниках встречаются и пшеворские типы сосудов.

4. Памятники, подобные волынским и одновременные им, известны и на соседней (с запада) территории Польши — на Мазовии, Подлясье и Люблинщине (могильники Сарнаки, Цецэле, Нур-Колония, Брюлино-Коски, Дроздово, Варшава-Кавенчин, Гоздик, Клошев, Грудек Надбужный, Вербковице-Которув и им подобные). Систематические исследования их проводятся польскими археологами в последние годы. На этих могиль-

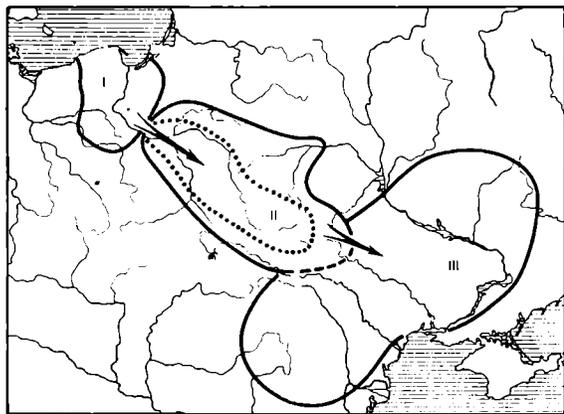

Рис. 16. Карта распространения памятников мазовецко-волинской группы и родственной ей культур в III—IV вв. н. э.

I — Нижневисленская, или готско-гепидская культура; II — мазовецко-волинская группа (пунктиром обозначен район распространения памятников группы в конце II в. н. э.); III — черняховская культура

никах еще отчетливее, чем на волинских, выражены черты, характерные для соседней нижневисленской культуры. На Мазовии известны даже могильники с каменными курганами, кругами и вымостами нижневисленского типа (Осецк, Гоздзик, Богуцин, Китки, Цецеле). Вместе с памятниками волинской группы упомянутые польские могильники составляют одну группу, одну культуру. Условно назовем ее мазовецко-волинской.

5. Мазовецко-волинская группа памятников и территориально, и хронологически, и по всей сумме археологических признаков является промежуточным звеном между двумя культурами: нижневисленской, или так называемой готско-гепидской, и черняховской (рис. 16). Хронологически она появилась позже нижневисленской культуры, но раньше черняховской. В районе своего распространения никаких генетических корней эта группа не имеет. Появление памятников группы на Мазовии и далее к юго-востоку вплоть до Подолии может быть объяснено только переселением в эти районы каких-то групп населения из низовьев Вислы, где аналогичные памятники известны уже в I в. и где начиная со второй половины II в. н. э. наблюдается резкое уменьшение общего количества населения. Уменьшение количества населения в низовьях Вислы исследователи обычно объясняют уходом отсюда готов, гепидов и связанных с ними племен на юго-восток, в сторону Черного моря. Часть этих племен, как видим, по пути к Черному морю осела на почти не заселенных до этого землях на стыке между пшеворской и балтийскими культурами. Первоначально поселения их тянулись сравнительно узкой полосой вдоль Буга, затем, уже в III в. н. э., территория, занятая пришельцами, расширяется (рис. 16). Это, по-видимому, связано с переселением гепидов, т. е. со второй большой волной переселения германских племен к Черному морю.

6. Переселение германских племен к Черному морю носило сложный характер. Наряду с быстрыми военными переходами происходило постепенное оседание на пустующих или очень слабо заселенных землях мирных поселенцев. Среди этих последних помимо германцев могли быть и их соседи по Повисленью — веныды и балты.

7. Пришельцы не ограничили территорию, на которой распространены памятники мазовецко-волинской группы. Большая часть из них ушла далее по направлению к Черному морю, где готы, по выражению К. Маркса, «образовали могущественную монархию» и где после их прихода появилась известная черняховская культура. Вполне естественно поэтому, что черняховская культура, несмотря на то, что она сложилась в иной среде и находилась под сильным нивелирующим воздействием провинциально-римской культуры, очень близка к мазовецко-волинской группе памятников и своими корнями, как и последняя, уходит в нижневисленскую, или готско-гепидскую культуру.

Э. А. Симонович отметил, что слишком многие факты противоречат отнесениям черняховской культуры к германцам. Он приводит в качестве примера причерноморские памятники культуры полей погребений, где встречаются любые элементы, кроме привнесенных из Балтийского Поморья. Нет даже ни одного черепка с преднамеренной ошершавленностью, как в Оксыве и Пшеворе. Между тем именно в областях Причерноморья фиксировано письменными источниками пребывание германцев. Трудно представить себе народ, который, переселившись с Нижнего Повисленья в Причерноморье, мог бы забыть все свои навыки, обычаи и пр. На Волыни часто в качестве памятника со следами проникновения германцев называют Лепесовку. Однако этот памятник сложный, с разными слоями. Он пока детально не опубликован, что затрудняет суждение о нем.

А. Т. Смиленко считает, что следует согласиться с выделением памятников типа Дитиничи-Брест в отдельную группу, увязывающуюся с германцами. Действительно ли культура готская или готы ее восприняли на нижней Висле от местных племен? Это должны сказать польские ученые после тщательного изучения всех сторон материальной культуры. Во всяком случае очевидно, что комплекс памятников Дитиничи-Брест отличный от черняховского и имеет отношение к Прибалтике. Передвижений племен из Прибалтики, кроме германских, не было. В Поднепровье подобные элементы появляются в IV—V вв. н. э., судя, например, по раскопкам в Журавке Ольшанской, т. е. оксывские элементы появляются в конце развития, а не при начальных этапах существования культуры полей погребений. Таким образом, неславянские элементы как бы наслаиваются на местную культуру. А. Т. Смиленко возражает против утверждения докладчика о пустотах, об отсутствии в Поднепровье дочерняховского населения. Неправильно зачислять все волынские памятники в группу Дитиничи-Брест. Там на черняховских памятниках имеются только некоторые элементы типа Дитиничи-Брест и они не являются наиболее характерными. Зачислять, например, в дитиничскую группу Косаново нельзя. Там имеется лишь два-три сосуда, близкие дитиничским формам. Это памятники черняховские.

М. Ю. Смишко говорил, что картина, нарисованная Ю. В. Кухаренко, идет вразрез со всем тем, что мы знаем по конкретным материалам. Брест-Тришин — памятник, действительно датируемый концом II—III в. н. э., но есть другой эталон — Дитиничи, явно относящийся к концу III—IV в. н. э. Аналогии уходят в Прибалтику. Они не связаны с одновременными памятниками черняховского типа. Хотя на Волыни в черняховских материалах имеются отдельные вкрапления элементов дитиничского типа, но преобладают здесь собственно черняховские. Это — показатель взаимодействия пришлых племен с местным населением. Памятники типа Косанова и Компанийцев причислять к дитиничским нельзя. Путь готов и гепидов теперь намечается более конкретно из Повисленья, вверх по Западному Бугу. Трупосожжения, видимо, более присущи были готам, а гепидам — некоторые труположения, которые известны в Верхнем Поднепровье. Самым главным достижением является то, что археологические находки последних лет подтверждают данные письменных источников, но это подтверждение нельзя связывать с формированием черняховской культуры. Если проанализировать типичную черняховскую керамику, то мы не сможем вывести ее из дитиничского типа. К моменту появления на землях нынешней Украины памятников типа Дитиничей черняховская культура там уже полностью сформировалась.

Е. В. МАХНО

ОБ ОСНОВНЫХ ЗАДАЧАХ КАРТОГРАФИРОВАНИЯ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СВЯЗИ С ВЫДЕЛЕНИЕМ ЛОКАЛЬНЫХ ВАРИАНТОВ

Археологический комплекс черняховской культуры обладает рядом отличительных признаков, из которых самым ярким является специфический набор гончарной посуды, обрисованный с достаточной выразительностью на основании материалов Черняховского и синхронного ему Масловского могильников. Обязательной и количественно превосходящей формой в этом наборе является гончарный шероховатый (по мнению А. А. Спицына) славянской формы горшок, на втором месте по количеству стоят две формы мисок (закрытого и открытого типа), в большинстве случаев лощеные. Сюда же относятся одноручные и амфоровидные двуручные кувшины, а также кубки и трехручные вазы, иногда поражающие совершенством и утонченностью орнамента. Керамический комплекс черняховской культуры в определенных случаях дополняют лепные сосуды и римский импорт, преимущественно амфорная тара.

Вновь и вновь открываемые памятники не только подчеркивали стабильность этого комплекса, но и утверждали мнение о монолитности материальной культуры черняховцев, подтверждая теорию о ее славянской принадлежности.

Однако даже в самое раннее время, еще задолго до планомерного и серьезного изучения черняховской культуры, стали известны и своеобразные формы Лепесовского поселения, открытого на р. Горыни в начале XX в. Я. Яроцким, и специфическая коллекция из с. Городища также на Горыни, хранящаяся в фондах Киевского исторического музея. Исследования 40-х годов в этом же районе на поселениях у Костянца и Мирогощи, а также углубленные разведки у с. Пражев на Гуйве позволили тогда же М. Ю. Смишко обратить внимание на особые черты черняховских памятников этого района. Он первый выделил волинский вариант и определил его восточные рубежи.

Выделение волинского варианта не нарушило ранее сложившегося взгляда о единстве и славянской принадлежности черняховской культуры.

В 50-х годах (в связи с критикой учения Марра) были подвергнуты строжайшей, но не всегда научной и беспристрастной критике многие из достижений советской археологической науки, и в частности вопрос об автохтонности славян. Именно в это время стал предметом дискуссии до сих пор не решенный вопрос о локальных вариантах черняховской культуры.

С тех пор прошло много лет напряженного труда, и в арсенал черняховской культуры теперь включено более 2500 памятников вместо 600, зарегистрированных к 1956—1957 гг. По предварительным подсчетам к 1956 г. раскопанная площадь на поселениях составляла приблизительно

7000 м². Количество раскапываемых памятников сейчас доведено до 150—160 (в том числе 85—90 поселений и 60—70 могильников). По далеко неполным подсчетам на них исследована площадь более 70 тыс. м², обнаружено свыше 260 сооружений, более 100 хозяйственных ям, 10 гончарных горнов, мастерская по изготовлению стекла и свыше 2100 погребений. Благодаря энергичной деятельности Института археологии АН СССР в распоряжение исследователей предоставлены три больших тома публикаций археологических источников, вышедшие под редакцией Б. А. Рыбакова и Э. А. Сымоновича. Все это позволяет составить теперь гораздо более полное представление об археологическом комплексе черняховской культуры, чем ранее.

Не вполне удачная попытка расчленить черняховскую культуру на несколько самостоятельных групп, предпринятая М. А. Тихановой, не сняла до сих пор с обсуждения вопрос о ее многоэтничности.

Отсутствие критериев для научной обработки источников, весьма обобщенный характер публикаций, игнорирующий детальную обработку источников и тем самым лишаящий науку важных полевых наблюдений, приводят к весьма свободному и противоречивому толкованию фактов. К их числу относятся в первую очередь те, на основании которых решаются взаимосвязанные вопросы о территории распространения, формирования и о локальных вариантах черняховской культуры.

Устранить возможность для произвольного и поэтому противоречивого толкования можно только при строгом и неукоснительном требовании наиболее объективно раскрывать характеристику фактов. Это требование в первую очередь относится к характеристике самого массового керамического материала на каждом из отдельных памятников. Между тем даже в самых подробных публикациях обычно отсутствуют данные для сравнительного анализа. Авторы, как правило, ограничиваются очень общей характеристикой памятника или же просто указанием на то, что обнаружено поселение черняховской культуры, не детализируя его описание. Ярким примером этого является хотя бы сводка И. Т. Чернякова¹, вводящая в научный оборот памятники черняховской культуры такой важной для решения названных вопросов территории, как междуречье Дуная и Днестра. Автор собрал сведения о 124 памятниках и нанес их на карту. Но при ближайшем рассмотрении оказывается, что половина всех памятников, собранных автором, к черняховской культуре отнесена им «предварительно» и, нужно признать, без всяких для этого оснований, поскольку черняховские материалы на них вовсе отсутствуют, а представленный материал принадлежит обломкам амфор. Шесть памятников вовсе не дают керамического набора, характерного для черняховских памятников (на двух из них найдены только лепная посуда и римские амфоры, на двух других обнаружена только лощеная кермика, по мнению автора черняховская, еще на двух собраны только лощеная посуда и римские амфоры). Керамический материал 18 поселений, т. е. около одной трети, точнее 28%, по сведениям И. Т. Чернякова, включает амфорную, лепную и гончарную посуду; 7, т. е. более 10% поселений, представлены лепной и гончарной черняховской посудой без амфор и, наконец, 9 поселений, около 15%, — названы просто поселениями черняховской культуры без уточнения комплекса.

Приведенные факты свидетельствуют о пестроте и неоднородности керамического материала поселений первых веков н. э. в приморской части междуречья Дуная и Днестра, но они не дают ответа на вопрос, в какой степени названные автором поселения могут считаться черняхов-

¹ И. Т. Черняков. Памятники черняховской культуры в приморской части междуречья Дуная и Днестра. МИА, № 139, 1967, стр. 197—204.

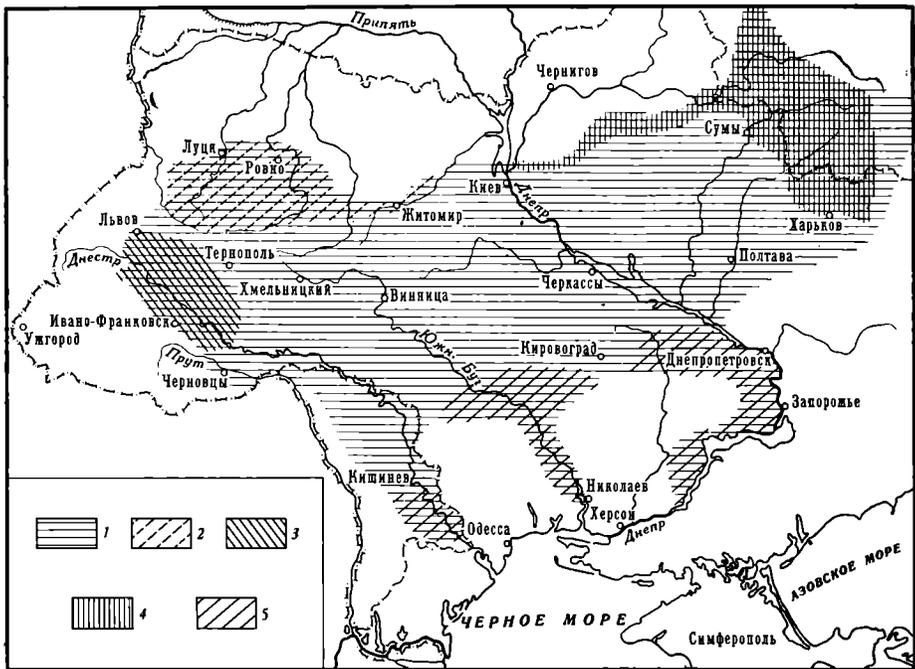

Рис. 17. Карта распространения типов посуды на территории черняховской культуры
 1 — гончарная посуда; 2—5 — лепная посуда (1,2 — Волинская; 3 — Днестровская; 4 — Сеймо-Донецкая; 5 — Южостепная группы)

скими. На черняховских поселениях, как уже упоминалось, действительно встречается обычно и гончарная посуда (преимущественно шероховатая), и лепная, и в небольшом количестве амфорная. Если же в подъемном материале будет преобладать амфорная посуда, если лепная посуда будет тождественна сарматской, а черняховская гончарная составит примерно 5—10%, то в какой степени мы будем иметь право именовать этот памятник черняховским? Почему его не назвать сарматским или античным, а еще вернее памятником первых веков нашей эры со смешанным населением? К сожалению, публикация И. Т. Чернякова лишает нас возможности судить об этом с достаточной определенностью. Для этого необходимо, чтобы место каждой из керамических групп на конкретном памятнике было определено и известно.

Раскопки и разведки послевоенных лет в Среднем Поднепровье вполне подтверждают наблюдения, сделанные на основании дореволюционных раскопок В. В. Хвойко в Черняхове и Ромашках, а также П. И. Смоличева и С. С. Гамченко в Маслове, о поднепровском, уже здесь упомянутом керамическом комплексе.

Сейчас трудно оспаривать тот непреложный факт, что именно на памятниках Среднего Поднепровья по течению лесостепных притоков Днепра все основные признаки керамического комплекса черняховской культуры выражены наиболее ярко и лепная посуда здесь почти отсутствует².

В волинской группе³ гончарная посуда, совершенно тождественная среднеднепровской, составляет только 50% керамической коллекции.

² Е. В. Махно. Памятки черняхівської культури в Златопільському районі на Черкащині. Археологія, т. XX. Київ, 1966, стр. 113—121; она же. Могилище черняховского типа в городе Сумы. МИА, № 139, 1967, стр. 33—34.

³ М. Ю. Смишко. Раннеславянские памятники на территории западных областей УССР. Доклады VI научной конференции ИА АН УССР. Киев, 1953, стр. 84—85.

Вторую половину керамического материала (в среднем около 50%, а на отдельных памятниках от 30—40 до 60—70%) составляет лепная посуда. Ее характерной формой является ошершавленный горшок яйцевидной формы без венчика с лощеной полоской в верхней и нижней частях. Аналогии для этой посуды имеются в Прибалтике, и в частности в Польше.

В Поднестровье, так же как и на Волини, представлены во всей полноте гончарные керамические формы, но значительное место и здесь занимает лепная посуда. На некоторых памятниках она составляет 50% и больше. Исследователи Поднестровья, и в частности В. Д. Баран, обращает внимание на то, что основная группа посуды Верхнего Поднестровья имеет прямые генетические связи с памятниками второй половины I тысячелетия, которые принято считать славянскими. Однако здесь в депном комплексе представлены также формы, характерные для липицкой и пшеворской культур, соседствующих с черняховской.

Раскопки памятников черняховской культуры в междуречье Днестра и Днестра в пограничье лесостепи и степи фиксируют здесь как наличие памятников, типичных для приднепровской лесостепи, в керамическом комплексе которых почти отсутствуют лепные формы, так и памятников, напоминающих по облику лепной посуды волинские и приднепровские. Обращает внимание большое разнообразие форм лепной посуды этого района. Здесь представлены формы, типичные для сарматов, аналогичные волинским и тождественные пеньковским. На некоторых памятниках хорошо представлена импортная амфорная тара.

В северной части Донца и Посеймья, т. е. на северо-восточной окраине черняховской культуры, небольшие поселения характеризуются гончарной керамикой среднеднепровского облика и лепной посудой, по мнению некоторых исследователей напоминающей роменско-боршевскую.

Таким образом, среднеднепровский лесостепной район оказывается в центре, его охватывает с северо-востока, северо-запада и юго-запада инфильтрационное кольцо, внутри которого черты, типичные для центрального района, усложняются дополнительными, в каждом отдельном случае своеобразными. Своеобразие этих районов определяется главным образом элементами, характерными для культур, соседствующих с черняховской.

Суммируя изложенное, приходим к выводу. То, что нам известно на сегодня об особенностях отдельных территориальных групп черняховской культуры, не нарушает нашего представления о ее монолитности. Более того, очерченное вокруг центрального района периферийное кольцо подчеркивает устойчивость основных проявлений этой культуры. А их на данном этапе определяет уровень культурно-экономического развития, выражением которого является выделение гончарного ремесла.

При этих условиях факт взаимного проникновения черняховской и синхронных с ней культур свидетельствует об общем подъеме производительных сил тех культур, которые, окружая черняховскую, входили в сферу ее влияния, подчеркивает объединяющую роль черняховской культуры и локализирует центр ее формирования в Среднем Поднепровье.

Наличие черняховских материалов на поселениях первых веков н. э. в Причерноморье и Подунавье свидетельствует о проникновении элементов черняховской культуры и, видимо, о переселении части черняховцев в инокультурную среду. Однако определяющими в этих областях являются уже не черняховские, а инокультурные элементы, которые в будущем полностью поглотят элементы культуры черняховской.

Черняховские памятники и Румынии, и Польши являются свидетельством такого же переселения. Помимо того, они показывают большое влияние черняховской культуры на историю народов Средней Европы в первой половине и середине I тысячелетия н. э.

Таков общий итог изучения вопроса о территории формирования, распространения и о локальных вариантах черняховской культуры. Сейчас с большей достоверностью, чем раньше, можно считать, что основной территорией распространения черняховской культуры были черноземные просторы лесостепной и прилегающей к ней степной полосы Среднего Поднепровья, Побужья и Поднестровья, т. е. той территории, на которой письменные источники фиксируют пребывание многочисленных племен антов.

Дальнейшая, более тщательная проработка керамических и других материалов каждого археологического памятника позволит уточнить характеристику отдельных территориальных групп.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Е. В. МАХНО

Б. А. Рыбаков отметил необходимость создания большой сводной карты черняховской культуры. Составить ее можно, лишь определенным образом условившись о понятии черняховская культура в археологическом плане, а затем в историческом. В карте должны быть учтены три элемента: типология, хронология, география.

А. Т. Смиленко поддержала мнение о необходимости учесть в карте все сведения о черняховских памятниках. Она высказала предложение выработать форму типовых отчетов о раскопанных объектах. Мысль Е. В. Махно о центральном районе, характеризующемся прежде всего памятниками с большим процентом находок сделанной на круге керамики собственно черняховской культуры, и об остальных памятниках как периферийных заслуживает внимания и кажется убедительной, хотя над ней еще необходимо поработать. Так, в последние годы вскрывается все большее число памятников, где значительный процент составляет лепная керамика, например в Журавке Ольшанской. Есть поселения, где одни участки дают преобладание гончарной керамики, а другие — лепной, как, например, в Лесках. А. А. Бобринский пришел к заключению, что в Лесках была гончарная мастерская, обеспечивавшая население на определенном этапе сделанной на круге посудой. В Ягнятине возможная близость населения к гончарным горнам привела к широкому распространению станковой посуды. Взгляды Е. В. Махно касаются поздней даты черняховской культуры. Сейчас, когда известны памятники третьей четверти I тысячелетия н. э., надо по-деловому сравнивать памятники черняховской культуры и последующего времени.

И. С. Винокур считает правильным положения Е. В. Махно о наличии локальных вариантов, но отмечает, что выделение их не приводит к отрицанию единства всей культуры, представленной в настоящее время большим количеством памятников, сходных по основным культурным показателям.

Г. Ф. НИКИТИНА

ГРЕБНИ ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

(тезисы доклада)

1. За последние 10 лет в области изучения черняховской культуры сделано много. Исследованы новые поселения и могильники на территории Восточной и Западной Украины, в Молдавии и Румынии. Однако основные вопросы, связанные с происхождением культуры, датировками и этногенезом культуры, по-прежнему являются предметом оживленных споров.

2. Благодаря накопленному фактическому материалу целый ряд вопросов мог, если не быть решенным окончательно, то во всяком случае иметь хорошо разработанные гипотезы, но это возможно лишь при наличии детальной разработки всех категорий вещей черняховской культуры. В настоящее время работ в этом плане почти неизвестно.

3. Настоящий доклад является попыткой детального изучения гребней черняховской культуры.

4. Гребни черняховской культуры — трехсоставные, материалом для изготовления которых, как правило, служила кость, и лишь изредка на территории черняховской культуры встречаются железные гребни.

5. Достаточное разнообразие конструкций и форм гребней позволяет классифицировать гребни по определенной схеме.

6. Появление гребней в материальной культуре различных племен и народов восходит к эпохе неолита. Однако в Европе лишь в римскую эпоху гребни становятся одной из распространеннейших деталей материальной культуры.

7. В I—II вв. н. э. в Европе широко распространяются одночастные полукруглые, подтреугольные и треугольные гребни. Первые две формы на нашей территории зафиксированы на памятниках типа Дитиничи.

8. На следующем этапе полукруглая форма гребней продолжает развиваться. Распространяются трехсоставные гребни полукруглой или близкой к ней формы, а также усложненной схемы, в основу которой положен тот же полукруг.

9. Характерно, что появление гребней этой конструкции в Восточной Европе связывается только с черняховской культурой. В городах Северного Причерноморья они появляются только в слоях конца III—IV в. н. э. и связаны с продвижением на юг черняховской культуры.

10. Основная территория появления и распространения гребней подобной формы лежит в междуречье Эльбы и Вислы.

Б. А. Рыбаков, признав доклад интересным, обращает внимание на то, что рассматриваемые вещи изучены не до конца, в особенности к востоку от Днепра. Необходимо продолжить работу и провести скрупулезное исследование. Докладчик проявил осторожность, не делая окончательных выводов, и он прав, поскольку заключения на основе одной группы вещей могут оказаться в противоречии с выводами по другим материалам. Сложным является вопрос о деревянных гребнях. Например, о русских деревенских гребнях XI в. н. э. мы ничего не знаем, а по амулетам известно, что было два типа гребней. В докладе есть пробелы, касающиеся гребней пшеворской культуры.

И. С. Винокур говорил, что доклад он одобряет, но в нем чувствуется преднамеренное отметание латенских древностей. Справедливо, что одночастные гребни появляются ранее трехчастных, но ведь известны памятники черняховской культуры, где такие гребни сосуществуют с одночастными (Ружичанка).

По мнению М. А. Тихановой, работа Г. Ф. Никитиной чрезвычайно важна для изучения черняховской проблематики, но нельзя было пройти мимо кельтских гребней. То, что гребни датируются и линия развития их важна, — трюизм. Однако для полной картины надо использовать весь имеющийся материал, в том числе и инвентарь пшеворской культуры, независимо от того, что скрывается под этой культурой. Часть исследователей считают ее вандальской, другие — венедской. Выводы по гребням совпадают с наблюдениями над истоками ряда керамических форм черняховской культуры, происходящих с северо-запада.

Э. А. Симонович говорит, что разбор отдельных категорий вещей в черняховской культуре очень важен и является нужной темой. Однако докладчиком не учтены античные и кельтские гребни, поэтому можно сомневаться, что вопрос о происхождении черняховских гребней решается правильно. Вопрос о гребнях приобрел ненужную остроту. Известно, что ближайшие соседи черняховских племен оказывали сильное влияние на их культуру. В частности, говорилось о традиционных направлениях кельтского влияния. При рассмотрении вопроса происхождения черняховских гребней кельтские одночастные гребешки не могут быть игнорированы. Требуют проверки также и датировки. На сводной таблице, опубликованной Э. Томас, гребни, аналогичные черняховским, датируются около 200 г. н. э., т. е. они появляются в Западной Европе тогда, когда черняховская культура уже существовала. Теперь в Румынии известны поздние комплексы с гребнями (в частности, в Спанцеве есть в погребении двусторонний гребешок, в западной литературе относимый ко времени скорее всего V в. н. э.). Следовательно, и вопрос о датировках гребней в черняховской культуре должен быть докладчиком пересмотрен. В трактовке вопроса об этнической принадлежности гребешков также требуется осторожность. Пожелания сводятся к тому, чтобы сводка гребней была пополнена и чтобы на Украине были учтены находки остатков гребней, происходящих из погребений с трупосожжениями.

В. П. ПЕТРОВ

ПИСЬМЕННЫЕ ИСТОЧНИКИ О ГУННАХ, АНТАХ И ГОТАХ В ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

В результате успехов, достигнутых в археологии, в настоящее время в исторической науке предпочтение часто отдается археологическим материалам. Сведения письменных источников отодвигаются на второй план, а иногда даже вообще игнорируются. Их не комментируют, с ними не считаются, больше того — про них забывают. Только недооценкой, небрежным отношением к ним можно объяснить появление в литературе утверждений, совершенно не вяжущихся с тем, что мы находим в известиях древних авторов — Иордана, Прокопия и их современников о готах, антах, гуннах, о занятых ими территориях и событиях той эпохи.

1. Готы и анты на рубеже IV—V вв. Известно, что черняховская культура, выявленная археологическими раскопками, занимает обширную территорию в пределах от Волыни и Курской области на севере до Причерноморья на юге и от Молдавии и Западной Украины до Северного Дона на востоке¹. Обычно черняховская культура датируется III—IV вв. и ее конец, как правило, объясняется вторжением гуннских орд. Такая постановка вопроса является общепризнанной вопреки тому, что у Иордана в его «Гетике» (551 г.) события того времени на рубеже IV—V вв. изображаются совершенно иначе.

Если полагаться на Иордана, на его «Гетику» и на приводимые в «Гетике» сведения, то ни о каком вторжении гуннов в конце IV в. на территорию антов говорить не приходится. К уничтожению черняховской культуры гунны не имели отношения.

Хотя Иордан называет гуннов «свирепейшим племенем» (§ 122), «свирепым родом» (§ 123), однако гунны, по свидетельству того же Иордана, вторгнувшись в Крым, обошлись с готами самым мягким образом. Осевши в Крыму, они не уничтожили готов и не вытеснили их. «Подчиненные власти гуннов, готы остались в той же стране», — говорит Иордан (§ 246)². К тому же подчинение власти гуннов не было для готов слишком суровым. Напротив, готы сохранили свою наследственную родовую власть династии Амалов. Как сообщает Иордан, после смерти престарелого Германариха его ближайший преемник «амал Винитарий удержал все знаки своего господства» (§ 246).

Готы не преминули воспользоваться добрым отношением к ним гуннов. Они исподволь готовились к войне. Правда, накапывая постепенно

¹ Э. А. Симонович. Новые работы в селе Черняхове. Сб. «История и археология юго-западных областей СССР начала нашей эры». М., 1967, стр. 5.

² Иордан. О происхождении и деяниях гетов. «Getica». М., 1960 (цитаты из Иордана приводятся по этому изданию в переводе автора).

силы, они не осмелились выступить против покоривших их гуннов. Они стремились не к восстанию, а к войне.

Войну готов с антами Иордан описал с исчерпывающими подробностями. «Винитарий, подобный доблестью своему деду Вультульфу, хотя и менее счастливый, чем Германарих, с горечью переносил подчинение власти гуннов» (§ 247). «Постепенно освобождаясь от них (гуннов) и стремясь проявить свою доблесть, он двинул войско в пределы антов» (§ 247).

Поход Винитария на антов описывается древними историками как победоносное завоевание. О неудачах не упоминается, поражения затумешиваются. Между тем Иордан говорит о ряде неудач и тяжелых поражений, о военной катастрофе, завершившей нападение готов. Анты оказали решительное сопротивление вторгшимся в их пределы (in Antorum fines) готам. О нанесенном поражении Иордан говорит: «Когда Винитарий вступил в их пределы, в первой битве он был разбит» (§ 247).

Поражение определило характер дальнейших действий готов. Оказавшись далеко от своей страны, разбитый при вторжении в первой битве, Винитарий действовал, не останавливаясь ни перед чем. По выражению Иордана, он стал действовать «решительнее» (*fortiter egit*), «насильственно». От войны и открытых боев он перешел к политике устрашения и запугивания, к террору. Готы в первую очередь приступили к истреблению племенной антской верхушки. По словам Иордана, Винитарий «распял короля их Божа с сыновьями его и с семидестью старейшинами для устрашения (in exemplum terroris), чтобы трупы висящих удвоили страх покоренных» (§ 247).

Упоминание Иордана о политике террора в стране антов истолковывается так: «В первой схватке (Винитарий. — В. П.) был побежден, но потом ему удалось одержать верх»³. Довольно странное и неожиданное толкование, находящееся в полном противоречии с текстом первоисточника. Был террор, был произвол (*libertas*), как выразился Иордан, но никакой победы не было. Вопреки тому, что утверждает А. А. Шахматов, готам, согласно Иордану, не удалось одержать верх над антами. Готы не смогли удержаться в опустошаемой ими стране на сколько-нибудь длительный срок. По сообщению Иордана, Винитарий «с такой свободой (*tali libertate*) повелевал в течение едва ли одного года (*vix anni spatio imperasset*)» (§ 248). Поход окончился не победой, а разгромом готов и гибелью Винитария.

А. А. Шахматов не уделяет должного внимания источникам, которые он комментирует. Согласно Иордану, Винитарий, который «с горечью переносил подчинение власти гуннов», по собственной инициативе, «стремясь проявить свою доблесть», пошел против антов. Шахматов это опровергает. По Шахматову, события развертывались в совершенно ином, противоположном порядке. Отнюдь не готы, а, напротив, анты готовились напасть на готов. Только для того чтобы обезопасить себя от вторжения антов, Винитарий двинул свое войско в пределы их земель. У Шахматова читаем: «Иордан рассказывает о походе Винитара в страну антов, но поход этот был вызван, конечно, не желанием Винитария показать свою храбрость, а необходимостью обезопасить себя от вторжения антов»⁴.

Следует ли говорить, что у Иордана нет ни малейшего намека на угрозу для готов антского вторжения? Мнение Шахматова о «миролюбивых» готах, которые вынуждены были предпринять превентивную войну, чтобы предотвратить угрожавшее им нападение антов, ни на чем

³ А. А. Шахматов. Древнейшие судьбы русского племени. Петроград, 1919, стр. 9.

⁴ Там же, стр. 11.

не основано. Предложенная им реконструкция исторических событий крайне неудачна и неубедительна. Напомним, как ход событий воссоздается у Иордана. Вторгнувшиеся в Крым через Керченский пролив в 375 г. гунны подчинили себе живших здесь готов. Готы остались на своей земле (*in eadem patria*). В дальнейшем гунны отнеслись беспечно к военным приготовлениям готов. И только впоследствии, когда Винитарий «двинул войско в пределы антов», гунны обеспокоились. Поход Винитария на антов вынудил Баламбера, предводителя гуннов, вмешаться в развитие событий. Он выступил против готов на стороне антов.

По свидетельству Иордана, борьба была жестокой и кровопролитной. «В первом и втором сражениях победил Винитарий. Едва ли кто в силах припомнить побоище, подобное тому, которое устроил Винитарий в войске гуннов. Но в третьем сражении, подойдя к реке по названию Эрак, когда они оба сблизились, пущенной стрелой Баламбер поразил в голову Винитария» (§ 248—249). Война кончилась поражением готов. «С тех пор (Баламбер. — *В. П.*) властвовал в мире над всем покоренным народом готов (*Gotorum populum subactum*), но, однако, так, что племенем готов управлял всегда собственный царек (*regulus*), хотя и по решению гуннов» (§ 249—250).

Нам неизвестно, какую реку имел в виду Иордан, назвавший р. Эрак. Поэтому мы не знаем, какой частью антской территории управляли Бож с сыновьями и те 70 старейшин, о которых упомянул Иордан. Мы не можем ничего сказать о движении готов в их войне с антами, как далеко продвинулись готы в их походе на антов, повел ли Винитарий свое войско на север вверх по Днепру или же он предпочел идти на запад по Бугу в направлении к Днестру. Реку Эрак Моммзен связывал с р. Фазис на Кавказе, Вернадский — с р. Тилигул, Скрижинская — с Днепром. Единственный известный нам топоним, отвечающий данному названию, — это Эракт, один из городов, названных Птолемеем на Днестре (Тире). Если это так, то готы, вторгнувшись в пределы антов, дошли до Днестра, где и были разбиты гуннами, поддержавшими антов.

2. К вопросу о гуннском нашествии. Тезис о гуннском нашествии и об уничтожении гуннами черняховской культуры на рубеже IV—V вв. получил общее признание. «Развитие мирной жизни в Северном Причерноморье было прервано гуннским нашествием. В 375 г. н. э. гуннские орды перешли Дон и под предводительством вождя Баламара разгромили „государство Германариха“. Гуннское нашествие оставило страшный след на территории Восточной Европы. Были разграблены и сожжены все поселения. Селища и большинство могильников черняховской культуры датируются II — концом IV в. н. э. Иначе говоря, их конец совпадает с нашествием гуннских орд»⁵.

Если полагаться на Иордана, то ни об истреблении готов в Крыму и разрушении Боспора-Пантикапея, как это утверждал Моммзен, ни тем более о разграблении и сожжении гуннами поселений антов и конце черняховской культуры в результате гуннского вторжения на рубеже IV—V вв. говорить не приходится. Можно думать, что гуннское вторжение ограничилось в 375 г. непосредственно Крымом, подчинением живших здесь готов. У нас нет ни малейших оснований говорить о продвижении гуннов в это время в Поднепровье или Побужье, связывать конец черняховской культуры с нападением гуннских орд и, таким образом, ограничивать существование черняховской культуры концом IV в. Условность этого тезиса совершенно очевидна. На антов нападали не гунны, а готы, и соответственно речь должна идти не о гуннском, а о готском нашествии на антов.

⁵ История СССР, т. I, 1966, стр. 311.

После войны с антами, в которой готы потерпели поражение, а их предводитель Винитарий был убит, положение готов в Крыму коренным образом изменилось. Если до войны Амаг Винитарий, сменивший Гермариха, по-прежнему удерживал наследственную власть, сохранял достоинство царя (гех'а), то после войны и гибели Винитария крымскими готами правили уже не гех, а *regulus*. Перед войной, подчиняясь гуннам, Винитарий сохранял самостоятельность. Он мог свободно готовиться к войне и двинуть войско в пределы антов. Его преемники были лишены подобной свободы действий. Круг их деятельности был сужен, самостоятельность ограничена. За ними был учрежден надзор. В своих предприятиях они должны были сообщаться с решениями гуннских администраторов. «Племенем готов всегда управлял его собственный царек, хотя и (соответственно) решению гуннов (*quamvis Hunnorum consilio*)», — сообщает Иордан (§ 250).

3. О могильниках крымских готов. Овладев Боспором и оттеснив готов в горную часть Крыма, но не вытеснив их отсюда, гунны осели в южной, прибрежной полосе Крымского полуострова. Это заставляет поставить вопрос о могильниках V—VI вв. на южном берегу Крыма, об этнической принадлежности этих важнейших археологических памятников данной эпохи, которые со времени их открытия принято называть готскими и приписывать их готам⁶.

Высказанный взгляд полностью разделяет В. И. Равдоникас: «Де-Бай ... считал Суук-Су безусловно готским некрополем ... Мнение де-Бая никем серьезно не оспаривалось и может считаться общепринятым»⁷. «Из этих некрополей лучше всего изучен Суук-Су и отчасти Узень-Баш», — пишет В. И. Равдоникас. «В Суук-Су раскопками Н. И. Репникова было вскрыто 200 могил, не разграбленных и содержащих в себе массовую культуру, которая сразу же была признана у нас и в Западной Европе за готскую»⁸.

Крымские могильники сочли готскими в момент их открытия. Отсюда ряд недосмотров и следовавших затем недоразумений. Достаточно в первую очередь обратить внимание на датировку. Могильники береговой и горной частей Крыма, керченский могильник на Госпитальной улице датируются тем же временем. Сошлемся на Равдоникаса. У него читаем: «Изучение некрополя Суук-Су показывает, что он содержит в себе могилы ... относящиеся к периоду с конца V или начала VI в.» «Склепы Эски-Кермена и Суук-Су относятся к VI—VIII вв.» «Известный некрополь со склепами ... на Госпитальной улице в Керчи датируется IV—V вв.» «Инventарь некрополей Суук-Су — Узень-Баша и Эски-Кермена увязывается ... с комплексом находок из склепов IV—V вв. на Госпитальной улице в Керчи»⁹.

Естественно возникает вопрос: если могильники на южном берегу Крыма датируются V—VI вв., то как они могут принадлежать готам? В это время готы были уже оттеснены в горы. Только при полном пренебрежении историческими источниками южное побережье Крыма в V в. н. э. могло быть названо «областью крымских готов», а могильники V—VI вв. на этой территории — готскими.

⁶ Н. И. Репников. Некоторые могильники области крымских готов. ИАК, вып. 19, 1906, стр. 1—80; Н. И. Репникова поддержал де-Бай. «Какому другому народу, кроме готов, можно приписать могильники, исследованные Репниковым на южном берегу Крыма?» — спрашивает де-Бай в своей известной статье «*Les tombeaux Goths en Crimée*». *Mémoires de la Société des Antiq de France*, t. 7, Paris, p. 72—114

⁷ В. И. Равдоникас. Пещерные города Крыма и готская проблема в связи со стадийным развитием Северного Причерноморья. Готский сборник. Изв. ГАИМК, т. XII. Л., 1932, стр. 36—37.

⁸ Там же, стр. 36.

⁹ Там же, стр. 37, 40, 41.

Признание южнокрымских некрополей V—VI вв. готскими находится в разительном противоречии с сообщениями Прокопия о территории, занятой гуннами в Крыму после их вторжения в 375 г. Гунны, перейдя через Керченский пролив, завладели южным побережьем Крыма от Керчи до Херсонеса. В своем сочинении «Война с готами» (IV, 5, 27) Прокопий, упомянув о «приморском городе по имени Боспор», сообщает: «Если идти из города Боспора в город Херсон, который лежит в приморской области и с давних пор тоже подчинен римлянам, то всю область между ними занимают варвары из племени гуннов»¹⁰. Это сообщение не является случайным. Оно повторено Прокопием еще раз в «Истории войн с персами»: «Лежащее между Херсоном и Боспором пространство занято гуннами» (XII, 31).

Оставаясь в пределах этих сообщений Прокопия, мы должны будем признать, что после вторжения в Крым гунны заняли все пространство полуострова в пределах от Керчи до Херсонеса¹¹.

Отсюда становится понятной датировка могильников в этой южной полосе Тавриды временем V—VI вв. и датировка тем же временем могильников в горных областях Крыма (Эски-Кермен, Чуфут-Кале, Мангут-Кале и пр.)¹².

Со сказанным не расходится то, что говорит Прокопий в сочинении «О постройках» (*De Aedificiis*) (560 г.). Здесь читаем: «10. Что касается городов Боспора и Херсона, которые являются приморскими городами на том же берегу (Эвксинского Понта) за Меотидским болотом, за таврами и тавро-скифами, и находятся на краю пределов римской державы, то, застав их стены в совершенно разрушенном состоянии, он (Юстиниан. — В. П.) сделал их замечательно красивыми и крепкими. 11. Он воздвиг там и два укрепления, так называемое Алушта и в Горзубитах. 12. Особенно он укрепил стенами Боспор; с давних времен этот город стал варварским и находился под властью гуннов; император вернул его под власть римлян»¹³.

Итак, с конца IV в. до Юстиниана (527—565) Боспором владели гунны. Что касается готов, то во времена Прокопия они занимали область Дори. О ней Прокопий сообщает: «13. Здесь же, на этом побережье есть страна по имени Дори, где с древних времен живут готы, которые не последовали за Теодорихом, направлявшимся в Италию. Они добровольно остались здесь и в мое еще время были в союзе с римлянами... 14. Они достигают численностью населения до 3 тысяч бойцов, в военном деле они превосходны и в земледелии, которым они занимаются собственными руками, они достаточно искусны. 15... Сама область Дори лежит на возвышенности...»¹⁴.

Де-Бай ошибся. Возникнув с конца IV в. и продолжая существовать в V—VI вв., могильники этого времени в Керчи и на южном берегу Крыма не могли принадлежать готам. Это не были готские могильники, как и данная область после гуннского вторжения в 375 г. не была областью крымских готов. Отличные земледельцы, готы жили на возвышенности Крымского плато. «15. Сама область Дори лежит на возвышенности, но она не камениста и не суха, напротив, земля очень хороша и приносит самые лучшие плоды. 16. В этой стране император не построил нигде ни города, ни крепости, так как эти люди не терпят быть

¹⁰ Прокопий. Война с готами. М., 1960, стр. 388.

¹¹ «В конце V в. гунны заняли равнинную часть полуострова или, как свидетельствует Прокопий для VI в., все пространство между Боспором и Херсоном. Боспор-Пантикапей, лежащий на самом проливе, должен был также перейти в руки гуннов». А. А. Васильев. Готы в Крыму. Изв. ГАИМК, т. V. Л., 1927, стр. 179.

¹² Возникновение Эски-Кермена восходит к V—VI вв. «Эски-Кермен... существовал уже не позднее VI века». В. И. Равдоникас. Указ. соч., стр. 35.

¹³ Прокопий. О постройках. ВДИ, 1939, № 4 (9), стр. 249.

¹⁴ Там же.

заклученными в каких бы то ни было стенах, но больше всего любили они жить всегда в полях»¹⁵.

Общепринятое в свое время мнение о готских могильниках в Южном Крыму в настоящее время критически пересматривается. Против него выступают Т. Хорватт (1935), Н. Феттих (1937), Д. Шаллани (1962)¹⁶.

4. Авары. Дулебы. Конец черняховской культуры. Письменные источники не подтверждают установившегося мнения о гуннском вторжении. Поэтому, возможно, правдоподобнее датировка черняховской культуры II—V вв., как это в 1901 г. предложил В. В. Хвойко. Впрочем, здесь возможны некоторые уточнения.

Если считаться с сообщениями Иордана, то в войне готов и антов гунны выступили на стороне последних. Анты не были разгромлены готами. В течение V—VI вв. мощь склавинов и антов всемерно укреплялась. Иордан в 551 г. и Прокопий в 550—554 гг. говорят об этом со всей определенностью. Единственное имеющееся в нашем распоряжении известие о разгроме антов относится к рубежу VI—VII вв. Это известие приведено у Феофилакта Симокатты и связано не с гуннами или готами, а с аварами, летописными обрами.

По свидетельству Феофилакта Симокатты, к концу правления императора Маврикия (582—602 гг.), во время аваро-византийской войны каган аваров послал своего военачальника Апсиха против антов с приказанием «уничтожить народ антов»: «Между тем каган, доведавшись о нападении ромеев, послал Апсиха с войсками, чтобы уничтожить народ антов, которые были в союзе с ромеями» (VIII, 5, 13).

Феофилакт жил во время императора Ираклия (610—641 гг.), и его сочинение, посвященное правлению императора Маврикия (582—602 гг.), не выходит за пределы 602 г. Тем самым известие о походе Апсиха против антов относится к концу VI в. или к самому началу VII в.¹⁷

Феофилакт не сообщает, чем закончился поход Апсиха, куда он направился и как далеко продвинулся на территории антов со своим кавалерийским корпусом, выполняя приказ кагана. По этому поводу высказывались самые разнообразные предположения и догадки.

С конца VI в. у византийских авторов больше уже не встречается упоминаний об антах. Мы ничего не смогли бы сказать об аваро-антской войне и аварском вторжении, если бы летописец не сообщил: «В си же времена быша и обри (иже) ходиша на Арзклия (Ираклия) царя и мало его не яша. Си же добре воеваху на словенех и примучиша дулебы, сущая словене, и насиле творяху женам дулепским»¹⁸.

Там, где обрывается текст у Феофилакта Симокатты, продолжает впоследствии летописец. Аваров летописец называет обрами. Вместо антов он говорит о дулебах. По сообщению летописца, дулебы, «сущая словене», которых «примучили» авары-обры, «живяху по Бугу, где ныне Вельняне». «Бужане, зане седоша по Бугу, послезе Вельняне»¹⁹.

Двигаясь с Балкан, от Дуная, авары-обры достигли верховьев Буга—Днестра, области, где в это время жили дулебы. Нам не известно, как

¹⁵ Прокопий. О постройках, стр. 249.

¹⁶ Обозначение могильника в Суук-Су как готского Д. Шаллани ставит в кавычки. Он опровергает подобное этническое определение этого могильника. По его мнению, «в крымском готском» могильнике в Суук-Су нет ни одного мужского погребения, которое можно было бы определить как германское. На основании инвентаря женских погребений нельзя построить «крымской готской культуры». Тем самым с полным правом ставится вопрос, существовала ли вообще самостоятельная «крымская готская» культура? Ошибочным является относить 93 погребения из Суук-Су к «крымской готской» культуре.

¹⁷ Е. Ч. С к р ж и н с к а я. О склавенах и антах, Мурсианском озере и Новистуне. «Византийский временник», т. XII, М., 1957, стр. 30.

¹⁸ ПСРЛ, I, стр. 11—12.

¹⁹ Там же, стр. 11—13.

долго авары пробывали в земле дулебов, была ли это кратковременная остановка, чтобы дать войскам отдохнуть перед тем, как двинуться дальше на запад, или же речь идет о длительном господстве аваров над славянами. У Аписиха был определенный приказ: уничтожить антов, истреблять их огнем и мечом, жечь и убивать. Следует полагать, что он выполнил этот приказ. Во всяком случае византийские авторы с начала VII в не упоминают об антах. Летописец также не знает антов. О том же свидетельствуют археологические источники. Для VII—VIII вв. памятники черняховской области Поднепровья-Поднестровья не характерны²⁰.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА В. П. ПЕТРОВА

Э. А. Сымонович сказал, что утверждения В. П. Петрова о готах в Крыму только отчасти совпадают с наблюдениями Е. В. Ваймарна. Последний пришел к выводу, что памятники предгорий Крыма никоим образом, согласно письменным источникам, не могут быть связаны с готами.

Е. В. Махно, высоко оценивая доклад, заявила, что поддерживает заключение о переоценке роли гуннов, как делает, например, В. В. Кропоткин и др. Называя племена предгорий Крыма гуннами, Прокопий Кесарийский тем самым дает основания думать, что ведущей силой в полчищах гуннов, может быть, являлись сарматские племена.

А. Т. Смиленко говорила о необходимости серьезно обдумать все положения доклада В. П. Петрова. Хотя какой-то период славяне-анты и были в союзе с гуннами, но, очевидно, что в 70 г. IV в. н. э. им был нанесен сильный удар. Одно время антов увязывали только с черняховской культурой, а сейчас — с памятниками типа Пеньковки VI—VII в. По письменным источникам выходит, что в IV в. н. э. анты воюют с готами, в конце IV в. н. э. они существуют; в начале VI в. н. э. — их расцвет и в середине VI в. н. э., по-видимому, значительная часть населения из областей Среднего Поднепровья уходит на Балканы. С середины VI в. н. э. анты испытывают удары аварских орд, и есть сведения древних авторов о бедственном положении антов. По-видимому, какой-то упадок был в конце VI в. н. э. и наиболее активная и организованная часть антов ушла на Балканы. С VII в. н. э. создается что-то новое. Здесь необходимо тщательное археологическое сравнение культурных явлений IV и VI вв. н. э.

²⁰ «Черняховская культура как чисто археологическое явление не имела прямого продолжения... Материальная культура „бесчисленных племен антов“ приобрела совершенно иной, более примитивный облик». МИА, № 82, 1960, стр. 6.

Э. А. РИКМАН

О ФРАКИЙСКОМ ЭЛЕМЕНТЕ В ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЕ ДНЕСТРОВСКО-ДУНАЙСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ

(тезисы доклада)

1. В советской исторической литературе (П. Н. Третьяков, М. А. Тиханова, Г. Б. Федоров, М. И. Артамонов) сложилось устойчивое мнение, что фракийцы были в числе носителей черняховской культуры Днестровско-Дунайского или Днестровско-Прутского междуречья.

2. В румынской науке господствовало мнение, что носителями черняховской культуры карпато-дунайских земель были по преимуществу германские племена (готы, тайфалы и т. д.). Это мнение не обосновано археологическим материалом, а опирается на общеисторические взгляды. В последние годы румынские авторы пытаются определить локальные особенности памятников черняховской культуры карпато-дунайских земель и выявить в них фракийский элемент (в лепной посуде, погребальном обряде и т. д.).

3. Высказанные некоторыми советскими и румынскими учеными взгляды на фракийцев как на носителей черняховской культуры находят опору в письменных источниках, упоминающих северных фракийцев в период, примерно соответствующий времени существования черняховской культуры, от рубежа до IV в. н. э. в районах, простирающихся от Дуная до Днестра и далее на восток. Особое значение имеют известия Птолема о тирагетах-сарматах и карпах. Важно упоминание Аммианом Марцеллином (IV в.) карпов на Нижнем Дунае. Большое значение имеют данные Певтингеровых таблиц, восходящие ко II—IV вв. н. э., на которых в карпато-дунайско-днестровских землях вместе с гепидами и венедами показаны геты и даки.

4. Между культурами карпо-дакийской типа Поянешть и последующей черняховской имеются сходные черты (в топографии поселений, характере культурного слоя, погребальном ритуале, ряде категорий вещей) — свидетельства генетической преемственности. Черняховская культура утратила ряд особенностей, характерных для культуры типа Поянешть, и приобрела черты, не наблюдающиеся в последней.

5. Фракийские субстратные черты проступают даже на крайней восточной части рассматриваемой территории в погребальном обряде и керамике из могильника черняховского типа Будешты, где применялись урны, накрытые специальными крышками, что наблюдается также в карпо-дакийских могильниках типа Поянешть. В могильнике Будешты найдено также несколько сосудов позднефракийского характера.

6. Таким образом, существующая в историографии тенденция считать, что северные фракийцы входили в число носителей черняховской культуры нижнего междуречья Дуная и Днестра, имеет основание.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Э. А. РИКМАНА

Е. В. Махно отмечает, что молдавские памятники, по ее мнению, ближе к центральному району распространения черняховской культуры, чем к верхнеднестровскому и волинскому ее вариантам, но действительно содержат некоторую примесь гето-дакийских элементов.

М. Ю. Смишко, рассматривая вопрос о возможности формирования черняховских племен на основании фракийской культуры, приводит мнение Г. Диакону, который утверждает возможность создания культуры на основе пшеворских и липицких элементов. Пшеворские элементы в черняховской культуре имеются, но следов липицкой культуры пока нет. Фракийские элементы в черняховской культуре есть, но не более. Черняховская культура создана населением, состоявшим из родственных племен, и ее главными носителями были славяне. С этим выводом согласуются сведения письменных источников. Следует учитывать исторические условия, в которых шло развитие черняховских племен.

Э. А. Симонович отметил, что докладчик не всегда правомерно переносит географические сведения Птолемея и других авторов на поздний период. На основании скудных археологических данных, порой не вполне достоверно могущих быть связанными с гето-фракийскими племенами, делать выводы о генетической преемственности невозможно. Здесь следы контактов, ассимиляции, не изменили существенным образом облик черняховской культуры. При сравнении материалов поселений невозможно пренебречь показательными и специфическими деталями построек, поскольку общие моменты ничего не могут доказать в плане этнических связей (наличие обмазки и кладки из камней; находки очагов, пряслиц, точильных брусков и т. д.). Вопрос о вкладе липицкой культуры в создание черняховской требует большой осторожности.

М. А. Тиханова поддержала вывод Э. А. Рикмана, что в состав черняховской культуры междуречья Прута и Днестра входили фракийские племена. Однако неясно, входило ли фракийское население в состав создателей этой культуры. Для решения вопроса о вкладе фракийских племен надо черняховские датированные комплексы сопоставить с дакийскими и сарматскими памятниками.

В заключительном выступлении докладчик коснулся вопроса о значении липицкой культуры в генезисе черняховских древностей. Для Нижнего Поднестровья сравнивать обе культуры актуально и правильно. Также надо сопоставить черняховские памятники с памятниками типа Поянешть, так как важно понять роль местных племен в формировании черняховской культуры. Всю черняховскую культуру вывести извне, как делает Ю. В. Кухаренко, невозможно. Извне были привнесены только отдельные элементы. Э. А. Симонович напрасно упрекает нас в недостаточной осторожности в использовании письменных источников. Учтено все, что относится к первой половине I тысячелетия н. э., в том числе и ранние сведения. В черняховской культуре II—IV вв. н. э. мало славянских черт, а по данным письменных источников, рядом обитали и германцы, и вены, и фракийские племена.

А. Т. С М И Л Е Н К О

К ХРОНОЛОГИИ ГОНЧАРНОЙ КЕРАМИКИ
ЧЕРНЯХОВСКОГО ТИПА

Керамика черняховской культуры неоднократно привлекала внимание ученых, тем не менее до сих пор она не изучена еще всесторонне. Настоящее сообщение представляет собой попытку проследить хронологию и эволюцию четырех типов кружальной черняховской посуды.

1. Кухонные округлобокие горшки — один из наиболее характерных и распространенных типов гончарной черняховской керамики (рис. 18, 4, 7, 10, 13, 15). Дно сосуда ровное или на небольшой подставке, венчик большей частью отогнут, иногда прямой, поверхность шероховатая. Орнаментация обычно отсутствует, лишь иногда на плечиках встречается узор из бороздок или волнистых линий. Изготавливались сосуды из серой неотмученной или плохо отмученной глины.

В дочерняховский период округлобокая форма горшка существовала в керамике зарубинецкой культуры Среднего Поднепровья (рис. 18, 1)¹ и липецкой культуры Верхнего Поднестровья. Форма эта известна также в керамике латенской культуры Средней Европы (рис. 18, 2)². Но в названных культурах форма эта не была основной, а сосуды этой формы отличаются от черняховских особенностями технологии и обработки поверхности. В период сложения черняховской культуры в сравнительно короткое время в Среднем Поднепровье и Поднестровье одновременно с широким распространением гончарного круга и обжигательных гончарных горнов прочно входит в быт населения сероглиняный кружальный округлобокий горшок, ставший основным типом кухонной керамики. Производство подобных горшков распространяется также в дунайских римских провинциях, в частности в первой половине и середине II в. н. э. в Паннонии в г. Аквинкуме³ (рис. 18, 3, 9), а в III в. н. э. в области Верхней Вислы. Бытовал этот тип сосудов в первые века н. э. и в Ольвии (рис. 18, 12)⁴.

К числу наиболее ранних находок этого типа сосудов в черняховских комплексах может быть отнесена кичкасская. У с. Кичкас в Надпорожье в 1928 г. С. С. Гамченко были открыты в насыпи кургана эпохи бронзы три впускных погребения черняховской поры, можно думать почти одновременно. В одном из них найдена бронзовая глазчатая фибула

¹ Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура. САИ, вып. Д1—19, 1964, стр. 24—26, табл. 4, 5, 13, 23.

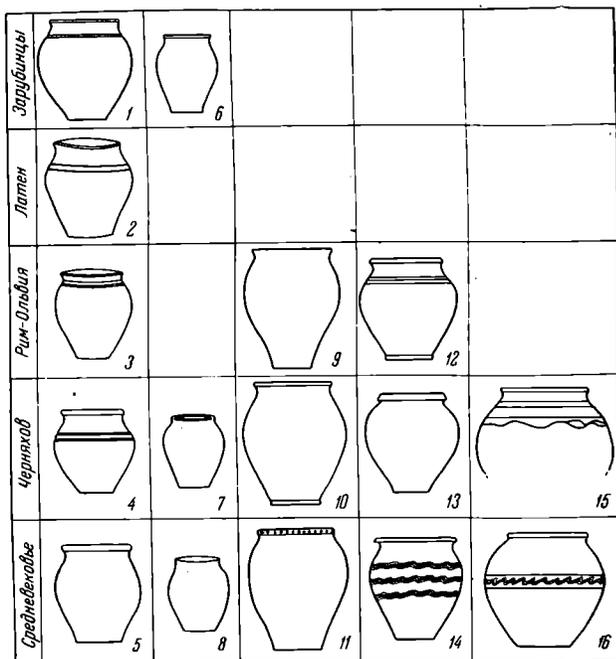
² B. Benadik, E. Vlček, C. Ambros. Keltské pohrebiská na Juhozápadnom Slovensku. Bratislava, 1957, стр. 59—60, табл. XXII, 15.

³ Sz. K. Pócsy. Die Töpferwerkstätten von Aquincum. Acta archaeologica, t. VII, F. I. Budapest, 1956, стр. 102—108, рис. 8—11, табл. VII, 1, 5, 10—13, 15, 21.

⁴ Фонды Киевского Исторического музея, инв. № 65—382.

Рис. 18. Округлобокие горшки в культурах конца I тысячелетия до н. в. — I тысячелетия н. в.

1 — Корчеватое; 2 — Гурбаново; 3 — Аквинкум; 4 — Маслово; 5 — Лука-Райковецкая; 6 — Велемичи; 7 — Кичкас; 8 — Самчинцы; 9 — Аквинкум; 10 — Черняхов; 11 — Пельковва-Дуг I; 12 — Ольвия; 13 — Лохвица; 14 — Плеснеск; 15 — Лески; 16 — Пастырское

II в. н. э., в другом — обломки серолощеного сосуда, в третьем — кружалый округлобкий горшок с буровато-черной лощеной поверхностью, сохраняющий в форме черты зарубинецкой керамики (рис. 18, 7)⁵. В 30 км к северу от этой находки на поселении II—III вв. н. э. открыт гончарный горн, в котором обжигалась характерная черняховская сероглиняная керамика, в том числе кружалые округлобокие горшки⁶.

Черняховские кружалые округлобокие горшки с серой шероховатой поверхностью имеют две разновидности с точки зрения технологии и деталей формы. Сосуды первой разновидности довольно толстостенны, с крупными примесями в глине, венчики их имеют слабо выраженный профиль, плечики иногда украшены бороздками или рельефным валиком. Сосуды второй разновидности более тонкостенны, примеси в глине у них мельче, венчики профилированы сложнее, плечики обильнее орнаментированы бороздками и волной. В литературе высказывалось предположение о том, что горшки второй разновидности представляют поздний тип⁷. Предположение это подтверждается новыми материалами. Приведу некоторые примеры.

Памятники Надпорожья, относимые обычно к ранней и развитой поре черняховской культуры, за небольшими исключениями не содержат горшков второй разновидности. В Черняховском могильнике, который обычно относят к развитой поре черняховской культуры, отмечая при этом и наличие в нем ранних материалов, всего было найдено

⁵ С. С. Гамченко. Мої археологічні дослідження року 1928 на Дніпрельстані. Архив ИА АН УССР, ф. А. Г., д. 88, стр. 42—50, табл. IV, 10; А. Т. Сміленко. Поховання в с. Кічкас (в печаті).

⁶ А. Т. Брайтчевская. Черняховские памятники Надпорожья. МИА, № 82, 1960, стр. 162—163; Э. А. Симонович. К вопросу о раннечерняховских поселениях культуры полей погребений. СА, 1958, № 1, стр. 249.

⁷ М. Смішко. Звіт про дослідження селища періоду «полів поховань» в Неслахові в 1946 р. АП УРСР, т. I. Київ, 1949, стр. 202—204; Є. В. Махно. Ягнитинська археологічна експедиція, т. III. Київ, 1952, стр. 156—159.

137 горшков⁸. Сейчас в Киевском историческом музее сохранилось до семи десятков целых горшков. Из них сосудов второй разновидности насчитывается около десятка и некоторое количество в обломках. Остальные горшки относятся к первой разновидности и их вариантам. Большой процент горшков второй разновидности (не менее половины) известен в Косановском могильнике (Побужье), датированном от конца III по V в. н. э.⁹

Значительный процент составляют горшки второй разновидности в керамическом материале поселения в с. Лески (точно установить соотношение керамических типов трудно из-за фрагментарности материала). Они нередко имеют здесь сильно округлобокую, почти шаровидную форму (рис. 18, 15), усложненную профилировку венчиков, черный, красноватый или беловатый обжиг. Плечики сосудов украшены одной — шестью бороздками и волной. Черняховская керамика сочетается на поселении с отдельными находками средневекового времени: обломками лепных биконических горшков пеньковского типа, сковородками, котлами с внутренним ушком, кружальными сосудами с вертикальными пролощенными полосами. Это дает основание считать, что поселение в с. Лески доживает до середины I тысячелетия н. э.¹⁰

Известной аналогией керамическому комплексу Лесок могут служить материалы памятников Румынии типа Ипотешти—Чурел—Кындешти. В керамический комплекс этих памятников входят кружальные, сильно округлобокие горшки, орнаментированные в верхней части 3—6 бороздками или волнистыми линиями, с венчиками, имеющими часто сложную профилировку, а также лепные сосуды, в частности славянского (пражского) типа, сковородки. Датируются эти памятники византийскими монетами и другими находками (пальчатые фибулы) V—VII вв. н. э.¹¹

В период VI—IX вв. н. э. форма округлобокого горшка продолжает существовать на юго-востоке Европы в славянской лепной (рис. 18, 5, 8, 11)¹² и гончарной (рис. 18, 14) керамике¹³, а также кружальной пастырского (рис. 18, 16)¹⁴ и салтовского типов. Эти средневековые типы сосудов отличаются от черняховских размерами, отдельными деталями формы, технологическими особенностями, орнаментацией.

Рассмотренные ниже три типа сосудов относятся к группе столовой посуды.

2. Биконические миски большей частью с отогнутым венчиком на кольцевой ножке изготовлены из отмученной глины с серой или черной лощеной поверхностью. Лепные ребристые миски известны в керамике зарубинецкой культуры (рис. 19, 1)¹⁵, в пшеворской керамике, в частности на территории западных областей УССР. Кружальные миски биконической формы встречаются в латенской культуре (рис. 19, 3)¹⁶. Сле-

⁸ В. П. Петров. Черняховский могильник. МИА, № 116, 1964, стр. 88.

⁹ Н. М. Кравченко. Косановский могильник. МИА, № 139, 1967, стр. 114.

¹⁰ А. Т. Смиленко, М. Ю. Брайчевский. Черняховское поселение в селе Лески близ города Черкассы. МИА, № 139, 1967, стр. 60.

¹¹ V. Teodorescu. Despre cultura Ipotesti-Cindesti in lumina cercetarilor arheologice din nord-estul Muntenien. SCIV, 4, t. XV, 1964; M. Constantiniu. Elemente romano-bizantine in cultura materiala a populatiei autohtone din partea centrala a Munteniei in sec. VI—VII e. n. SCIV, 4, t. XVII, 1966.

¹² Д. Т. Березовец. Поселения улочей на р. Тясмине. МИА, № 108, 1963, стр. 161, рис. 9, 1; В. П. Петров. Стецовка, поселение третьей четверти I тысячелетия н. э. МИА, № 108, 1963, стр. 222, рис. 8, 2; В. К. Гончаров. Лука-Райковецкая. МИА, № 108, 1963, стр. 298, рис. 7, 1; В. Д. Баран. Раннеславянское поселение у с. Рипнева (Рипнев II) на Западном Буге. МИА, № 108, 1963, стр. 360, рис. 7, 5.

¹³ М. П. Кучера. Гончарная керамика дофеодалного времени из раскопок дрезнего Плеснеска. СА, 1962, № 1, стр. 292, рис. 1, 2.

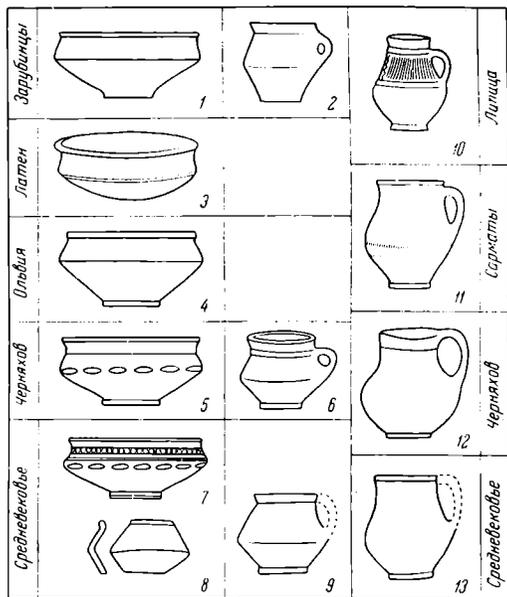
¹⁴ М. Ю. Брайчевский. Нові розкопки на Пастирському городищі АП УРСР, т. V. Київ, 1955, стр. 73—75, рис. 5.

¹⁵ Ю. В. Кухаренко. Указ. соч., стр. 28, табл. 6, 23—42.

¹⁶ В. В. Benadik, E. Vlcek, C. Ambros. Указ. соч., стр. 114, табл. XLII, 7.

Рис. 19. Биконические миски и кувшины (кружки) и округлобокие кувшины в культурах конца I тысячелетия до н. э. — I тысячелетия н. э.

1 — Чаплин; 2 — Зарубинцы; 3 — Каменин; 4 — Ольвия; 5 — Маслово; 6 — Черняхов; 7 — Корчак; 8 — Волоское; 9 — Пастырское; 10 — липидке памятники; 11 — Боканы; 12 — Раковец-Чесинский; 13 — Пастырское

дует также учитывать находки обломков сероглиняной керамики с пролощенным орнаментом в замкнутых комплексах (ямах) I — начала II в. н. э. Ольвии¹⁷, а также сосудов, близких черняховским, в слоях первых веков н. э. Ольвии (рис. 19, 4) и Тире¹⁸.

Биконические сероглиняные миски широко изготавливались черняховцами на протяжении всего периода черняховской культуры (рис. 19, 5). В развитую пору черняховской культуры миски отличаются высоким качеством изготовления, хорошим лощением. В поздних керамических комплексах (типа Лесков) наряду с лощеными образцами встречаются миски с гладкой или шероховатой поверхностью. Этот тип сосудов выходит за хронологические рамки существования черняховской культуры. На памятниках VI—VII вв. н. э. было найдено некоторое количество сероглиняной кружальной керамики, однако эти находки обычно рассматривают как случайные либо относят к салтовскому кругу памятников. Ниже упомяну лишь те из них, которые авторы нашли возможным связывать с поздними комплексами¹⁹.

В одном из курганов с. Корчак была найдена кружальная биконическая миска с кольцевой ножкой и отогнутым венчиком. Изготовлена она из отмученной глины, имеет лощеную желтовато-серую поверхность. По излому бочка украшена овальными срезами, выше которых проходит рельефный валик, а еще выше — шероховатая полоска, украшенная пролощенной косой сеткой (рис. 19, 7)²⁰.

¹⁷ Ольвия. Теменос и агора. М.—Л., 1964, стр. 17—18, рис. 15.

¹⁸ Фонды Киевского Исторического музея, инв. № Б4—59.

¹⁹ П. И. Хавлюк связывает найденные на южнобужских поселениях (Семенки, остров Мытковский, Кисляк и др.) обломки сероглиняной керамики, напоминающей черняховскую, с лепными славянскими комплексами (П. И. Хавлюк. Раннеславянские поселения Семенки и Самчинцы в среднем течении Южного Буга. МИА, № 108, 1963, стр. 340—342; рис. 15, 19). Однако фрагментарность этих образцов не позволяет признать в них типичные черняховские формы.

²⁰ С. С. Гамченко. Пятилетие археологических исследований на Воляни. Житомир, 1925. Архив ИА АН УССР, ф. А. Г., д. 45, стр. 81—82; Е. В. Махно. Памятники культуры погребений в міжріччі Рось—Тетерів. Київ, 1949, Архив ИА АН УССР, стр. 326; В. П. Петров. Памятники корчакского типа. МИА, № 108, 1963, стр. 29, 37. В статьях Ю. В. Кухаренко, И. П. Русановой, И. С. Вл-

В 1952—1953 гг. у с. Волосского в Надпорожье А. В. Бодянским и Днепрогэсовской экспедицией ИА АН УССР на размытом поселении VI—VII вв. н. э. обнаружены следы очагов, жилищ и отдельные находки. В числе их характерные металлические украшения, лепные биконические горшки, обломки сковородок. Лепной керамике сопутствовало некоторое количество кружальной сероглиняной черняховской: обломки полусферического кубка, биконических мисок (один из них принадлежал миске из плохо отмученной глины с матовой поверхностью, рис. 19, 8), сосуд с черной поверхностью, украшенный каннелюрами и штампом. Последний найден у очага. По мнению А. В. Бодянского, эти обломки были связаны со слоем поселения²¹.

На Пастырском городище, средневековый слой которого датирован многочисленными металлическими украшениями VI—VIII в. н. э., в заполнении полуземлянки № 11 обнаружена нижняя часть кружальной миски на кольцевой ножке, с черной лощеной поверхностью, которая, судя по линии стенок, имела биконическую форму (встречающиеся иногда в салтовской культуре миски обычно округлобоки). Жилище датируется серебряными сережками с гроздевидными подвесками VII—VIII вв. н. э., найденными в развале печи, на земляной лежанке у стенки находился горшок средневекового типа, украшенный линейным орнаментом²².

3. Одноручные кувшины-кружки с биконическим бочком, почти невыраженным горлом и отогнутым венчиком, большей частью на кольцевой ножке. В дочерняховское время эта форма известна в лепной керамике зарубинецкой культуры (рис. 19, 2)²³, в кружальной фракийской керамике, ольвийской от архаического до римского времени. Довольно широко распространена она в черняховских памятниках (Черняхов, рис. 20, 6; Маслово и др.). Как и биконическая миска, эта форма выходит за хронологические рамки существования черняховской культуры, однако неизвестна в салтовских памятниках. Подобной формы кувшин (сероглиняный кружальный с гладкой поверхностью) найден на Пастырском городище в сгоревшей полуземлянке № 16 (рис. 19, 9)²⁴. В этом жилище найдены и четыре горшка средневекового типа. Один горшок находился в яме, остальные горшки и кувшин — у стен; по-видимому, во время пожара они стояли на лежанках.

4. Одноручные округлобокие кувшины с низким широким горлом на кольцевой ножке. Эта форма известна начиная с архаической эпохи в Ольвии, в липицких памятниках (рис. 19, 10), в сарматских памятниках Молдавии, имеющих черты черняховской культуры (рис. 19, 11)²⁵. В черняховской культуре подобные кувшины происходят из Раковецкого могильника (рис. 19, 12)²⁶ Коровинец. На Пастырском городище аналогичный кувшин найден в завале печи производственного назначения

нокура миска упоминается как находка из Катериновки (ошибочно). В действительности в Катериновке, наряду с бескурганными погребениями корчакского типа было найдено местными жителями много посуды, битой и целой, черняховского типа (миски, горшки, кубки, кружки), возможно, остатки погребения (С. С. Гамченко. Указ. соч., стр. 82; В. П. Петров. Памятники корчакского типа, стр. 29, 37).

²¹ А. В. Бодянский. Отчет о разведках в Надпорожье в 1952 г. Архив ИА АН УССР, стр. 44—50, табл. VIII, 56—57; он же. Отчет о разведках в Надпорожье в 1953 г. Архив ИА АН УССР, стр. 64—67, табл. XVI, 4, 9.

²² М. Ю. Брайчевский. Отчет о работе раннеславянской экспедиции ИА АН УССР в 1955 г. Архив ИА АН УССР, стр. 28, табл. XXVI, 4.

²³ В. П. Петров. Зарубинецкий могильник. МИА, № 70, 1959, стр. 38, рис. 1, 7.

²⁴ М. Ю. Брайчевский. Отчет..., стр. 33, табл. XXIV, 8.

²⁵ Г. Б. Федоров. К вопросу о сарматской культуре в Молдавии. Изв. Молд. фил. АН СССР, № 4 (31). Кишинев, 1956, стр. 62—63.

²⁶ И. С. Винокур, М. И. Островский. Раковецкий могильник. МИА, № 139, 1967, стр. 152, рис. 13, 1.

(рис. 19, 13)²⁷. Из этого же завала и предплечной ямы происходят один целый горшок и обломки сосудов средневекового типа.

Изложенные факты приводят к следующим выводам. Рассмотренные четыре типа сероглиняной кружальной черняховской керамики имеют предшественников в форме в культурах предыдущей эпохи как местных, так и смежных. Эти формы продолжают существовать в послечерняховское время в лепной и кружальной керамике раннесредневекового времени. Несмотря на общий упадок гончарного ремесла в это время, гончарный круг в Среднем Поднепровье полностью не исчезает. Вероятно, сохранились отдельные центры, где изготовлялась кружальная керамика (например, поселение с развитыми ремеслами в Пастырском). Не вся средневековая сероглиняная керамика может быть отнесена к салтовскому типу. Некоторые ее образцы восходят к черняховским сосудам. Это свидетельствует о том, что черняховская культура не исчезла бесследно в конце IV в. н. э., некоторые ее традиции сохраняются в археологических культурах раннего средневековья.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА А. Т. СМИЛЕНКО

Б. А. Рыбаков высказал сожаление, что таблицы показывались по частям. Нужны общая таблица и карта. Неясно, какие типы близки или далеки друг от друга. Работу в намеченном докладчиком направлении непременно следует продолжить.

По мнению Э. А. Сымоновича, две мысли А. Т. Смиленко особенно должны быть отмечены, хотя и требуют дополнительной проверки: 1) об оксывских формах и связи их с поздними черняховскими комплексами Поднепровья; 2) о гончарной керамике черняховского типа, имеющей продолжение не в салтовских, а в иных формах на славянских памятниках.

Д. Т. Березовец считает невозможным такое положение, когда на 10, например, поселениях пользовались лепной керамикой, а на 11-м гончарной. Гончар изготавливает столько посуды, сколько могут купить ее. Однако вполне возможны такие памятники, где наряду с лепной посудой есть и гончарная керамика, которой пользовалась верхушка общества.

---

²⁷ М. Ю. Браичевский. Отчет ..., стр. 10, табл. XXIV, 9.

Э. А. СИМОНОВИЧ

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ПАМЯТНИКОВ КУЛЬТУРЫ ПОЛЕЙ ПОГРЕБЕНИЙ
ПОСЛЕ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Необходимость подвести итоги и наметить перспективы в области изучения черняховских памятников заставила поставить на совещании историографический доклад. Ограничение темы послеоктябрьским периодом вполне оправдано не только требованиями нового методологического и принципиально иного подхода к историографии по сравнению с дореволюционным периодом, но и неоспоримым прогрессом и масштабами исследований памятников культуры полей погребений после Великого Октября.

О дореволюционной истории открытий первых памятников и спорах об их этнических отнесениях достаточно подробно сообщено В. П. Петровым при публикации им материалов из Черняховского могильника¹. Им ярко описаны первые выводы В. В. Хвойко, обнаружившего культуру полей погребальных урн. В. П. Петров противопоставляет автохтонистской теории происхождения славян В. В. Хвойко уже тогда выглядевшие архаично представления Н. Ф. Беляшевского о смене культур в результате влияний активных творческих культур на пассивные и отсталые.

История открытий черняховских памятников К. Гадачком и В. Ковачем достаточно хорошо изложена в книге М. Ю. Брайчевского «Біля джерел слов'янської державності»².

Не менее подробно охарактеризованы в археологической литературе ранние периоды истории исследований предшествующих черняховским памятников культуры полей погребений зарубинецкого типа³.

Однако в ряде современных работ, возможно по причине возросшего объема материалов, появилась тенденция сводить историю исследований к перечню археологических фактов или перечню мнений, не рассматривая обоснований, на которых они зиждутся. В качестве примера, пожалуй, возможно привести книгу Ю. В. Кухаренко «Зарубинецкая культура»⁴.

Из-за кажущейся объективности подобного изложения может создаться у читателя представление о равноценной обоснованности всех взаимоисключающих точек зрения и о невозможности прийти к истине. Не такое ли изложение археологических достижений создало представ-

¹ В. П. Петров. Черняховский могильник. МИА, № 116, 1964, стр. 56—61.

² М. Ю. Брайчевський. Біля джерел слов'янської державності. Київ, 1964, стр. 11—13.

³ См. МИА, № 70, 1959.

⁴ Ю. В. Кухаренко. Зарубинецкая культура. САИ, вып. Д 1—19, 1964, стр. 6—8.

ление у специалистов в ряде смежных дисциплин, как, например, у лингвиста Ф. П. Филина, о невозможности использовать археологические данные для решения этногенетических вопросов⁵ и обратное отношение к тем же лингвистам у археологов. Целенаправленная историография по данному вопросу в области археологии, выделяющая основные направления науки и оценивающая во всех отношениях обоснованность тех или иных положений и стоящих за ними доказательств, должна положить конец подобному роду односторонности.

Положительный пример историографии по одному из вопросов черняховской проблематики мы усматриваем в работе М. Ю. Смишко, посвященной анализу мнений о германской принадлежности культуры полей погребений в работах зарубежных ученых, кстати, всегда фигурировавших на Западе без противопоставления зарубинецких памятников черняховским⁶. Высказав эту точку зрения на предыдущем совещании по проблемам черняховской культуры, М. Ю. Смишко показал отсутствие каких-либо веских обоснований для возникшей вслед за автохтонистской теорией В. В. Хвойко концепции о германской принадлежности памятников черняховской культуры. Своей историографической работой М. Ю. Смишко показал, что указанная тенденциозная теория или должна быть заново доказана и подкреплена фактами, или же она не имеет права на существование. Странники мнений некоторых западных ученых так и не привели в последнее десятилетие сколько-нибудь весомых археологических фактов, кроме общих соображений, отдельных экскурсов и подыскания аналогий на Западе отдельным вещам в пользу миграционистской теории возникновения культуры полей погребений.

Историографическая характеристика черняховской культуры, как и всякой другой культуры, имеет три взаимодополняющих аспекта:

1. История раскопок и масштабы исследованности того или иного памятника или района.
2. Степень и сроки опубликования материала и, следовательно, введение его в широкий научный оборот.
3. Теоретическое осмысление и итоговые исторические построения.

Естественно, что первые два момента в основном и обеспечивают надежность и основательность исторических построений.

Рассмотрение истории отечественных исследований в советский период должно быть начато с 20—30-х годов, т. е. с того времени, которое характеризуется размахом полевых исследований в целях накопления материала, хотя и не столь широким, как впоследствии. Работы этих лет расширили наши представления о памятниках черняховского типа. Существенно увеличилось число памятников и территория их распространения по сравнению с временами В. В. Хвойко, которому было известно только 14 пунктов находок, расположенных в Среднем Поднепровье.

Раскопки М. Я. Рудинского в 1924 г. на Левобережье — на Полтавщине у с. Кантемировка дали неожиданные, до сих пор остающиеся обособленными подкурганные захоронения с некоторыми особенностями и вещами черняховского типа⁷. Наряду с этими работами на Левобережье Днепра в Северной Украине у с. Гурбицны и на востоке у с. Пересечного были исследованы могильники по всем признакам обычного для черняховской

⁵ Ф. П. Филин. Образование языка восточных славян. М., 1962, стр. 75.

⁶ М. Ю. Смишко. Відносно концепції про германську належність культури полів поховань. МДАПВ, вип. 3. Київ, 1961, стр. 59—76.

⁷ Характеристика основных открытых на Украине памятников приведена в сб. «Археология УРСР» (т. III. Київ, в печати), а также см. Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР. МИА, № 82, 1960, стр. 9—83; Э. А. Симонович. Северная граница памятников черняховской культуры. МИА, № 116, 1964, стр. 7—23; И. И. Ляпушкин. Днепровское лесостепное левобережье в эпоху железа. МИА, № 104, 1961, стр. 159—180.

культуры типа (Н. Макаренко, И. Луцкевич). В Черкасской области на притоках Южного Буга на большой площади был исследован Масловский могильник (С. Гамченко, П. Смоличевым), давший более 120 погребений, а в Среднем Поднепровье у с. Дедовщина близ г. Фастова были произведены работы, где наряду с захоронениями по обряду труположения (19 погребений) изучалось поселение с углубленными в землю постройками. Южнее, в зоне затопления ДнепрогЭС, благодаря работам Днепро-строевской экспедиции удалось составить представление о специфике тамошних черняховских могильников по материалам раскопок в с. Привольном (29 погребений) и по другим памятникам. Тогда же были изучены господствовавшие, по-видимому, на надпорожских селищах углубленные в землю постройки типа открытых на относящемся к могильнику поселении в Привольном и при раскопках возле с. Никольского.

Перед самой войной К. А. Раевским было довольно широко изучено причерноморское поселение в Кисёлове под Одессой с каменными многокамерными постройками, которое, как выяснилось впоследствии, исследователь правильно определил как черняховское, как и Ингулецкие подобные же поселения, раскопанные А. В. Добровольским в 20-х годах.

Раскопки, начатые после окончания Великой Отечественной войны, явились самыми крупномасштабными во всей истории изучения черняховской культуры. Вследствие этого мы можем упомянуть только главные, например раскопки целиком древних кладбищ, первым из которых явился могильник у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днестре (96 погребений)⁸, вторым — Будештский могильник в Молдавии (362 погребения)⁹ и поднепровские могильники в Журавке (125 погребений)¹⁰ и в Компанийцах (485 погребений)¹¹. Кроме того, работы меньших объемов производились на других могильниках разных областей Поднепровья, таких, как Переяслав-Хмельницкий, Лохвица, Черняхов, Каменка-Днепровская; на Волини — в Раковцах и в Подолии — Ружичанка, Вила-Яруская и др. Новыми для Побужья явились работы на могильниках в Даниловой Балке, Косанове и Рыжевке, а на Пруте — в Молдавии в Малаештах.

Избегая утомительного перечня названий, все же нельзя пройти мимо таких работ на некоторых поселениях Поднепровья, как Жуковцы, Журавка, Грушевка, Кут, Ново-Липовское, Максимовка, Лески, Червона Слобода и пр. На Волини важные результаты получены в Викнинах Великих, Костянце, Пражеве, Ягнятине, Иванковцах, Маркушах и Лепесовке. В менее изученных областях Южного Буга интересные работы велись в Синицивке-Сабатиновке, а в Среднем Поднепровье — в Луке-Врублевецкой. В более изученных областях молдавского течения Днестра впервые исследовались постройки в Будештах, Делакеу, Собаре и пр.¹² Сейчас в бассейне рек Верхнего Днестра и Западного Буга также впервые большими раскопками изучаются селища в Бовшеве, Рипневе, Черепине и других местах, в частности на сложном многослойном поселении в Незвиско. Этими работами выявлены многочисленные наземные и углубленные в землю постройки, требовавшие классификации и распределения во времени. Перечень главнейших полевых работ будет неполным без упо-

⁸ Э. А. Симонович. Памятники черняховской культуры степного Поднепровья. СА, XXIV, 1955, стр. 289—306; он же. Раскопки могильника у овчарни совхоза Приднепровского на Нижнем Днестре. МИА, № 82, 1960, стр. 192—238.

⁹ Э. А. Рикман. Памятник эпохи великого переселения народов. Кишинев, 1967.

¹⁰ Э. А. Симонович. Работы на черняховских памятниках в Приднепровье. КСИА, вып. 94, 1963, стр. 80—87.

¹¹ Е. В. Махио. Раскопки на Компаниевском могильнике. Археологические исследования на Украине. 1965—1966. Киев, 1967, стр. 160—163.

¹² Перечень памятников Молдавии см. в работе: Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья. МИА, № 89, 1960, стр. 249—277.

минания производственных сооружений, открытых в послевоенный период, в числе которых были многочисленные гончарные печи и мастерская гончара, найденная на среднеднепровском поселении в Журавке, мельничные сооружения в Синицивке-Сабатиновке и в Иванковцах, остатки стекольного производства в западноукраинском селе Комарове, следы металлургического производства и пр. Следует особо упомянуть деятельность по выявлению местных святилищ и каменных изваяний, начатую раскопками поднепровского селища в Иванковцах М. Ю. Брайчевским и В. И. Довженком и продолженную успешно И. С. Винокуром, обнаружившим в этих же районах ряд новых фигур-идолов, в ряде случаев напоминающих знаменитое славянское изваяние Святовита более поздней эпохи, найденное на р. Збруче.

Подводя итоги краткого обзора полевых работ, мы их закончим строками статьи С. Н. Бибикова, где говорится, что «на территории Украины и Молдавии стало известно около двух тысяч памятников черняховской культуры, из них около ста подверглись раскопкам... Изучено 350 жилищ и хозяйственных сооружений и свыше двух тысяч погребений...» Остается присоединиться к следующему из этого вывода, что «ни одна из археологических культур за столь короткий промежуток времени не подвергалась такому широкому полевому исследованию»¹³.

Не менее важным было сделать раскопанные материалы доступными для любого исследователя путем публикаций. В основном это удалось осуществить. Главная тяжесть при этом легла на ИА АН СССР, взявший на себя труд по сбору и изданию сборников, составленных при энергичном участии всех специалистов в области изучения культуры полей погребений, за исключением, пожалуй, ленинградских ученых. В тома МИА (№ 70, 82, 108, 119, 139), изданные в период с 1959 по 1967 г. и составившие по объему около 163 п. л., были включены памятники зарубинецкого типа, предшествующие черняховским, основные подготовленные в настоящее время материалы черняховской культуры, в том числе полученные до войны и даже до революции, а также сменяющие их ранне-средневековые древности VI—VIII вв. н. э.¹⁴

Если же учесть монографии, посвященные отдельным областям, вышедшие в тот же период, в той же серии МИА под номерами 89 и 104 (Г. Б. Федорова и И. И. Ляпушкина), где большие разделы посвящены черняховским памятникам, или небольшие монографии, публикующие раскопки поселения Черепин в Западной Украине (В. Д. Баран)¹⁵ или памятники Волини (И. С. Винокур)¹⁶, и отдельные статьи в разных продолжающихся изданиях, содержащие публикации черняховских материалов, то мы увидим, что любая черняховская тема в той или иной мере обеспечена раскопанным и изданным материалом.

Естественно, что теория, типология и хронологическая разработка при описанных темпах полевых исследований и публикационной деятельности, как мы уже видели, падавших на последнее десятилетие, не всегда могли поспеть за материалами.

Перед исследователями возникают некоторые из тех же проблем, что и при первом совещании по черняховской культуре в 1957 г., но попытки их решения могут базироваться на совершенно ином уровне обеспеченности археологическими фактами. Можно надеяться, что по мере накопления

¹³ С. Н. Бибиков. К 50-летию археологической науки на Украине. СА, 1967, № 3, стр. 65.

¹⁴ Сборники МИА вышли под редакцией Б. А. Рыбакова, Э. А. Сымоновича и П. Н. Третьякова.

¹⁵ В. Д. Баран. Поселення перших століть нашої ери біля села Черепин. Київ, 1961.

¹⁶ І. С. Винокур. Старожитності Східної Волині першої половини I тисячоліття н. е. Чернівці, 1960.

фактов будут окончательно решены многие спорные вопросы. Во всяком случае требование Б. А. Рыбакова предъявить по возможности все имеющиеся материалы культуры полей погребений как зарубинецкого, так и черняховского типа, необходимые для обоснования известных положений, можно считать осуществленным¹⁷.

Характеристике исторических и типолого-хронологических заключений необходимо предпослать в качестве существенного достижения в области изучения черняховских памятников итоги их картографирования, во время которого наиболее трудоемкая часть работы была проделана Е. В. Махно, приведшей в систему многочисленные памятники культуры полей погребений Украины. Сюда же причисляют работы по выявлению границ распространения черняховских памятников и установлению закономерностей их распространения в пределах черноземной полосы лесостепи и степи. Массовость и огромный территориальный размах характеризуют памятники черняховской культуры, занимающие пространство от северной границы черноземных земель по линии Луцк—Ровно—Житомир, южнее Киева — через Нежин—Бахмач—Конотоп и далее по Сейму, с заходами на его правый берег до района г. Курска; на юг до самых берегов Черного моря, где в последние годы были обнаружены типичнейшие черняховские могильники и поселения с полуземляночными жилищами, начало изучению которых положил раскопками 1949—1950 гг. М. Ф. Болтенко¹⁸. На востоке, как установлено, черняховские памятники встречаются в бассейне Северного Донца и на западе они выходят за пределы СССР на территорию СРР, где они получают название памятников типа Сынтана-Черняхова, и в Польшу. Там, следует заметить, относительно слабая изученность относящихся к известным поселениям могильников затрудняет определение их культурной принадлежности. Оба момента: численность и обширная зона распространения черняховских памятников — являются важнейшими обоснованиями и свидетельствами против их привнесного характера, что не отрицается и современными зарубежными учеными.

Тут уместно будет напомнить мнение одного из столпов старого славяноведения П. Шафарика, высказанное в его труде «Славянские древности» более 100 лет назад: «Известно, что народ славянский» занимал огромные «пространства Европы». Автор делал на основании этого резонный вывод, что «потребны целые тысячелетия покойного пребывания в постоянных жилищах для того, чтобы достигнуть народу подобной огромности и многолюдности, в какой является нам славянское поколение»¹⁹. Большой вклад в дело доказательства в основном славянской принадлежности черняховской культуры сделан работами украинских ученых (М. Ю. Брайчевский, Е. В. Махно, М. Ю. Смишко)²⁰.

Переходя к наиболее спорным историко-теоретическим построениям последних лет, касающимся черняховской культуры, мы должны будем отметить, что они нередко появлялись независимо от фактических материалов. Конечно, известную роль имело появление и усиленное изучение новых памятников VI—VIII вв. н. э., которые на первый взгляд многим

---

¹⁷ Л. А. Голубева. Совещание, посвященное проблемам черняховской культуры и ее роли в ранней истории славян. СА, 1957, № 4, стр. 275.

¹⁸ Э. А. Симонович, А. Э. Яровой. Поселение Викторовка II в устье Социко-Березанского лимана (по материалам раскопок М. Ф. Болтенко). СА, 1968, № 2, стр. 169—183.

¹⁹ П. Шафарик. Славянские древности. М., 1837, стр. 407.

²⁰ М. Ю. Брайчевський. Походження Русі. Київ, 1968; Е. В. Махно. Пам'ятки культури полів поховань черняхівського типу. Археологія, т. IV. Київ, 1950, стр. 76—88; М. Ю. Смішко. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р., т. III. Київ, 1952, стр. 337—378 и другие работы указанных авторов.

показались не имеющими с черняховскими ничего общего. Как ни досадно, так называемые «открытия» о значении германского или дако-гетского, сарматского элемента в формировании культуры полей погребений появлялись, как правило, без какой бы то ни было связи с новыми добытыми материалами. Прекрасные примеры тому дают работы М. И. Артамонова, если сравнить его высказывания в начале 1950 и 1956 г., или Ю. В. Кухаренко, у которого по сравнению с кандидатской диссертацией и статьями через 5 лет последовал не один поворот во мнениях на 180°²¹. Как ни странно, попытка воскресить построения германской националистической науки, отнюдь не пополненные фактическими доказательствами, встретила поддержку у ряда советских археологов. Не подкрепленное сколько-нибудь весомыми новыми фактами мнение М. И. Артамонова, в развернутом виде повторенное в сборнике к 50-летию Советской власти, почему-то названное В. В. Кропоткиным «новой теорией», следующее: черняховская культура есть следствие политического объединения под главенством готов. Самые ранние славянские памятники в лесостепи относятся М. И. Артамоновым только к VI—VIII вв.²² Области же Среднего Поднестровья с типично черняховскими памятниками, с типично черняховскими могильниками типа Вила-Ярузская с той же долей «обоснованности» были им еще раньше объявлены принадлежащими тиригетам.

Никаких принципиально новых археологических открытий не было в перерыве, протекавшем между первыми выводами упомянутых авторов и их отрицанием в период после 1956 г.

Не так важно доказывать в настоящее время славянскую принадлежность памятников полей погребений (аргументов в пользу этого мнения приведено множество). Основным требованием в данный период должно явиться обращение к сторонникам миграционистской теории происхождения черняховских памятников с предложением предъявить развернутые доказательства в пользу восточногерманской теории происхождения черняховской культуры. Могут ли отдельные находки северного происхождения в лесостепной зоне служить доказательством проникновения германских племен, т. е. должен быть решен вопрос, что может определять этническое лицо культуры, а что является результатом торговых связей, влияний и заимствований. В этом отношении мы считаем насущным изучение проблемы взаимоотношений черняховской культуры с соседними. Только тогда можно надеяться, что прояснится вопрос о черняховской принадлежности некоторых памятников Вольни, вопрос о взаимосвязи зарубинецкой и черняховской культур, вопрос о позднем скифском населении и Черняхове и т. д.

Пока остается нерешенной проблема, могут ли быть сарматы сочтены за население, определившее в черняховской культуре (Г. Б. Федоров) развитие обряда труположения. Возможно ли считать создателями обряда трупосожжений гето-дакийские племена. Или же процесс трансформации обряда погребения и культуры связан с западным влиянием или миграциями, или эта эволюция в разных местах имела автохтонный характер.

²¹ В названные годы черняховскую культуру Ю. В. Кухаренко с равной долей категоричности приписывал славянам, скифам и сарматам и, наконец, решающую роль в ее создании приписал германским племенам, двигавшимся из Поморья (см. об этом последнем мнении тезисы в настоящем томе).

²² М. И. Артамонов. Вопросы расселения восточных славян и советская археология. Проблемы всеобщей истории: Л., 1967, стр. 29—69, где сказано, что, «вступив в контакт с греческими колониями северного и северо-западного Причерноморья и включившись в сферу сильного влияния римской культуры, готы приобретают черты, характерные для черняховской культуры» (стр. 49). Сравни его высказывание: «хронологически и территориально с антами связывается культура полей погребений, которая совершенно необоснованно и тенденциозно приписывалась немецкой националистической наукой германским племенам» (М. И. Артамонов. Происхождение славян. Л., 1950, стр. 21.).

Кардинальным следует признать вопрос о датировках. Нынче его возможно решать на большом фактическом материале (см. статьи В. Д. Барана, Д. Т. Березовца, А. Т. Смиленко, Э. А. Сымоновича, М. Б. Щукина). Основные споры вызывает проблема существования черняховской культуры до прихода готских племен и проблема ее существования в послегуннский период, т. е. исчерпывающее решение вопроса о хронологии памятников в известной мере определит наиболее сложный вопрос об этносе населения, оставившего черняховскую культуру²³.

Первоочередной же задачей для решения на фактах спорных проблем в настоящее время следует признать систематизацию огромного накопленного материала с помощью намеченной коллективной подготовки и издания запланированных Институтом археологии АН СССР томов САИ. Запланированы шесть выпусков: 1. Поселения. 2. Могильники и верования. 3. Керамика. 4. Комплекс вещевых находок. 5. Торговля и хозяйство. 6. Карта, хронология и локальные варианты. В порядке обсуждения предлагается также поставить вопрос об издании сборника, посвященного не черняховским, но параллельным им по времени или генетически и культурно связанным с ним памятникам. Такой том способствовал бы уточнению датировок черняховских памятников и выяснению их генезиса. В настоящее время пришла пора заменить нередко чисто умозрительные исторические построения и «сенсационные» теории вескими доводами. Такая разработка основных проблем черняховской культуры, основанная на фактах, приведет нас несомненно к большему единству взглядов и мнений, чем в настоящее время.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Э. А. СЫМОНОВИЧА

А. Т. Смиленко и Е. В. Махно заявили, что разделяют основные положения доклада.

В. И. Бидзиля не был удовлетворен постановкой в докладе основных последующих задач изучения черняховской культуры, которые, по его мнению, заключаются в проведении в широких масштабах новых работ, в особенности в области поречья Южного Буга и Житомирщины. Следует обратить внимание на тщательное кабинетное и лабораторное изучение археологических материалов и, отвергнув всякие тенденциозные теории, исходить из фактического материала в построениях. В качестве примера неверного использования археологических материалов следует назвать книгу М. Ю. Брайчевского, доказывавшего высокий уровень развития кузнечного ремесла у черняховцев на основании трех пунктов находок с нечерняховской территории.

В. В. Кропоткин сказал, что нет ничего зазорного в отказах исследователей от старых взглядов, если они оказались ошибочными. Им были высказаны некоторые замечания, касающиеся качества некоторых публикаций черняховских материалов и относящиеся к работам Г. Е. Храбана и И. Т. Черникова. Первого В. В. Кропоткин упрекал в недостаточной квалифицированности при отнесении обнаруженных им при разведках пунктов к черняховской культуре. Второго — за то, что в перечне новых черняховских пунктов не даны определения типов обнаруженных обломков сосудов, и в особенности амфор.

По мнению Е. В. Махно, упреки в адрес Г. Е. Храбана неосновательны, поскольку все собранные черняховские материалы им точно фиксированы и проходили через ее апробацию.

²³ При подготовке доклада для печати более подробная характеристика основных проблем черняховской культуры и наше отношение к ним были сокращены ввиду того, что приведенные доклады и обсуждения их подробно характеризуют состояние изученности главнейших вопросов.

М. А. ТИХАНОВА

ЕЩЕ РАЗ К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ
ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

В середине 50-х годов нам представлялось, что если где-либо в составе носителей черняховской культуры, которая тогда вырисовывалась как полиэтническая, и можно искать славян, то именно на северо-западе, т. е. на Волини¹. В 1956 г. начались работы сначала разведкой, а с 1957 г. и систематическими раскопками поселения у с. Лепесовка Белогорского района Хмельницкой области. Результаты раскопок оказались совершенно неожиданными и в корне противоречащими первоначальным предположениям о возможности отыскать здесь славян. На поселении были вскрыты большие наземные большей частью двухчастные сооружения, совмещавшие под одной кровлей жилье человека и хлев для скота или производственный комплекс².

Наряду с жилищами в Лепесовке совершенно своеобразной оказалась и лепная керамика, сочетающаяся, как правило, с круговой, типично черняховской и составляющая несколько более 20% от общего количества керамики, насчитывающей за все годы раскопок около 100 000 обломков, из которых удалось реконструировать реально и графически около 7000 сосудов (лепных и гончарных). Тогда же раскопками на самом поселении и сплошной разведкой по верхнему течению р. Горыни и ее притокам³ удалось установить, что как в этом районе, так и несколько севернее поселениям данного типа не предшествуют в течение длительного времени никакие другие. Памятники зарубинецкой культуры расположены значительно севернее.

Еще ранее, в 1940 г., а затем в 1949 г. на Волини производил раскопки М. Ю. Смишко (в 1940 г. в Викнинах Великих⁴, в 1949 г. в Костянце⁵), который первый обратил внимание на сходство лепной керамики на этих поселениях с керамикой пшеворской культуры Польши⁶.

¹ М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4, стр. 194.

² М. А. Тиханова. Раскопки на поселении III—IV вв. у с. Лепесовка в 1957—1959 гг. СА, 1963, № 2, стр. 178—191; она же. Днестровско-Волинская экспедиция 1960—1961 гг. КСИА, вып. 102, 1964, стр. 48—56.

³ М. А. Тиханова. Разведка в районе верхнего течения реки Горыни. КСИА, вып. 87, 1962, стр. 46—53.

⁴ М. Смишко. Селище доби полів поховань у Вікнинах Великих. Археологія, т. I. Київ, 1947, стр. 111—122.

⁵ М. Ю. Смишко. Дослідження пам'яток культури полів поховань в західних областях УРСР у 1947 р., т. III. Київ, 1952, стр. 365—376.

⁶ М. Ю. Смишко. Раннеславянские памятники на территории западных областей УССР. Доклады VI конференции Института археологии. Киев, 1953, стр. 82—84.

Однако жилища не вызвали у него никаких вопросов, никаких ассоциаций, равно как и некоторые другие весьма характерные предметы, аналогичные обнаруженным в Лепесовке.

Одновременно с началом работ в Лепесовке в 1956 г. было случайно найдено погребение в Дитиничах, а в 1957 г. проведены раскопки этого могильника. В 1961 г. могильник был опубликован как памятник, хотя и синхронный черняховской культуре, но заведомо не славянский, а германский, точнее гепидский⁷.

Наконец, в 1960 г. было обнаружено первое погребение под Брестом, а в последующие годы продолжены раскопки могильника, вернее той его части, которая осталась неразрушенной и доступной для исследования⁸. При первой же публикации этого памятника автор раскопок Ю. В. Кухаренко определил его совершенно правильно как типичный могильник так называемой готто-гепидской культуры Нижнего Повисленья, погребения которого, как и сопровождающий их инвентарь, имеют общие черты с могильниками северо-восточной Польши, с единичными погребениями, еще ранее известными на западной Волыни, а также с памятниками Лепесовки и некоторых других поселений Волыни⁹.

Как жилища Лепесовки, так и вертикальный ткацкий станок (в Лепесовке в одном случае уцелели не только грузила, но и обгорелые деревянные части самого станка) и вся лепная керамика не имеют никаких корней на месте и в то же время находят полные соответствия в керамическом комплексе северо-восточной Польши — в Нижнем Повисленье и в Правобережной Мазовии, в основном в комплексах II — первой половины III в. н. э., и в других местах. Прослеживается отчетливое сходство лепной керамики с керамикой Дитиничей и Брест-Тришина, хотя она значительно богаче и многообразнее их по формам и орнаментации. Что же касается ведущего типа кухонной посуды — яйцевидного горшка с загнутым внутрь венчиком и хруповатым туловом, то эта форма долго бытует на широких пространствах северной Польши и территории центральной и западной Германии. В западной литературе она получила даже специальное название германского, или эльбского горшка. Известна она и в канабах римских лагерей среди германского населения. Э. А. Симонович видит в ней основной тип лепной черняховской посуды, на что он неоднократно указывал во многих своих работах. И действительно, мы встречаем такие горшки не только в Журавке, Коломыйцах, Косанове, но и далеко на юге, например в могильнике у овчарни совхоза Приднепровского (Гавриловка), в Луке-Врублевцевкой на Днестре и во многих других местах.

Что касается лепесовских и вообще южноволыньских жилищ, то, как показали наши исследования, этот тип жилища был ранее совершенно неизвестен ни на Волыни, ни вообще на территории лесостепной полосы Восточной Европы. Представить себе, что такой вполне сложившийся, «отработанный» тип жилища, не имея предшественников, мог спонтанно возникнуть на Волыни, невероятно. Его нужно искать в другом месте, там, где он сложился в результате достаточно длительного развития. Как мы указывали в своих предшествующих работах¹⁰, искать его следует далеко на северо-западе Европы, в Голландии, Дании, в особенности в Ютлан-

⁷ М. Ю. Смішко, І. К. Свешніков. Могильник III—IV століть н. е. у с. Дитиничі Рівенської області. МДАПВ, вип. 3, Київ, 1961, стр. 89—114.

⁸ Ю. В. Кухаренко. Могильник Брест-Тришин. КСИА, вып. 100, стр. 97—101.

⁹ Jurij V. Kuharenko. Le problème de la civilisation «Gotho-Gévide» en Pologne et en Volhynie. Acta Baltico-Slavica, V. Białystok, p. 9—40.

¹⁰ М. А. Тиханова. Раскопки на поселении..., стр. 182; она же. Раскопки поселения у с. Лепесовка. Доклады и сообщения археологов СССР. VII Международный конгресс доисториков и протоисториков. М., 1966, стр. 212.

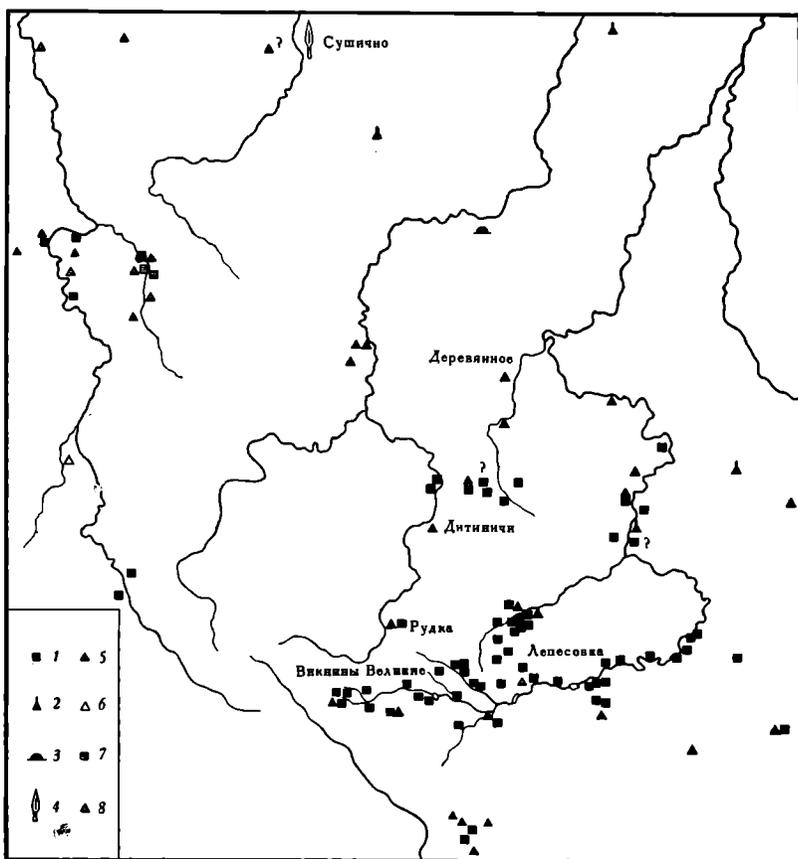

Рис. 20. Карта распространения памятников полей погребений на Волыни

1 — поселения III—IV вв. н. э.; 2 — могильники и отдельные погребения зарубинецкой культуры I в. до н. э. — II в. н. э.; 3 — курган III—IV вв. н. э.; 4 — копьё с рунической надписью III в. н. э.; 5 — могильники и отдельные погребения III—IV вв. н. э.; 6 — погребение пшеворской культуры н. в.; 7 — поселения поморской культуры; 8 — могильники и отдельные погребения поморской культуры

дии и на северо-западе Германии, где он известен уже в эпоху латена и существует вплоть до позднеримского времени, особенно ярко проявляясь в раннеримское время в Ютландии. Именно здесь хорошо известен тип большого двухместного прямоугольного в плане со скругленными углами наземного жилища, совмещавшего в себе жилую часть с хлевом или производственным помещением, ориентированного на восток-запад, с очагом на продольной оси постройки. Поселений с такого рода жилищами исследовано очень много. Характерно и наличие в жилой части ткацкого станка; близки по набору хозяйственная утварь и предметы быта¹¹. Известны такие жилища и в Бранденбурге, на поселении в Бэрхорсте под Науеном, где близки лепесовским не только жилища, но и керамический комплекс и вещевой инвентарь¹².

¹¹ Литература предмета огромна, почему приводим лишь самые основные сводки исследования: J. Brøndstedt. Nordische Vorzeit, Bd. III. Eisenzeit in Dänemark, Neumunster, 1963, стр. 244—246; O. Klindt-Jensen, Denmark before the Vikings. London, 1957; он же. Bornholm i folkervandrigstiden, København, 1957; A. Bantelmann. Tofing—eine vorgeschichtliche Warft an der Eidermündung. Offa—Bücher, N. F. 12, 1955.

¹² O. Doppelfeld, G. Behn. Das germanische Dorf auf dem Bärhorst bei Nauen. Praehistorische Zeitschrift, Bd. XXVII—XXIX. Berlin, 1939, стр. 284—330. Поселение было датировано III—IV вв. н. э. Позднейшими исследованиями эта датировка не-

В последнее время аналогичные постройки были открыты в Польше, на территории Мазовии в Вульце-Ласецкой. Сначала обнаружили большое сооружение типа ранее в Польше неизвестного, которое его исследователи рассматривали как здание общественного характера, а за аналогиями обратились совершенно закономерно в районы Северо-Западной Европы¹³. Впоследствии (в 1961 г.) там же было открыто большое наземное сооружение (жилище № 10)¹⁴. Поселение в Вульце-Ласецкой датируется концом II — самым началом IV в. н. э. Что касается более северных районов Польши — Нижнего Повисленья, то еще в довоенные годы там были открыты под Гданьском близкого типа жилища¹⁵. Судя по сообщениям информационного характера¹⁶ и тезисам докладов на конгрессе славянской археологии в Варшаве в сентябре 1965 г., на поселениях на правом берегу Нижней Вислы в Плоньском повяте¹⁷ и на ее левобережье к югу от Гданьска в Пруще¹⁸ открыты большие наземные жилища «редкие на территории Польши».

Остатки наземных бесстолбовых жилищ были вскрыты несколько лет назад на левобережье Западного Буга в Грудке Надбужном, правда, уже синхронные жилищам Лепесовки¹⁹.

Поселение у с. Лепесовка (начало его жизни датируется рубежом II—III вв., конец — серединой или третьей четвертью IV в.) далеко не единственное в пределах как самой Южной Волыни, так и прилегающих к ней территорий. Все раскопанные (хотя и в неизмеримо меньшем масштабе) поселения — Викнины Великие²⁰ в верховьях Горыни; Костянец²¹ в бассейне Стубла; Маркуши, Иванковцы²², Ягнятин²³ и Пражев²⁴ в Восточной Волыни; Сухостав²⁵ в междуречье Серета и Збруча, Ружи-

---

сколько углублена: II—III вв. н. э. См.: F. Behn. Die Entstehung des deutschen Bauernhauses. Berichte über die Verhandlungen der sächsischen Akademie der Wissenschaften zu Leipzig. Phil.-Hist. Klasse, Bd. 103, H. 3. Berlin, 1957, стр. 29—34. G. Behm-Blancke. West- und ostgermanische Dörfer der römischen Kaiserzeit in der Markt Brandenburg. Bericht d. Kongress Hamburg, 1961, стр. 73—74.

¹³ W. Bender. Zagadkowa budowla z pierwszych wieków naszej ery. ZOW, 1960, z. 2, стр. 112—118.

¹⁴ W. Bender, B. Balke. Wyniki badań osady z okresu rzymskiego w Wólce Zasiękiej, pow. Łowicz w 1961 roku. Archeologia. Polski, IX. Warszawa, 1964, стр. 72—120.

¹⁵ W. Heum, Eib Beitrag zum Hausbau während der römischen Kaiserzeit im Gebiet der unteren Weichsel. Prussia, 29. Königsberg 1931, стр. 192; R. Schindler. Germanische Siedlungsreste am Danziger Höhenland. Gothiskandza, H. 2, 1940, стр. 44—51.

¹⁶ W. Bender. Odkrycia archeologiczne w Polsce w 1964 r. ZOW, XXXI, 1965, z. 2, стр. 121.

¹⁷ J. Pyrgala. Die Besiedlung der Zwischenflussgebietes der Wisła und der Wkra in der Spätlatènezeit und in der römischen Kaiserzeit im Lichte archäologischer, wissenschaftlicher und technischer Untersuchungen; I. Międzynarodowy kongres archeologii słowiańskiej. Warszawa 14—18.IX 1965. Wrocław—Warszawa—Kraków, 1969, стр. 406—413.

¹⁸ K. Przewoźna. Die Siedlungsformen der Spätlatène — und der römischen Kaiserzeit in Ostpommern. Там же, стр. 202—207.

¹⁹ T. Liana i T. Piętka-Dąbrowska. Osada z okresu wpływów rzymskich w Gródku-Nadbużnym, pow. Hrubieszów. WA, XXV, z. 4, 1958, стр. 373—382.

²⁰ М. Ю. Смішко. Селище доби полі в поховань у Вікнінах Великих, стр. 111—121.

²¹ М. Ю. Смішко. Дослідження пам'яток культури... стр. 365—377.

²² И. С. Винокур. Памятники Волинской группы полей погребений. МИА, № 116, 1967, стр. 176—185.

²³ Е. В. Махно. Поселения культуры «полив поховань» на північно-західному Правобережжі (розкопки 1945—1956 рр.), АП, т. I. Київ, 1949, стр. 164—176; она же. Ягнятинська археологічна експедиція, АП, т. III. Київ, 1952, стр. 154—168.

²⁴ Е. В. Махно. Поселения культуры... стр. 169—175; И. С. Винокур. Старожитості Східної Волині. Праці комплексної експедиції Чернівецького державного університету, т. VIII. Серія археологічна, вип. I. Чернівці, 1960, стр. 24—32.

²⁵ Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР (Материалы к составлению археологической карты). МИА, № 82, 1960, стр. 47, № 23.

чанка к югу от г. Хмельницкого²⁶ дают те же большие, удлиненные наземные жилища (только в Пражеве имеются и полуземлянки, но не доказано, что это жилища), тот же в основном набор вещей, тот же керамический комплекс. Всего в данном районе насчитывается более 60 таких поселений, особенно густо покрывающие истоки р. Горыни и ее притоков и небольшими гнездами сосредоточенные в нескольких других местах — в более северных и южных районах.

К сожалению, поселения эти не сопровождаются могильниками. Лишь в верхнем течении Горыни на ее правобережье относительно недавно был обнаружен могильник, а затем и поселение у с. Раковец-Чесновский Збаражского района Тернопольской области²⁷. Как показали раскопки, могильник этот биритуальный, сочетающий труположения и трупосожжения, с одинаковым погребальным инвентарем и гончарными и лепными сосудами. Весь комплекс находок очень близок к лепесовскому, а по погребальному ритуалу представляет настоящий черняховский могильник с некоторыми особенностями, сближающими его с погребальными памятниками Нижнего Повисленья²⁸.

В свете рассматриваемого нами вопроса особую значимость приобретает факт распространения жилищ волинского типа далеко на юг. Они прослеживаются на право- и левобережье среднего течения Днестра — на поселениях Лески Черкасского района и области²⁹, в Ново-Липовском Золотоношском районах той же области³⁰, в бассейне Ворсклы — на поселении у с. Кантемировка³¹, в Среднем Поднестровье — в Луке-Врублевской Каменево-Подольского района Хмельницкой области³² и, наконец, в междуречье Днестра и Прута. Здесь на территории Молдавской ССР раскопками Г. Б. Федорова в Мырзештах³³ и Э. А. Рикмана на целом ряде поселений были вскрыты остатки больших наземных жилищ, совершенно однотипных с вышеописанными волинскими. Это жилища на поселениях Комрат I, Загайканы, Солончены, Делакеу³⁴ и Будешты Криулянского района³⁵. Последний памятник особенно интересен тем, что в нем сочетаются и поселение, и могильник. Среди его погребальных сооружений отчетливо прослеживаются северные черты, а именно: каменные конструкции — вымостки, как их называет Э. А. Рикман, не вызывающие

По сведениям, приводимым Е. В. Махно, сооружение в Сухоставе трехкамерное по другим сведениям — двухкамерное.

²⁶ И. С. Винокур. Черняховский могильник и поселение у с. Ружичанка. Археологические открытия 1966 г. М., 1967, стр. 228—230.

²⁷ И. С. Винокур, М. И. Островский. Раскопки Раковецкого могильника. КСИА, вып. 102, стр. 64—70; они же. Раковецкий могильник. МИА, № 139, 1967, стр. 144—159.

²⁸ D. Bohnsack. Die Burgunden. Vorgeschichte der Deutschen Stämme, hrsg. von H. Reinerth, Bd. III. Berlin, 1940, S. 1089, Taf. 439.

²⁹ А. Т. Смиленко, М. Ю. Брайчевский. Черняховское поселение в селе Лески близ города Черкассы. МИА, № 139, 1967, стр. 35—61.

³⁰ Е. В. Махно. Памятники черняховской культуры на территории УССР, стр. 56, № 17а.

³¹ Е. В. Махно. Кантемирівське поселення та могильник культури полів поховань, АП, т. III. Київ, 1952, стр. 231—241.

³² М. А. Тиханова. Раскопки поселения первых веков н. э. в Луке-Врублевской (Днестр). КСИИМК, вып. XXVII, 1949, стр. 72—74; она же. О локальных вариантах..., стр. 180.

³³ Г. Б. Федоров. Население Прутско-Днестровского междуречья в I тысячелетии н. э. МИА, № 89, 1960, стр. 257 и табл. 18 (глиняные грузила от вертикального ткацкого станка).

³⁴ Э. А. Рикман. Черняховское селище Делакеу (Молдавия). МИА, № 139, 1967, стр. 165—196.

³⁵ Э. А. Рикман. Жилища Будештского селища (о домостроительстве в черняховскую эпоху). МИА, № 82, 1960, стр. 302—327; он же. К вопросу о «больших домах» на селищах черняховского типа. СЭ, 1962, № 3, стр. 121—138.

сомнения в их северо-германской принадлежности. В этом же могильнике были найдены две (одна целая, другая в обломках) северные южнскандинавского происхождения фибулы-монстры³⁶, или фибулы чудовищного типа, по терминологии А. К. Амброза. Третья фибула того же типа, происходящая с территории Молдавии, представляет собой случайную находку³⁷.

Ограниченность места не позволяет коснуться еще целого ряда вопросов, в частности предметов и украшений одежды — фибул, так называемых клюковидных булавоочек или некоторых бытовых предметов таких, как сигарообразные по форме костяные двусторонне заостренные палочки, в которых одни исследователи, в том числе и автор настоящей статьи, предположительно усматривают орудия для письма, другие — проколки, третьи — веретена; все они встречаются в памятниках не только Волыни, но и в ряде значительно более южных черняховских поселений, а иногда и погребений. В то же время они широко распространены не только в Нижнем Повисленье, но и западнее, в германском мире. Нет возможности остановиться и на некоторых специфических деталях погребального обряда, в частности на обычае захоронения одних черепов, или на нарочитом расчленении трупов умерших и т. д. Все эти явления специфичны для германского мира в широком понимании его, а не только для одних готов. Эти темы могут явиться предметом специальных исследований.

Думается, что вышеизложенного вполне достаточно для ответа на вопрос, поставленный автору настоящей статьи на Львовском совещании, каково его понимание происхождения черняховской культуры. В отличие от Ю. В. Кухаренко мы включаем в состав черняховской культуры и волынскую группу. Саму же черняховскую культуру мы признаем, во всяком случае изначально, германской (отнюдь притом не только готской) культурой, носители которой сохраняют многие германские черты и тогда, когда они приходят уже в тесные соприкосновения (не только активно враждебные, но и мирные) с миром античным и с иноэтничным миром местных племен.

---

³⁶ Э. А. Рикман. Погребальные обряды Будештского могильника. Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдавской ССР. Кишинев, 1964, стр. 106—131; он же. Памятник эпохи переселения народов по раскопкам поселения и могильника черняховской культуры. Кишинев, 1967, стр. 31 и рис. 37, 4, 5.

³⁷ N. Moroşan. O fibulă particulară germanică din epoca imperialo-romană găsită în Besarabia. Chişinău, 1935, стр. 6; М. А. Тиханова. К вопросу о связях Скандинавии с Восточной Европой в первой половине I тысячелетия н. э. Тезисы докладов Четвертой всесоюзной конференции по истории, экономике, языку и литературе Скандинавских стран и Финляндии, ч. I. Петрозаводск, 1968, стр. 159—162.

Е. Н. ЧЕРНЫХ, Т. Б. БАРЦЕВА

СПЕКТРОАНАЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦВЕТНОГО МЕТАЛЛА ЧЕРНЯХОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

За период 1966—1967 гг. Лаборатория спектрального анализа ИА АН СССР продолжала исследования цветного металла черняховской культуры. Те первые результаты наших работ, которые были освещены в вышедшей статье¹, были основаны на изучении химического состава около 1000 металлических находок. Эти предметы происходили с территории Восточной Европы и преимущественно датировались I тысячелетием н. э. В последующие годы сборы были продолжены. Они коснулись прежде всего как самих черняховских материалов, так и коллекций, происходящих преимущественно из западных и юго-западных районов европейской части СССР.

Эти сборы позволили нам в значительной мере укрепить прежние выводы, наметить новые вопросы и положения. В публикуемой статье мы с целью более логичного изложения вынуждены будем повторить ряд старых заключений наряду с теми новшествами, которые вытекают из вновь исследованных материалов.

Всего к 1968 г. собрано около 2000 проб металла, происходящего как из регулярных раскопок различных лет, так и из случайных находок и коллекций отдельных лиц (рис. 21).

На долю черняховской культуры приходится более 600 проб металла, происходящих из 34 памятников. Обработано статистически в настоящее время несколько меньше. Кроме того, собран материал позднесарматской, позднескифской, зарубинецкой и других культур; металла, происходящий из Ольвии, Танаиса; металл мощинского типа, прибалтийских могильников, некоторых могильников и кладов.

Собранный на сегодня черняховский материал охватывает все важнейшие области и районы изучаемой культуры, практически все основные памятники, а также все категории и типы инвентаря. Поэтому мы можем считать задачу сборов выполненной как в качественном, так и в количественном отношении и на основе анализов судить обо всех важнейших характеристиках цветного металла черняховской культуры.

Теперь о фоне, на котором изучался металл черняховской культуры. По нашему мнению, некоторые из его важнейших составляющих, а именно металл северопричерноморских памятников, включая сюда позднесарматские могильники, позднеантичные города, а также металл Восточной Прибалтики, исследованы достаточно полно, чтобы дать представление о его устойчивых характеристиках и для надлежащих сравнений. Чрезвычайно

¹ Т. Б. Барцева, Е. Н. Черных. О спектроаналитических исследованиях цветного металла черняховской культуры. СА, 1968, № 2.

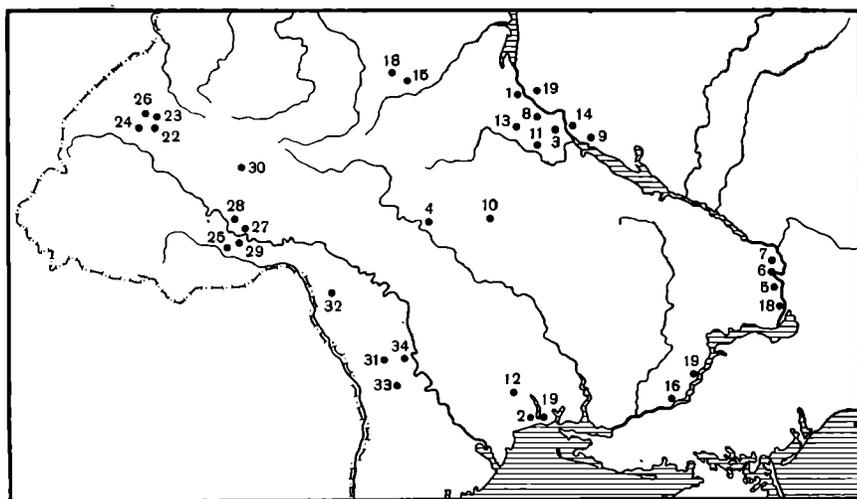

Рис. 21. Карта распространения спектрально исследованных коллекций металлов из памятников черняховской культуры

1 — Черняхов; 2 — Викторовка; 3 — Журавка; 4 — Косаново; 5 — Федоровка; 6 — Августиновка; 7 — Волошское; 8 — Завадовка; 9 — Компанийцы; 10 — Рыжевка; 11 — Успенка; 12 — Райжевое; 13 — Лески; 14 — Максимова; 15 — Ягнятин; 16 — Берислав; 17 — Привольное; 18 — Ново-Липовское; 19 — Переяславский могильник; 20 — Коблево; 21 — Овчарни совхоза „Приднепровский”; 22 — Ракобуты; 23 — Рипнев; 24 — Костяницы; 25 — Комаров; 26 — Черепин; 27 — Лука-Брублевская; 28 — Ходоровцы; 29 — Митков; 30 — Ружичанка; 31 — Будешты; 32 — Малешты; 33 — Балцаты; 34 — Лукашевка

досадным пробелом, не зависящим от авторов, является отсутствие аналитических данных по цветному металлу пшеворской культуры, Нижней Вислы, румынских и венгерских памятников I тысячелетия, включая провинциальные римские. Будущий анализ этого металла, бесспорно, может внести в наши выводы коррективы. Учитывая это, мы намерены с максимальной осторожностью судить об окончательном месте черняховского металла среди коллекции Восточной и Центральной Европы, и тем более обо всех основных источниках его сложения.

Статистической обработке были подвергнуты 542 анализа металла, происходящего в основном из раскопок крупных памятников (Косанова, Журавка, Компанийцы, Рыжевка, Коблево, могильника у овчарни совхоза Приднепровский, Черепин, Комаров, Рипнев, Будешты, Балцаты, Малешты и т. д.).

Несмотря на то, что исследованный материал увеличился более чем вдвое, принципиальная схема членений его на металлургические группы не претерпела изменений. Обоснование самих групп, равно как и демонстрация статистической обработки спектральных анализов, было проделано довольно подробно в уже упоминавшейся статье, поэтому повторение их в настоящей заметке мы считаем излишним. Мы строим наши исследования на выяснении для каждой коллекции металла соотношения шести основных металлургических групп.

В будущем, когда коллекции всех восточноевропейских культур и районов в I тысячелетии будут исследованы с той же степенью полноты, что и черняховская, можно будет усложнить и расширить характеристику выделенных здесь групп за счет учета концентрации Рь. Сейчас такая операция не вполне оправдана, так как увеличение количества групп вызовет нежелательное для нас раздробление и распыление материала по последним. А это в свою очередь приведет к невозможности четкого выражения характеристик малочисленных коллекций.

Напомним еще раз, что употребление сплавов различных типов обуславливалось, по нашему мнению, в основном двумя причинами: во-пер-

Рис. 22. Таблица сравнительных характеристик распределения изделий по сплавам меди для металлических коллекций ряда культур, памятников и районов Восточной Европы (1 тыс. н. э.)

вых, стойкостью металлургической традиции или традиции металлообработки, связанной с культурными и историческими корнями тех или иных племенных групп; во-вторых, возможностью получения населением той или иной культуры или района металлургического сырья для легирования меди или даже привоза самих сплавов. Кроме того, безусловно, играла определенную роль и техническая целесообразность применения того или иного вида лигатуры для отдельных категорий вещей. Значительное увеличение исследованного материала не вызвало существенных нарушений в распределении черняховского металла по исходным группам.

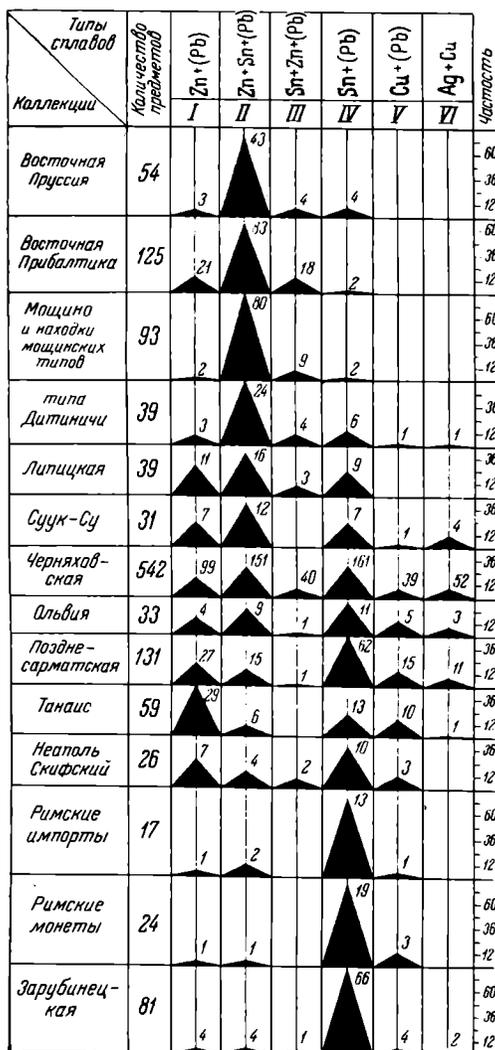
Из обработки 542 анализов следует, что цветной металл черняховской культуры представлен всеми 6 типами сплавов. Их доля, однако, далеко не равнозначна. Ведущим типом черняховского металла является IV тип — оловянистые бронзы. Немного уступает ему по количеству II тип многокомпонентного сплава.

Доля латуней значительно понижена по сравнению с двумя первыми. Намного ниже процент билоновых сплавов, изделий из чистой меди и многокомпонентных сплавов III типа. Общее соотношение между всеми типами выражено наглядно частотными полигонами (рис. 22), где треугольники выражают долю каждого типа, а число сверху — абсолютное количество предметов, им представленных.

Наша генеральная таблица по сути дела отвечает на первый вопрос: о месте черняховского металла среди прочих. Обращаем еще раз внимание на то, что приведенный материал территориально ограничен пределами СССР, и поэтому мы сможем выяснить место черняховского металла лишь среди доступного нам и исследованного материала.

Культуры и районы, характеристика металла которых приведена на этой таблице, сгруппированы и расположены по принципу наибольшего сходства соотношений в типах сплавов.

Нетрудно заметить, что расположенная сверху таблицы группа прусских и прибалтийских металлических изделий достаточно резко отделяется от всех прочих доминированием II типа многокомпонентного сплава, где ведущей примесью является Zn. Их доля занимает от двух третей до

четырёх пятых общего количества. Процент прочих типов мал или вовсе ничтожен. Совершенно нехарактерны здесь оловянистые бронзы, чистая медь, серебро или билоновые сплавы. Безусловным аналогом этой группы металла являются мощинский клад и мощинские типы украшений, разбросанные по северу Украины и западу РСФСР. Поэтому включение мощинского металла в круг прибалтийских сплавов бесспорно. Весьма близкими балтийской характеристике металла являются коллекции предметов из памятников типа Дитиничи — Брест-Тришин, которые, однако, уже несут в себе несколько повышенные количества оловянистых бронз.

Сравнительно четко, хотя и менее наглядно, чем прибалтийская, определяется группа северопричерноморского металла, представленная позднесарматским материалом, коллекциями из Танаиса, Неаполя Скифского и Ольвии. Правда, последняя представляет здесь некоторое исключение. Для этой группы характерна прежде всего по сравнению с прибалтийским металлом резко пониженная доля II типа многокомпонентных сплавов. Ведущими здесь являются так называемые биметаллические сплавы — латуни (I тип) и оловянистые бронзы (IV тип). Причем здесь наблюдается определенное несоответствие в пропорциях: если у сармат ведущим типом бесспорно являются оловянистые бронзы (IV тип), то в Танаисе столь же бесспорно ведущими являются латуни (I тип). Неаполь ближе сарматам. Ольвия отличается от предыдущих тем, что здесь заметнее доля II типа сплавов.

С целью сравнения исследованного металла с римским была изучена пока что немногочисленная коллекция римских монет и римских импортных вещей, происхождение которых всякий раз определялось авторами раскопок. Эти предметы были собраны на территории черняховской культуры. В ряде случаев они относились к дочерняховскому времени. Несмотря на малое количество римских импортов и монет, их металлургическая характеристика довольно отчетлива, 4/5 всего количества составляют оловянистые бронзы.

Столь же ясно выраженную характеристику имеет металл зарубинецкой культуры, очень важной для вопроса о происхождении черняховской культуры. Сходство зарубинецких металлургических групп с римскими объяснять заимствованием зарубинецкими мастерами римских рецептов нам кажется преждевременным. К такому результату могли привести традиции и контакты, имеющие совершенно различную направленность. Преобладающий здесь тип оловянистых бронз является одним из древнейших в Евразии, и совпадение носит случайный характер. Вот почему мы не говорим здесь о какой-то единой группе.

Несколько слов о липицкой культуре. Ее памятники содержат металл, характеристика которого в некоторой степени близка северо-западному типу Дитиничей. Но чрезвычайно заметны и отличия. Сходство же выражается прежде всего в том, что II тип сплава здесь также является ведущим, хотя доля его по сравнению с прибалтийским металлом резко снижена.

Таблица убеждает, что металлургическая характеристика черняховского цветного металла не имеет абсолютного сходства практически ни с одной из обработанных коллекций, исключая разве только небольшой ольвийский материал. Но на основании этого последнего факта нельзя, пожалуй, сделать ни одного ответственного вывода. Бесспорно, что черняховский металл по большинству своих деталей ближайшее сходство обнаруживает с металлом, который мы только что выделили в северопричерноморскую группу. Каждая из составляющих эту группу, варьируя в долях типа сплава, обнаруживает тем не менее многие общие черты с черняховским металлом. Это сходство выражается прежде всего в наличии всех или почти всех металлургических групп, чего мы не видим

в металле коллекций из других районов. Кроме того, здесь не заметно резкого преобладания какого-либо одного типа, как это видно, например, на больших коллекциях прибалтийского круга металла, с одной стороны, и зарубинецкой, римских монет и импортов, с другой.

Есть, однако, важная деталь, позволяющая отличать черняховский металл от северопричерноморского, — это значительная доля многокомпонентных сплавов II типа, где их следует безусловно признать самостоятельным типом. Этого нельзя сказать про северопричерноморский металл, где этот тип в большинстве случаев является подчиненным и скорее всего представляет собой производное от смешения латуней и бронз, господствующих там.

Мы ставим ударение на этом признаке хотя бы потому, что он является важнейшей деталью металлообработки культур запада и северо-запада. Наличие такого большого количества сплавов II типа в черняховской культуре заставляет нас искать аналогии именно в этом направлении. Откуда появился этот тип металла, почему он занял такое заметное место у мастеров черняховской металлообработки? Здесь мы невольно обращаемся к пока еще немногочисленным материалам липицкой культуры, предшествовавшей черняховским памятникам в областях Подолии. Не исключено, что тот элемент сходства, который обнаруживают черняховская и липицкая металлообработки именно по этому признаку, заставит нас в будущем искать ближайшие аналогии металла липицкой культуры на западе среди районов распространения так называемого металла провинциально-римских типов. Не исключено, что липицкий металл будет крайним восточным форпостом большой группы, пока еще нам неизвестной. Может быть, это будет являться основной причиной промежуточного положения черняховского металла между северопричерноморским и тем, что мы имеем в липицкой культуре. Здесь сказывается недостаточность сравнительного аналитического материала.

Основной и наиболее вероятный вывод из рассмотрения нашей таблицы будет: металлургические группы черняховской культуры и их соотношение складываются под сильным воздействием металла группы поздних сармат и северопричерноморских городов.

Сейчас трудно судить об истинной доле этого влияния, так как не ясны характеристики металла, расположенного к западу и северо-западу (мы имеем в виду территорию Польши — пшеворская культура, одновременный или более ранний металл на территории Румынии и Венгрии).

Но северопричерноморская база бесспорно была не единственной, на что указывает следующий аспект нашей работы.

Мы разделили коллекцию черняховского металла на 3 основных географических варианта: Поднепровье, Молдавию и Подолию. Границы между подольскими и поднепровскими памятниками в ряде случаев условны. Например, такой обильный металлом памятник, как Косаново, территориально расположен ближе к Поднепровью, а географически относится к Восточной Подолии. Таблица показывает (рис. 23), что распределение металла по типам сплавов во всех трех вариантах выявляет заметную разницу.

Поднепровские памятники по сравнению с общей характеристикой черняховского металла имеют заметно большую долю оловянистых бронз за счет уменьшения II типа сплавов.

Молдавские и подольские памятники, т. е. западные, обнаруживают обратное соотношение. Здесь сильно возрастает II тип сплава, который уже является ведущим, и, наоборот, IV тип оловянистых бронз отходит на второй план. Кроме того, металл молдавских и подольских памятников по своим общим характеристикам бесспорно сходен между собой. Таким образом, центр тяжести сплавов II типа лежит в коллекции западных черняховских памятников. Это может содержать прямой или косвен-

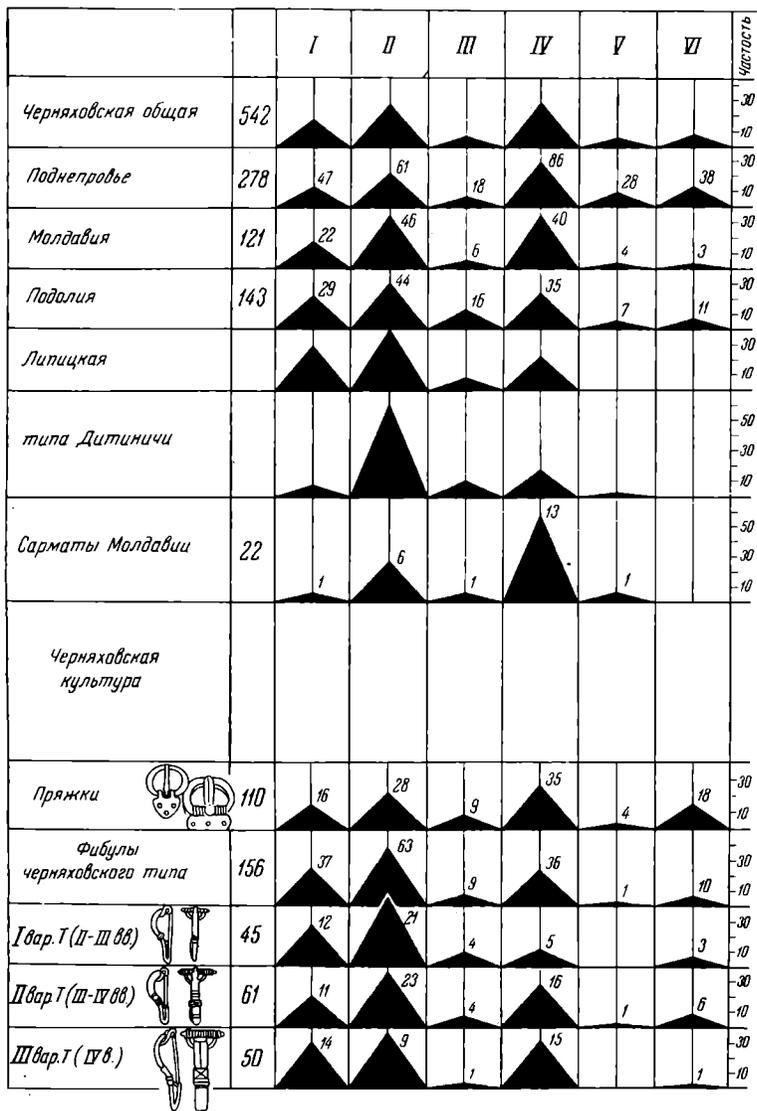

Рис. 23. Таблица сравнительных характеристик распределения изделий по типам сплавов в географических вариантах черняховской культуры (пряжки и фибулы черняховской серии)

ный ответ о расположении исходных районов этих любопытнейших сплавов.

Столь же интересны будут повариантные сравнения с территориально или хронологически смежными металлическими находками. Поднепровские памятники обнаруживают металл с характеристикой, уже существенно в большей степени приближающейся к хронологически подстилающему его позднескифскому и сарматскому. Последнее делает роль местного металла более заметной в качестве базы формирования цветной металлообработки поднепровского варианта черняховской культуры.

Подольский материал весьма близок по разбираемым нами признакам липицкому металлу, который также предшествует ему хронологически. Молдавские черняховцы и молдавские сарматы используют металл уже значительно менее сходный. Однако обращает на себя внимание то, что

даже в небольшой сарматской коллекции из Молдавии II тип сплава занимает весомую долю в противоположность общесарматской картине. Это лишний раз нас наводит на мысль, что изучаемые многокомпонентные сплавы II группы тяготеют к нашим западным границам.

Итак, II тип сплава, который занял в черняховском металле такое заметное место, появился в интересующих нас памятниках из культур, расположенных к западу и северо-западу от черняховской. Этот тип сплава не явился, по всей вероятности, местным изобретением, а был заимствован и широко воспринят черняховскими мастерами. Следовательно, как показывают и повариантные сравнения, второй важнейший компонент сложения черняховской металлообработки следует искать в культурах западного или северо-западного направлений, где он был распространен значительно шире и раньше, чем в черняховских памятниках. Нами не исключается также и заметное воздействие металла прибалтийского круга, как на это указывает известная близость подольского металла, и металла из памятников типа Дитиничей, входящих в прибалтийский круг. Это будет более заметно при изучении фибул черняховского типа.

Если бы мы располагали хронологически более дробными и многочисленными сериями отдельных типов и категорий, можно было бы с большей достоверностью ответить на поставленный вопрос о динамике сложения цветной металлообработки у черняховцев. Но в нашем распоряжении имеются лишь достаточно многочисленные серии фибул так называемых черняховских типов (тип, выделенный, разделенный повариантно и хронологизированный А. К. Амброзом²). Для сопоставлений полезно было взять характеристику металла, из которого были изготовлены черняховские пряжки.

Эти две категории вещей интересны для нас тем, что их генезис по гипотезам некоторых авторов различен. Так, А. К. Амброз, основываясь на хронологии и территориальном распределении древнейших фибул черняховского типа, предполагает, что родина последних находится в юго-восточной Прибалтике, в низовьях Вислы. Проникая сюда в конце II—начале III в., они развиваются типологически и становятся, таким образом, неотъемлемой частью украшений местного населения.

Пряжки, к сожалению, не подразделенные ни типологически, ни хронологически, ни по каким признакам не связываются с прибалтийскими и скорее всего имеют местное происхождение. Характеристика металла, который шел на изготовление пряжек, с одной стороны, и фибул черняховского типа, с другой, имеет заметные различия. Последние повторяют и напоминают те, что мы отметили при изучении географических вариантов, а именно: распределение металла пряжек по металлургическим группам весьма близко или даже аналогично тому, что мы встречаем в поднепровских вариантах, фибулы же черняховского типа намного ближе к металлу западных областей (рис. 23).

Это видно из соотношения II и IV типов сплавов, которое является для нас важнейшим показателем. Не является ли подмеченная разность свидетельством различия в территориальном и культурном происхождении наиболее многочисленных типов вещей?

Еще более интересна картина, выявленная при распределении металла изделий по типам сплава в каждом из трех вариантов фибул черняховского типа (рис. 23). Здесь самые ранние (по А. К. Амброзу) фибулы I варианта обнаруживают картину металла, уже существенно отличающуюся от общей характеристики черняховского металла. Едва ли не половина этих фибул изготовлена из сплавов II типа. IV тип (оловяни-

² А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, вып. Д1—30. М., 1966, стр. 61.

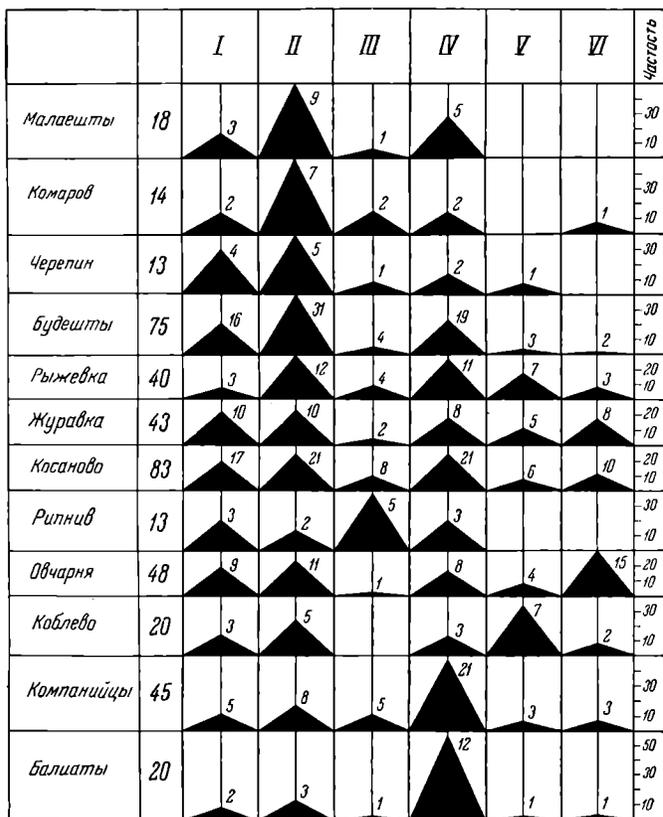

Рис. 24. Таблица распределения изделий по типам сплавов в коллекциях металлического инвентаря некоторых памятников черняховского типа

стые бронзы) здесь крайне малочислен, но начинает увеличиваться во 2-м и 3-м вариантах. На этом вопросе мы уже сравнительно подробно останавливались ранее. Но его особая важность для нашей темы и подтверждение этого вывода на значительно расширенных материалах заставляют нас вновь обратиться к нему.

Серии исследованных фибул всех вариантов достаточно велики, и поэтому их металлургические характеристики достаточно надежны. Фибулы 1-го варианта резко отличаются не только от общей характеристики черняховского металла, но даже от металла западных областей — Молдавии и Подолии. В таком виде распределение предметов по металлургическим группам ближе всего подходит к памятникам типа Дитиничей и тем самым к металлу прибалтийского круга. II и III типы имеют металл, сходный с липицким и подольским.

Это наблюдение важно для нас в трех планах: во-первых, оно подтверждает наш предварительный вывод о том, что сложение металлообработки у черняховских племен происходило не путем простого заимствования основных приемов из одного источника. По-видимому, здесь имел место довольно сложный процесс. Этот процесс включал в себя наследование местных, предшествовавших Черняхову традиций и внедрение сюда с западных или северо-западных областей чуждых здесь типов сплавов. Во-вторых, это наблюдение показывает нам, что определенные категории изделий, характерные для черняховской культуры, обнаруживают несомненную связь с тем или иным типом сплава. Ее невозможно удовлетворительно объяснить. Возможно, здесь имеет место глубокая

традиция. В-третьих, мы можем предварительно определить время наиболее активного внедрения в памятники черняховской культуры II типа сплава. Это — II—III века, когда у черняховцев появляются фибулы 1-го варианта. Вывод этот не противоречит наблюдениям А. К. Амброза об отчетливых типологических аналогиях этому варианту на территории Польши, в низовьях Вислы, где, по-видимому, он и зародился.

Рассмотрение различий в распределении изделий по типам сплавов в коллекции каждого памятника приводит также к некоторым выводам.

Наиболее западные или северо-западные памятники содержат металл с ведущим II типом сплава (рис. 24). Это вполне понятно с точки зрения той позиции, которую мы выбрали для объяснения путей сложения черняховской металлообработки. Ведь II тип металла распространялся по черняховской территории именно с этого направления. И наоборот, такой восточный левобережный памятник, как Компанийцы, содержит металл, уже весьма близкий сарматскому. Непонятную аномалию обнаруживает могильник Балдаты, расположенный в Молдавии. В нем мы застаем металл, почти тождественный местному сарматскому.

Подведем основные итоги:

1. Химический состав металла черняховской культуры весьма сложен: это обусловлено искусственным введением в него таких примесей, как олово, цинк, свинец и серебро. Кроме того, имелось безусловное перемешивание металла различных рудных источников, нивелировавшее исходную картину примесей.

2. На сегодняшний день вопросы установления исходных рудных источников черняховского металла остаются открытыми. Наиболее перспективным является путь выяснения исходных традиций металлургических сплавов.

3. Сравнение характеристик металлургических групп черняховской культуры показывает, что населением этой культуры была заимствована и продолжалась в более или менее измененном виде местная северопричерноморская, позднесарматская и, по-видимому, позднескифская для Поднепровья, а для Подолии — липицкая традиция металлургических схем.

4. Другой основной источник сложения черняховской цветной металлообработки находился в западных или даже северо-западных (прибалтийских) областях, где в то время II тип сплавов был ведущим. Особенно заметно влияние этих традиций на ранних фибулах черняховского типа. Из исследованных нами на сегодня коллекций их металлургическая характеристика тождественна прибалтийской. Это определяет один из возможных и более узких районов проникновения такого рода сплавов в памятники черняховской культуры.

Неясными остаются еще материалы пшеворской культуры и металл из одновременных памятников Румынии и Венгрии, необычайно важные для решения нашей задачи.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА Е. Н. ЧЕРНЫХ И Т. Б. БАРЦЕВОЙ

Б. А. Рыбаков отметил, что на таблицах, иллюстрирующих доклад, материал нечетко выражен. При иной географической группировке материала получатся и несколько иные выводы. Сомнения в заключениях докладчиков возникли из-за того, что в исследованиях мало внимания было уделено исторической обстановке. Не является ли зарубинецкий металл переливкой римского импорта?

В заключительном слове докладчики признали, что о перегруппировке рубрик в таблице следует подумать. Вряд ли зарубинецкий металл был переливкой римского импорта в целом, хотя, может быть, частично и были такие случаи. Рецепт металла близок, но это специальный металлургический сплав.

М. Б. ШУКИН

К ВОПРОСУ О ХРОНОЛОГИИ ЧЕРНЯХОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ СРЕДНЕГО ПОДНЕПРОВЬЯ

В настоящее время как будто представляется достаточно очевидным, что вопросы этнической принадлежности культуры не могут быть решены прежде определения ее хронологии. Особенно это касается времени начала эпохи переселения народов, с его многочисленными передвижениями населения, со сложными этническими, социальными и культурными процессами. Только точные датировки позволяют восстанавливать бурный ход исторических событий того времени, увязывать археологические памятники с определенными племенами или группами племен, делать этнические определения. Ошибка даже на 10—20 лет в этих условиях может привести к значительному искажению действительности.

И споры об этнической принадлежности черняховской культуры в конечном итоге тоже сводились к спорам о хронологии¹. Но при этом, на мой взгляд, зачастую совершалась одна методическая ошибка: речь шла о датировке культуры в целом или о датировке вещей, дающих крайние даты культуры², хронология же отдельных памятников подробно не рассматривалась. В результате черняховская культура представала как нечто очень стабильное, застывшее и довольно аморфное как хронологически, так и территориально. Такой подход исключал возможность разработки относительной хронологии культуры, выделения ранних и поздних памятников и оставлял в стороне вопрос о соотношении памятников разных территорий, об их отношении к собственно черняховской культуре, четкие критерии выделения которой все еще по сути дела не выработаны.

Я не случайно пока ограничиваюсь рассмотрением хронологии памятников Среднего Поднепровья, так как именно здесь, да, пожалуй, и только здесь не возникает никаких сомнений об их принадлежности черняховской культуре.

¹ Д. Т. Березовец. О датировке черняховской культуры. СА, 1963, № 3; Е. В. Махно. Ягнятинська археологічна експедиція, АП УРСР, т. III. Київ, 1952; М. Ю. Брайчевский. К истории лесостепной полосы Восточной Европы в I тыс. н. э. СА, 1957, № 3; М. Ю. Смишко. Раннеславянская культура Поднепровья в свете новых археологических данных. КСИИМК, вып. XXIV, 1949; М. А. Тиханова. О локальных вариантах черняховской культуры. СА, 1957, № 4; Э. А. Симонович. Погребение V—VI вв. н. э. у с. Данилова Балка. КСИИМК, вып. XLVIII, 1952; Л. С. Клейн. Вопросы происхождения славян. «Доклады VI научной конференции Института археологии АН УССР». СА, XXII, 1955.

² А. Т. Сміленко. Про деякі датуючі речі в культурі полів поховань. Археологія, т. VI. Київ, 1952; Д. Т. Березовец. Указ. соч., стр. 97—110; М. Ю. Смишко. Указ. соч.; М. Б. Шукін. О трех датировках черняховской культуры. КСИИМК, вып. 112, 1967, стр. 8—13.

Ограничиваюсь я также рассмотрением хорошо раскопанных могильников, поскольку лишь они дают закрытые комплексы, опираясь на которые можно судить о времени существования памятника с достаточной достоверностью. Ни случайные находки, ни отдельные погребения, ни, за редким исключением, материалы поселений не дают такой возможности. Не могут быть надежным источником и могильники, материалы которых депаспортизованы и комплексы отдельных погребений не восстанавливаются. Поэтому мы исключаем могильник в Ромашках³, где целый ряд находок вызывает сомнения в принадлежности их к черняховским комплексам⁴.

Строго подходу, следовало бы исключить и могильник в Черняхове, так как большинство комплексов здесь тоже не восстанавливается и он дает не вполне полноценный материал. Но, во-первых, по этому могильнику дано название всей культуры, и он все равно остается памятником-этапоном; во-вторых, раскопан он значительно больше, и материал его несколько однороднее, чем в Ромашках, в-третьих, небольшие раскопки Э. А. Сымоновича в какой-то мере дают возможность проверить выводы, сделанные на остальном материале.

В. В. Хвойко датировал могильник II—V вв.⁵, В. П. Петров,⁶ собравший и опубликовавший материал более полно, считал, что для пересмотра этой даты нет достаточных оснований. Однако последние работы советских и зарубежных археологов, посвященные разработке хронологии отдельных видов инвентаря, позволяют взглянуть на датировку могильника несколько иначе.

Из коллекции черняховского могильника сейчас известна 31 фибула. В большинстве своем (18 экз.) они прогнутые, с подвязной ножкой и по классификации А. К. Амброза относятся к 1-й серии 2-й подгруппы этих фибул, которую он подразделяет еще на 4 варианта⁷.

Первому, самому раннему варианту с узким массивным стержнем, датирующемуся второй половиной II—большой частью III в., соответствуют всего две фибулы⁸. Фибул второго варианта (конец III—первая половина IV в.) несколько больше — 4 экз.⁹ А самые многочисленные (12 экз.) фибулы с пластинчатым корпусом отнесены А. К. Амбросом к третьему варианту. Они бытовали только в IV в.¹⁰

Кроме того, на могильнике найдено 11 двучленных «воинских» фибул со сплошным приемником. Они различаются по форме ножки, но датируются одним временем — IV в.¹¹

Наконец, две серебряные двупластинчатые фибулы, хорошо датирующиеся IV в. н. э. и, быть может, дожившие до начала V в., были найдены в погребении № 160, самом богатом погребении могильника. Находки в этом же погребении двух сравнительно ранних монет — денария Фаустины Младшей (175 г.) и «варварского» подражания ауреусу Гор-

³ М. Ю. Браичевский. Ромашки. МИА, № 82, 1960.

⁴ В. В. Кротошкин. Экономические связи Восточной Европы в I тыс. н. э. М., 1967, стр. 70—71.

⁵ В. В. Хвойко. Поля погребений в Среднем Поднепровье. ЗРАО, т. XII, вып. 1—2, 1901; он же. Древние обитатели Среднего Поднепровья и их культура в доисторические времена. Киев, 1913, стр. 43—44.

⁶ В. П. Петров. Черняховский могильник (по материалам раскопок В. В. Хвойко в 1900—1901 гг.). МИА, № 116, 1964, стр. 117.

⁷ А. К. Амброз. Фибулы юга Европейской части СССР. САИ, вып. Д1—30, 1966, стр. 60—67.

⁸ В. П. Петров. Черняховский могильник..., рис. 11, 1, 21.

⁹ Там же, рис. 11, 19, 20, 22, 25; А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 63—64.

¹⁰ В. П. Петров. Черняховский могильник..., рис. 2—5, 23, 24, 26—31; А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 64—67.

¹¹ В. П. Петров. Черняховский могильник..., рис. 11, 6—16; А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 70—72.

диана III (238—244 гг.), казалось бы, дают основания относить это погребение к более раннему времени, к первой половине III в.¹²

Но датировка стеклянного кубка (о нем речь пойдет ниже) и фибул погребения обоснованы столь многочисленными комплексами¹³, что это не позволяет выводить дату погребения за пределы IV в. Итак, из 31 фибулы черняховского могильника лишь две могут относиться ко второй половине II в. и существуют почти весь III в. Все же остальные фибулы не могут быть ранее конца III в., а подавляющее большинство фибул (25 из 31) относится только к IV в. Аналогичная картина получается и при рассмотрении гребней черняховского могильника, хронология которых достаточно хорошо разработана в европейской литературе¹⁴.

В материалах могильника представлены пять гребней с сегментовидной рукояткой (I типа, по классификации Э. Томаса), которые характерны в основном для второй половины III—первой половины IV в.¹⁵, и 9 экз. с выступом на середине прямоугольной спинки (1-й вариант III типа), датируемые второй половиной IV—серединой V в.¹⁶ Так называемый дунайский вариант III типа, представленный на могильнике пятью экземплярами, тоже датируется второй половиной IV—первой половиной V в.¹⁷

Как мы видим, все гребни относятся к довольно позднему времени и самые ранние из них датируются не ранее второй половины III в., большая же часть их вошла в обиход только в IV в. Типологически трехчастным роговым гребнем предшествовали одночастные, и один такой одночастный гребень происходит с Черняховского могильника, но форма его уникальна. Аналогичные гребни пока не известны, и потому его едва ли можно привлекать в качестве датирующего материала¹⁸.

В настоящее время уже достаточно хорошо разработаны и датировки стеклянных изделий, и три сосуда из Черняхова могут уточнить время существования могильника.

Толстостенный кубок с шлифованными овалами найден в уже упоминавшемся погребении № 160. Время наиболее широкого распространения этих кубков — IV век, что не отрицается ни одним исследователем, хотя некоторые из них и склонны ограничивать их существования только этим временем¹⁹, а другие допускают возможность их бытования в III или во второй половине II в.²⁰

Г. Эгерс из 13 датированных находок кубков этого типа 8 относит к ступени D₁ (IV в.), три к ступени C₂ (200—300 гг.) и два к ступени C₁ (150—200 гг.)²¹. Но по крайней мере один из последних двух комплексов датирован столь ранним временем по недоразумению. Это погребение в Вальстенраум, кроме кубка, содержало трехчастный гребень с сегменто-

¹² В. П. Петров. Черняховский могильник..., стр. 117, рис. 11, 17, 18; рис. 15, 1; рис. 9, 1.

¹³ А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 80—83; F. Kuchenbuch. Die Fibeln mit umgeschlagenem Fuß. «Saalburg Jahrbuch», XIII. Berlin, 1954, стр. 22.

¹⁴ S. Thomas. Studien zu den germanischen Kämmen der römischen Kaiserzeit. «Arbeits und Forschungsberichte zur sächsischen Bodendenkmalpflege», Bd. 8. Leipzig, 1960.

¹⁵ В. П. Петров. Черняховский могильник, рис. 13, 2, 3, 11, 13, 14; S. Thomas. Указ. соч., стр. 92.

¹⁶ В. П. Петров. Черняховский могильник..., рис. 13, 5—8, 17—21; S. Thomas. Указ. соч., стр. 110.

¹⁷ В. П. Петров. Черняховский могильник..., рис. 13, 10, 15, 16, 22. S. Thomas. Указ. соч., стр. 111.

¹⁸ В. П. Петров. Черняховский могильник..., рис. 13, 12.

¹⁹ G. Eckholm. Orientalische Gläser in Scandinavien während der Keiser und Frühen Merovingenzeit. «Acta archeologica», v. XXVII, 1956; Э. А. Симонович. Стеклопосуда середины I тыс. н. э. с Нижнего Днепра. КСИИМК, вып. 69, 1967.

²⁰ H. J. Eggers. Der römische Import im freien Germanien, Bd. I. Hamburg, 1951. стр. 180; М. А. Тиханова. Из материалов дубосарского отряда молдавской экспедиции. КСИИМК, вып. 57, 1955.

²¹ H. J. Eggers. Der römische Import..., Bd. I, стр. 80.

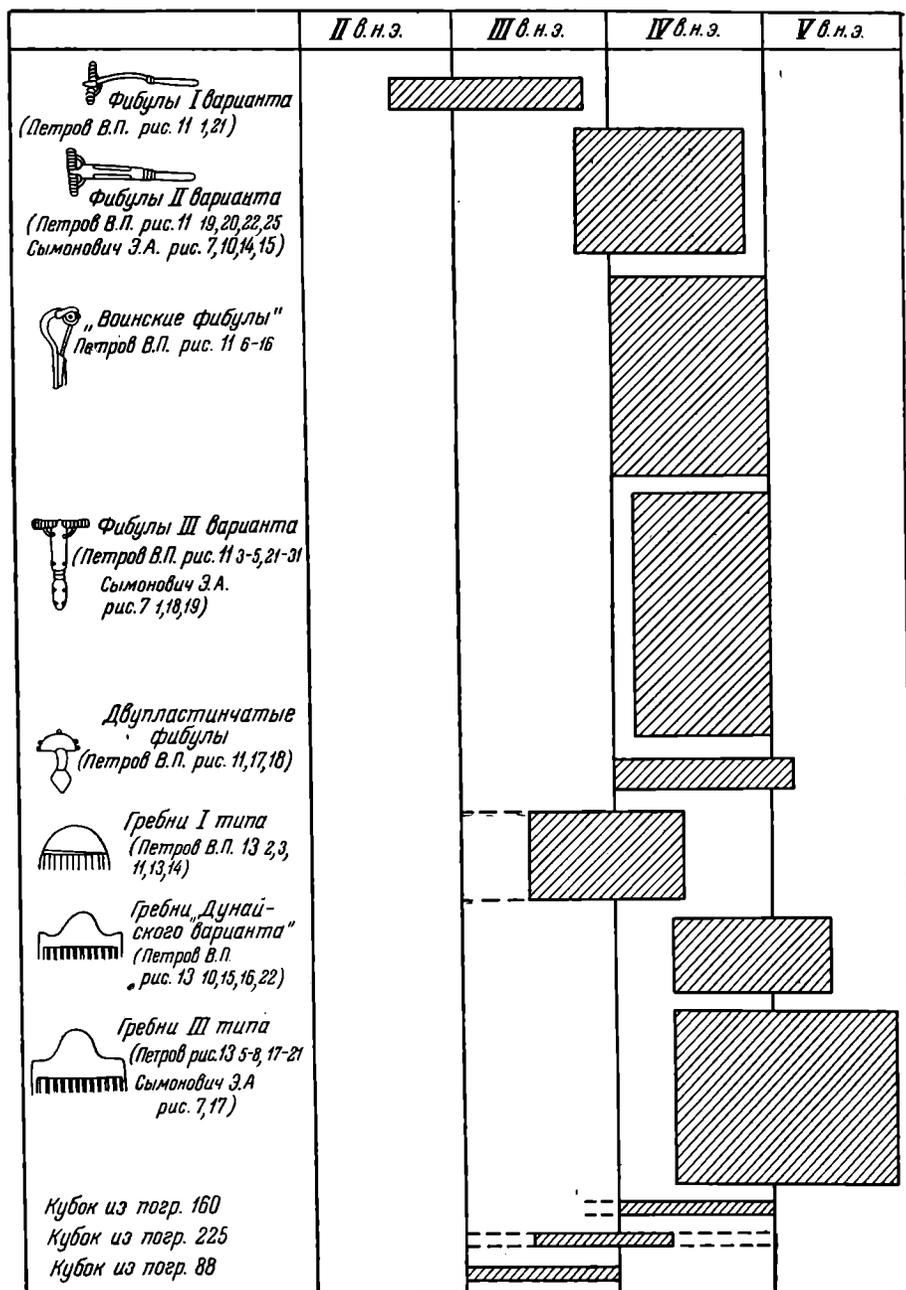

Рис. 25. Таблица соотношений инвентаря Черняховского могильника

видной спинкой и две «воинских» фибулы IV в.²² Не исключая возможности появления кубков со шлифованными овалами еще в III в., датиро-

²² O. Almgren und B. Nerman. Die ältere Eisenzeit Gotlands. Stockholm, 1914—1923, Taf. 30, 452; Taf. 22, 341; Taf. 27, 400, 404; Taf. 28, 424.

вать их все же следует концом III—IV в., что и принимается в большинстве работ последнего времени²³.

Конический кубок из тонкого бесцветного стекла со шлифованными овалами был найден в погребении № 225²⁴. Шлифованные овалы на тонкостенных кубках встречаются сравнительно редко и, как правило, в сочетании с другими способами орнаментации (типы 216—226, по Г. Эггерсу²⁵, датируемые в основном второй половиной III в.²⁶). Единственный кубок, украшенный только овалами и по пропорциям самый близкий к черняховскому, происходит из комплекса IV в. (ступень Д₁) в Зигерштадте²⁷.

III веком, вероятно, следует датировать кубок погребения № 88. Он близок кубкам типов 205—207, по Г. Эггерсу (ступень С₂)²⁸.

Что касается краснолакового кувшина, на основании которого В. П. Петров утверждает использование могильника во II в.²⁹, то, как я уже указывал, диапазон существования подобной формы слишком широк, чтобы делать какие-либо заключения о хронологии³⁰. Дату мог бы уточнить характер лака, но по краткому описанию С. В. Коршенко сделать это затруднительно³¹.

Таким образом, на могильнике в Черняхове нет вещей, время бытования которых не входило бы в рамки второй половины III—IV в. Подавляющее же большинство материала относится к IV в. (рис. 25). Новые раскопки Э. А. Сымоновича не внесли новых данных для изменения представлений о его хронологии.

Сочетание двух фибул с подвязной ножкой 3-го варианта и трехчастного гребня с выступом на спинке в погребении № 264 указывает на IV в.³², а две фибулы 2-го варианта датируют погребение № 257 концом III—IV в.³³ Находка «серповидного ножа» в погребении № 256 не меняет его даты, определяемой сочетанием подвязных фибул 1-го и 3-го вариантов³⁴, поскольку скорее всего это обломок не серповидного ножа, характерного в основном для эпохи латена³⁵, а обычного черняховского серпа, в ряде находки из Зернешт³⁶.

В основном о IV в. свидетельствует и материал могильника в Переславле-Хмельницком: в погребении № 5 — сочетание подвязной фибулы 3-го варианта, трехчастного гребня дунайского варианта (вторая половина

²³ Н. J. Eggers. Zur absoluten Chronologie der römischen Keiserzeit im freien Germanien. «Jahrbuch der römisch-germanischen Zentralmuseums Mainz», 1955, стр. 228; F. Fremersdorf. Gutachten über die römischen Gläser im freie en Germanien. «Jahrbuch des römisch-germanischen Zentralmuseums Mainz», 1955, стр. 243—244; Н. П. Сорокина. Стекло из раскопок Пантикапея 1945—1959 гг. МИА, № 103, 1962, стр. 182; Э. А. Сымонович. Стекланные кубки из Журавки. КСИА, вып. 102, 1964, стр. 10—11.

²⁴ В. П. Петров. Черняховский могильник..., рис. 9, 3.

²⁵ Н. J. Eggers. Der römische Import..., Bd. I, стр. 180, табл. 15, 216.

²⁶ F. Fremersdorf. Указ. соч., стр. 243—244.

²⁷ Н. J. Eggers. Der römische Import..., Bd. I, стр. 87, 180; Bd. II, tabl. 16, 223.

²⁸ В. П. Петров. Черняховский могильник..., стр. 103, рис. 9, 2; Н. J. Eggers. Der römische Import, Bd. I, стр. 179; Bd. II, tabl. 15, 205—207.

²⁹ В. П. Петров. Черняховский могильник..., стр. 103, рис. 10, 5.

³⁰ М. Б. Щукин. Указ. соч., стр. 9—10.

³¹ В. П. Петров. Черняховский могильник, стр. 103.

³² Э. А. Сымонович. Новые работы в с. Черняхове. МИА, № 139, 1967, рис. 7, 17, 18, 19; А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 64—65; S. Thomas. Указ. соч., стр. 110.

³³ Э. А. Сымонович. Новые работы..., рис. 7, 14, 15; А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 63—64.

³⁴ Э. А. Сымонович. Новые работы..., стр. 181, рис. 7, 1, 10, 13.

³⁵ R. Nachmann. Die Chronologie der jungeren vorrömischen Eisenzeit. «41 Berichte der Römisch-Germanischen Kommission. 1960», 1961, стр. 30—31, 46, 67—68, 130—138; J. Kostrzewski. Die ostgermanische Kultur der Spätlatenzzeit, Teil. I. «Mannus-Bibliothek», 1919, N 18, стр. 1—58.

³⁶ Э. А. Рикман. Находки сельскохозяйственных орудий и зерен злаков на селищах черняховского типа. КСИИМК, вып. 77, 1959, стр. 112—118, рис. 51, 36.

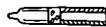
	II в.н.э.	III в.н.э.	IV в.н.э.	V в.н.э.
Поер. N68 			██████████	
N69 			██████████	
N71 			██████████	
N74 			██████████	
N75 			██████████	
N81 			██████████	
N82 			██████████	
N84 			██████████ ██████████ ██████████	
N85 	██████████	██████████	██████████ ██████████	
N87 			██████████ ██████████ ██████████	
N89 		██████████	██████████ ██████████	██████████
N91 			██████████	

Рис. 26. Таблица датировки погребений масловского могильника

IV—первая половина V в., по Э. Томасу) и толстостенного стеклянного кубка со шлифованными овалами³⁷. В погребении № 4 — гребень 1-го варианта III типа (вторая половина IV—V в.)³⁸, в погребении № 2 — гребень «скандинавского» варианта не ранее конца IV в. (в публикации, правда, имеется лишь не очень ясный рисунок его на плане погребения)³⁹.

³⁷ В. К. Гончаров, Е. В. Махно. Могильник черняхівського типа біля Переслава-Хмельницького. Археологія, т. XI. Київ, 1957, стр. 133—134, табл. II, 1—13; А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 64—65; S. Thomas. Указ. соч., стр. 112.

³⁸ В. К. Гончаров, Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 132—133, табл. II, 17; S. Thomas. Указ. соч., стр. 110.

³⁹ В. К. Гончаров, Е. В. Махно. Указ. соч., стр. 130—132; рис. 1; S. Thomas. Указ. соч., стр. 113, рис. 64.

Самый полноценный и достоверный материал для черняховской культуры Среднего Поднепровья дает могильник в Маслове. Хотя и он раскопан не полностью (часть его разрушена при выборке глины), но все же сохранилась более подробная документация о его раскопках и комплексы большинства погребений известны⁴⁰.

Здесь мы сталкиваемся с тем же инвентарем, что и в Черняхове. Из семи подвязных прогнутых фибул (погребения № 68, 74, 85, 87, 89, 91) — шесть относятся к 3-му варианту — IV в. и лишь одна в погребении № 85 — к 1-му варианту этих фибул, датированному второй половиной II—III в.⁴¹ Впрочем, в этом погребении она выступает в сочетании с фибулой с широкой пластинчатой спинкой (3-й вариант), относимой А. К. Амброзом к IV в.⁴², следовательно, весь комплекс, вероятно, приходится на рубеж III—IV вв. Из датированных погребений Масловского могильника это самое раннее, остальные более поздние. В погребении № 89 найден трехчастный гребень с сегментовидной спинкой I типа (по Э. Томасу, вторая половина III—первая половина IV в.) вместе с фибулой IV в. и гребнем III типа (вторая половина IV—V в.)⁴³. Сочетание наиболее вероятное для середины IV в.

В погребениях № 84 и № 87 совместное нахождение фибул и гребней⁴⁴ свидетельствует о еще более позднем времени, о второй половине IV в. (рис. 26). Инвентарь остальных погребений тоже поздний, не ранее IV в. н. э. Это и двупластинчатые фибулы IV начала V в. н. э. в погребении № 71⁴⁵, и разные варианты «воинских» фибул IV в. в погребениях № 75 и 82⁴⁶, и гребень «дунайского» варианта второй половины IV—первой половины V в. в погребении № 69⁴⁷.

Однако все датирующие предметы происходят из могил с труположением и располагаются, как видно на плане могильника, в основном на его периферии. Центральную часть могильника, возможно несколько более древнюю, занимают погребения с трупосожжением, причем в самом центре сосредоточено больше ямных, безурновых погребений. Может быть, и это явление хронологическое. К сожалению, трупосожжения не содержали датирующего инвентаря, и поэтому нет возможности проверить это предположение и нет пока возможности точно установить, когда начали хоронить на этом могильнике. Керамика же из трупосожжений опубликована менее точно⁴⁸. По имеющемуся материалу никаких различий между керамикой из сожжений и керамикой из труположений установить не удастся. Интересно отметить, что два сравнительно ранних стеклянных кубка черняховского могильника тоже происходят из погребений с трупосожжениями (№ 88 и 225)⁴⁹.

К сожалению, пока не опубликованы довольно многочисленные материалы могильников, раскапываемых за последние годы в Журавке, Компанийцах. Быть может, они внесут существенные коррективы, но пока, по имеющимся у нас данным, можно утверждать, что черняховская

⁴⁰ В. П. Петров. Масловский могильник на р. Товмач. МИА, № 116, 1964, стр. 118—167.

⁴¹ А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 64—65.

⁴² В. П. Петров. Масловский могильник..., рис. 11, 27, 28; А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 62.

⁴³ В. П. Петров. Масловский могильник..., рис. 13, 21—22; S. Thomas. Указ. соч., стр. 92, 110.

⁴⁴ В. П. Петров. Масловский могильник..., рис. 13, 1—16; рис. 11, 12—23.

⁴⁵ Там же, рис. 6, 20; А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 83.

⁴⁶ В. П. Петров. Масловский могильник..., рис. 9, 8, 10, 33; А. К. Амброз. Указ. соч., стр. 70—72.

⁴⁷ В. П. Петров. Масловский могильник..., рис. 6, 14; S. Thomas. Указ. соч., стр. 119.

⁴⁸ В. П. Петров. Масловский могильник, стр. 127—133, рис. 3, 4.

⁴⁹ Там же, стр. 103.

культура в том виде, как она представлена на могильниках в Черняхове и Маслове, оформилась не ранее чем в середине—конце III в. и существовала до конца IV в.

Еще одним критерием для определения хронологии может служить соотношение черняховской культуры с памятниками предшествующего и последующего времени на этой территории. Вопрос о соотношении с последующими памятниками V—VI вв. уже рассматривался В. П. Петровым⁵⁰. На Среднем Днепре, во всяком случае на правом берегу Днепра, непосредственно предшествуют черняховской культуре не зарубинецкие памятники, как принято считать, а сарматские. В большинстве случаев это отдельные погребения, которым, к сожалению, пока уделялось мало внимания⁵¹. Некоторые из них содержат инвентарь, позволяющий достаточно точно установить их дату—вторая половина I—первая половина II в. н. э. Это бронзовые ковши, найденные в Краснопольке, Кагарлыке, Цветне⁵², фибула из Ружичевки⁵³ и др. Сарматский могильник, раскопанный у с. Калантаева⁵⁴, судя по сочетаниям инвентаря в погребениях, использовался от первой четверти I до первой четверти II в.⁵⁵ Приблизительно в эти же промежутки времени укладывается и датировка большинства других сарматских памятников (Липовец⁵⁶, Старая Осота⁵⁷ и др.).

Таким образом, между достаточно хорошо датированными сарматскими памятниками и черняховскими классическими памятниками типа Маслово-Черняхова оказывается хронологический разрыв почти в 100 лет, и мы пока не знаем, является ли этот разрыв результатом несовершенства наших методов датировки или отражает в какой-то мере реальную обстановку второй половины II—первой половины III в. Вероятно, со временем этот разрыв будет заполнен определенным археологическим материалом. И уже сейчас можно видеть по крайней мере три категории памятников, претендующих на роль промежуточных. Соотношение между ними пока остается неясным.

Во-первых, некоторые сарматские погребения могут оказаться более поздними по сравнению с основной группой, например богатое погребение в Цветне⁵⁸. Из-за неразработанности хронологии его дата не устанавливается точно. Нашивные золотые бляшки этого погребения, с одной стороны, находят аналогии в Новочеркасском кладе (I в. н. э.)⁵⁹, с другой стороны—в погребении Рискупорида III (211—226 гг.). Золотая волютообразная пряжка аналогична находке из склепа № 1665 в Херсонесе,

⁵⁰ В. П. Петров. Про зміну археологічних культур на території УРСР у V ст. н. е. Археологія, т. XVIII. Київ, 1965, стр. 3—13.

⁵¹ М. П. Абрамова. Сарматские погребения Дона и Украины. СА, 1961, № 1.

⁵² Н. Е. Бранденбург. Журнал раскопок 1888—1902 гг. СПб., 1908, стр. 42; ОАК, 1899, стр. 91, рис. 70; ЭРАО, т. XI, вып. 1—2, 1899, стр. 263; Архив ЛОИА, ф. 1, 1885, № 33, лл. 8—23; A. Radnoti. Die römischen Bronzegefäße von Pannonien. «Dissertationes Pannonicae», Ser. 2. Budapest, 1938, N 6, Tabl. XIX, 4, стр. 43—47.

⁵³ ОАК, 1896, стр. 141—142, рис. 497, 498; Sellye Ibolya. Les bronzemailles de la Pannonie Romaine. «Dissertationes Pannonicae», Ser. 2, fasc. 8. Budapest, 1939, Tabl. XII, 7, 9, стр. 73, 35.

⁵⁴ Е. Ф. Покровська, Г. Т. Ковпаненко. Могильник біля с. Калантаєво. Археологія, т. XII. Київ, 1961.

⁵⁵ Подробнее датировка сарматских памятников Среднего Поднепровья и их отношение с зарубинецкой культурой будут рассмотрены в другом месте.

⁵⁶ ЭРАО, т. XII, вып. 1—2, 1900, стр. 292—293, рис. 82—85.

⁵⁷ И. И. Фундуклей. Обзорение могил, валов и городищ Киевской губ. Киев, 1848, стр. 73—74, табл. XIII, а, с.

⁵⁸ ЭРАО, т. XI, вып. 1—2, 1899, стр. 262—263; ОАК, 1896, стр. 88—89; Архив ЛОИА: архив А. А. Спицына, корочки, № 317, л. 85.

⁵⁹ И. Толстой и Н. Кондаков. Русские древности в памятниках искусства, вып. 3. СПб., 1889—1899, стр. 132—140.

датированного монетой Филиппа Араба (244—249 гг.)⁶⁰, а подвески в виде спаренных ведерок датируются в основном I в. н. э.⁶¹

Во-вторых, некоторые памятники, относимые обычно к черняховской культуре, могут быть более ранними по сравнению с Черняховским могильником и несут вполне определенные сарматские черты. Так, в погребении в Борохтянской Ольшанке⁶² наряду с пряжкой, характерной для черняховской культуры, найдено сарматское зеркало, датирующееся не ранее II и не позже III в.⁶³

На поселении Ломоватое 2⁶⁴ яма 2 датируется находкой горла амфоры «таманского» типа конца II—первой половины III в.⁶⁵ и кроме гончарной керамики черняховского облика содержит лепную керамику, удивительно напоминающую керамику сарматского Калантаевского могильника⁶⁶. Кроме того, на этом поселении найден бронзовый браслет. Браслеты вообще не характерны для черняховской культуры, но зато идентичные вещи известны на сарматских памятниках⁶⁷.

В-третьих, пока остается неясной культурная принадлежность некоторых вещей северного происхождения — отдельные находки глазчатых фибул, гривны клада в Залевках⁶⁸.

Думаю, что дальнейшее более тщательное изучение памятников этих трех групп, их поиски и новые раскопки, выяснение их соотношения, прежде всего хронологического, позволят реально представить себе и время, и характер оформления черняховской культуры на Среднем Днепре.

ОБСУЖДЕНИЕ ДОКЛАДА М. Б. ЩУКИНА

М. Ю. Смишко считает, что М. Б. Щукин фиксирует дату появления вещи, а время ее бытования в погоне за узкой датой не учитывает. Вещи надо рассматривать в соединении с другими вещами, с которыми они встречаются. Если таких комплексов два-три, факт взаимовстречаемости отбрасывать уже нельзя. Лучше поосторожнее пользоваться двумя датировками.

Б. А. Рыбаков говорил, что доклад производит двойственное впечатление. Он четко доложен, логичен и хорошо проиллюстрирован. Однако

⁶⁰ ОАК, 1905, стр. 53, рис. 55; ИАК, 1907, вып. 25, стр. 78—79, рис. 8.

⁶¹ ОАК, 1895, стр. 110, 112—113; А. Н. Зограф. Античные монеты. МИА, № 16, 1951, табл. XXXVII, 3, 7, 8; Е. В. Махно. Розкопки пам'яток епохи бронзи та сарматського часу в с. Усть-Кам'яці, АП УРСР, т. IX. Київ, 1960, стр. 29, рис. 12, 1—3, 10—12; рис. 17, 1—3; Э. А. Симонович. Фибулы Неаполя скифского. СА, 1961, № 1, рис. 3, 20.

⁶² А. А. Спицын. Поля погребальных урн. СА, X, 1948, стр. 61—62, рис. 6, 18, 19, 21, 23, 24.

⁶³ А. М. Хазанов. Генезис сарматских бронзовых зеркал. СА, 1963, № 4, стр. 6.

⁶⁴ Э. А. Симонович. Раскопки поселения Ломоватое 2. КСИИМК, вып. 79, 1960, стр. 21—26.

⁶⁵ Там же, рис. 9, 5а; М. Б. Щукин. Хронология черняховской культуры и находки амфор. СА, 1968, № 2.

⁶⁶ Э. А. Симонович. Раскопки поселения Ломоватое 2, рис. 8, 1, 5; Е. Ф. Покровська, Г. Т. Ковпаненко. Указ. соч., рис. 6, 9, 10.

⁶⁷ Э. А. Симонович. Раскопки поселения Ломоватое 2, рис. 9, 1, стр. 22; М. Т. Вязьмитина, В. А. Іллінська, Е. В. Покровська, О. І. Тереножкін, Г. Т. Ковпаненко. Кургани біля с. Ново-Пилипівка і радгоспу «Акермень» АП УРСР, т. VIII. Київ, 1960, стр. 72, рис. 58, 1—8; К. Ф. Смирнов. Быковские курганы. МИА, № 78, 1960, стр. 174—175, рис. 4, 2, 3.

⁶⁸ А. А. Бобринский. Курганы и случайные находки близ м. Смелы, т. I, 1887, стр. 153, рис. XXI; М. Х. Шмидехельм. Археологические памятники периода разложения родового строя на северо-востоке Эстонии. Таллин, 1955, стр. 68, рис. 14, 4; A. Nachmann. Die Ältesten eisenzeitlichen Funde in Finnland. «Mannus-Bibliothek», Würzburg, 1913, N V, стр. 211—213.

нежелание использовать материалы такого памятника, как Ромашки, нарушает стройность доклада и мышления. Метод узкой датировки пригоден тогда, когда исследуются все могильники. Нужно определять и каждую вещь, и суммарно комплекс находок, хотя бы это и расширяло датировки. Это можно сделать по отношению к любому могильнику, в том числе и к памятникам с нарушенным комплексом, хотя и оговорить, что сделано, может быть, на основании не очень надежных данных. Если же могильник расчленен на комплексы, то работа, проделанная М. Б. Щукиным, только черновая и рано делать выводы. Выводы можно делать о хронологии культуры в целом на основании 3—4 разработок точных датировок. Кроме фибул, монет и драгоценного уникального инвентаря, базирующихся на точных датах, есть вещи не датируемые точно. Могут, например, быть захоронения без датирующих вещей. Поэтому нужно создать относительную датировку инвентаря. Статистические методы позволяют совершенствовать хронологическую классификацию. Нужно объединить керамику по группам, по комплексам и распределить материалы данного могильника на несколько серий, связанных между собой корреляцией. Эту сетку совместить с таблицей, предложенной М. Б. Щукиным, содержащей точно датированные вещи. Тогда получится надежная схема распределения всего материала во времени. Возможно, тогда какое-либо захоронение без точно датированных вещей выйдет за рамки предварительно намеченной хронологии. Может получиться, что последние звенья эволюции не будут иметь хорошо датированных вещей и их не с чем будет сравнивать. Говорить об узкой дате невозможно без работы над материалами могильника в целом. Сделана половина работы, и переходить к окончательным выводам докладчик пока не имеет права. Нужно проследить весь путь эволюции материалов, а тогда уже говорить о широких и узких датах. Возможно тогда, что узкие даты, предложенные докладчиком, расширятся. Пока доклад производит впечатление полуфабриката.

И. С. Винокур отмечает положительное впечатление от доклада, дающего возможность датировать отдельные черняховские комплексы. Говорить же только об узких датах как более научных И. С. Винокуру представляется неверным. Суженная дата ограничивает перспективу исторического развития и ограничивает возможности ретроспекции. У М. Б. Щукина имеется и противоречие — он предлагает использовать для датировок только так называемые закрытые комплексы, а сам использует отдельно найденные вещи. Для научной датировки должен быть изучен весь материал, а также то, что уже датировано в соседних культурах.

Э. А. Сымонович считает необходимым использовать для датировок также материалы с поселений, а не только в основном с могильников, как делает докладчик. Поиски аналогий ягнятинской амфоры в Испании не обязательны. Комплексы же совхоза № 10 под Севастополем (раскопки С. Ф. Стрелецкого) дают не вполне убедительную аналогию.

М. А. Тиханова возражала против того положения, что закрытыми комплексами можно считать только погребения. К закрытым комплексам должны быть отнесены и жилища, и производственные сооружения, в особенности погребения в огне пожара. Три докладчика пришли к выводам о датировке черняховских памятников III—IV вв. н. э. Точно датированная вещь — понятие твердое. Выводы М. Б. Щукина не окончательные, но методика докладчика плодотворна, и это тот путь, по которому надо идти. Без точной датировки отдельных вещей ни абсолютную, ни относительную хронологию мы создать не сможем.

Е. В. Махно возражала против предложенной докладчиком датировки ягнятинской амфоры.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АП УРСР — Археологічні пам'ятки УРСР
ВДИ — Вестник древней истории
ГАИМК — Государственная академия истории материальной культуры
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия императорской археологической комиссии
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры
ЛОИА — Ленинградское отделение Института археологии
МАР — Материалы по археологии России
МДАПВ — Матеріали і дослідження з археології
Прикарпаття і Волині
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
ОАК — Отчет Археологической комиссии
ПСРЛ — Полное собрание русских летописей
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
МСА — Materiale și cercetari arheologice
SCIV — Studii și cercetari de istorie veche
WA — Wiadomosci archeologiczne (Warszawa)
ZOW — Z otchłani wieków

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
В. Д. Баран. Черняховская культура в междуречье Верхнего Днестра и Западного Буга в свете новейших исследований	7
Д. Т. Березовец. Черняховская культура и культура славянских племен VI—VIII вв.	15
В. И. Бидзилья. Латенские традиции в черняховской культуре (тезисы доклада)	18
А. А. Бобринский. О некоторых особенностях формовочной технологии керамики из памятников черняховской культуры	20
И. С. Винкур. Вольно-Подольское пограничье — один из районов формирования черняховской культуры	27
Г. А. Вознесенская. Обработка железа у племен черняховской культуры	34
В. И. Довженок. Черняховская культура в истории населения Среднего Поднепровья (тезисы доклада)	39
Н. М. Кравченко. К вопросу о происхождении некоторых типов обряда трупосожжения на черняховских могильниках	44
В. В. Кропоткин. Хронология черняховской культуры и римско-византийские импортные вещи в Восточной Европе	52
Ю. В. Кухаренко. Волинская группа полей погребений и проблема так называемой готско-гепидской культуры (тезисы доклада)	57
Е. В. Махно. Об основных задачах картографирования черняховской культуры в связи с выделением локальных вариантов	60
Г. Ф. Никитина. Гребни черняховской культуры (тезисы доклада)	65
В. П. Петров . Письменные источники о гуннах, антах и готах в Причерноморье	67
Э. А. Рикман. О фракийском элементе в черняховской культуре Днестровско-Дунайского междуречья (тезисы доклада)	74
А. Т. Смиленко. К хронологии гончарной керамики черняховского типа	76
Э. А. Симонович. Страницы истории (отечественных исследований памятников культуры полей погребений после Великого Октября)	82
М. А. Тиханова. Еще раз к вопросу о происхождении черняховской культуры	89
Е. Н. Черных, Т. Б. Барцева. Спектроаналитические исследования цветного металла черняховской культуры	95
М. Б. Щукин. К вопросу о хронологии черняховских памятников Среднего Поднепровья	104
Список сокращений	114

Проблемы изучения черняховской культуры

КСИА, № 121

*Утверждено к печати
Ордена Трудового Красного Знамени
Институтом археологии Академии наук СССР*

Редактор издательства *Л. С. Кручинина*
Технический редактор *Л. Б. Логунова*

Сдано в набор 23/XII 1969 г. Подп. к печ. 19/V 1970 г.
Формат 70×108¹/₁₆. Бумага № 2. Усл. печ. л. 10,15.
Уч.-изд. л. 9,5. Тираж 1400 экз. Т-09123. Тип. зак. 701.
Цена 67 коп.

Издательство «Наука», Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

1-я типография издательства «Наука». Ленинград, В-34,
9 линия, д. 12